

ОВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ: ВЗЯЛИ МОДУ РОДИНУ ЛЮБИТЬ

ЕНДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ГОНЁК

4 / 4719 / ОКТЯБРЬ 2001 / ISSN 0131-0097

В НОМЕРЕ

группа YES

Ирина ЛИНДТ

ШТИРЛИЦ

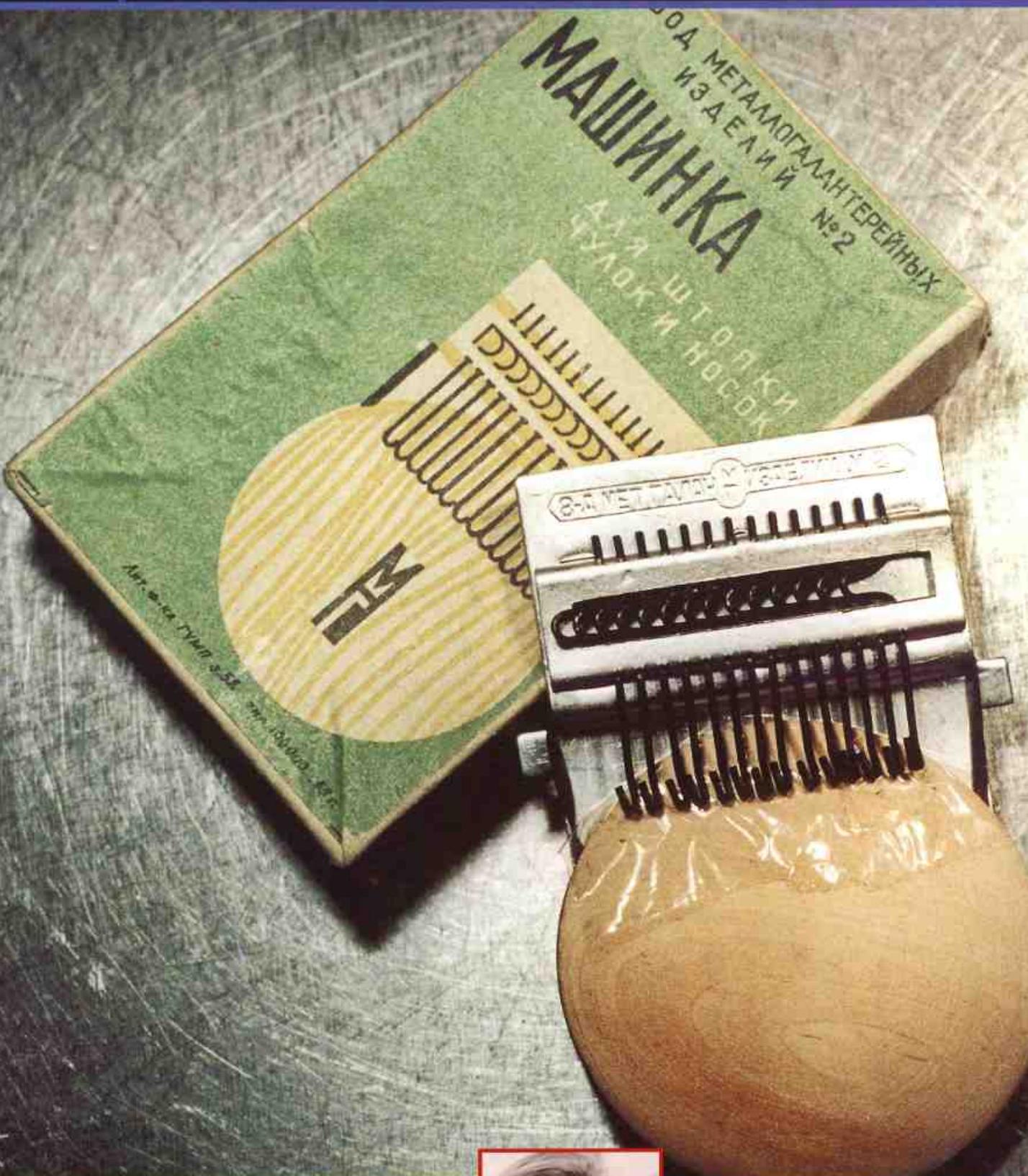
ШВЕЙЦАРСКИЕ АЛЬПЫ

и сибирская язва

20 каждый за себя

овые поправки к закону отменяют пределы необходимой обороны

4 603747 000010

Это смешное приспособление было придумано во второй половине прошлого века для штопки носков и чулок. В те годы, на которые пришлось мое детство, колготок не было. Мы, девочки, ходили в хлопчатобумажных чулках, которые крепились на длинных резинках. Ходили мы чаще всего в валенках, чулки постоянно терлись о валенки и рвались. Я очень хорошо помню, как моя бабушка сидела и штопала чулки. Только у нее было не такое устройство, как на этой фотографии. Моя бабушка использовала специальный деревянный грибочек с круглой шляпкой, сантиметров десять в высоту. Кстати, он у меня до сих пор хранится как память. Очень симпатичный, желтый, расписанный красными цветочками, как расписывали холло-му. У кого не было грибков, порванный носок натягивали на электриче-

скую лампочку. На электрической лампочке тоже было очень удобно штопать. Потом, помню, когда появились шелковые колготки, такие лампочки-грибочки уже стали неудобны. Когда спускалась петля, ее поднимали такой специальной иглой с крючком на конце. Потом изобрели специальные машинки, которые очень быстро эти петли поднимали. Даже мастерские открывались, куда можно было отдать колготки, чтобы поднять одну петлю или несколько. Теперь это звучит дико, но в то время было очень трудно купить шелковые колготки. Это был предмет щика. Мы всячески исхитрялись их достать и как можно дольше сохранить. А уж если их не было... Помню, как-то на Новый год у меня шелковых колготок не оказалось, и я просто нарисовала швы на голых ногах и так пошла в гости.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
Выходит с 21 декабря 1899 года
№ 44 (4719) октября 2001

Главные редакторы после вособновления:
М.Е. КОЛЫЦОВ, Е. ПЕТРОВ, А.А. СУРКОВ,
А.В. СОФИНОВ, В.А. КОРОТИЧ,
Л.Н. ГУДИН

Главный редактор Владислав ЧЕРНОВ
Приимчайший главный редактор: 257-39-28
Заместитель главного редактора:
Борис МИХАЕЛ, Сергей КОМИЧЕЙ
Главный художник: Михаил РЕШЕТЬКО
Обозреватели: Дмитрий БЫКОВ, Борис ГОРДОН,
Никита МЕДВЕДЬКОВ, Евгений ПОНОМАРЕВ
Ответственный секретарь
Петр ГРИБЕЦЫЛОВ
Секретариат: 257-31-88;
Людмила МОРГУН, Елена ЧЕРКАСОВА

ОТДЕЛЫ:

СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕПОРТАЖА
(257-32-87): Александр НИКОНОВ (редактор отдела); Саша ИВАНОВИЧ, Кирилл КУЛИКОВ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА (250-46-98):
Михаил ПОЗДНЯКЕВ (редактор отдела);
Елена ЮДРИЧИНА, Наташа ФЕДОСОВА
ОТДЕЛ ЧИТАРЬИ (250-01):
Людмила ЛУНИНА (редактор)
КУЛЬТУРЫ (251-03-50):
Елена КУЗЬМЕНКО (редактор отдела);
Наталья ДРОЖДИНА, Ольга ЛУЧИНА
НОВОСТЕЙ (251-89-93):
Валерий ПУМАКОВ (редактор отдела);
Карина ЖУРЧЕНКО, Юлия КОЛДОВА
ПИСЬМО (257-36-69):
Зоя ЗАЛОТОВА (заместитель отдела);
ФОТОПОДСТАВЛЯНИЯ (257-32-49):
Наталья УДАРЦЕВА (заместитель отдела);
ФОТОГРФЫ: Александр ДЮК,
Юрий ФЕДИСТОВ, Михаил СПЕСИТЕЛЬКОВ
ХУДОЖНИКИ: Петр БАРЫШНИКOV,
Наталья ВАСИЛЬЕВА, Елена КАДЫСТИН
БЮРО ПРОМЕРЫ: Юлия БАЛОВА
БЮРО ПРОМОЦИИ: Олеся АКИМОВА
(без бирь промоектов)

СОВЕСТНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ:
Кристина Зимин МИЛЛМАН (9912) 43-961
София Никитина Ирина НЕЛЗЕНИН (812) 944-5789
Ярослава Панова НИКОЛЮТИН (812) 256-23-35
Людмила Семёнова ПУСКОВА ВЛАДИМИР
ОТДЕЛ РИПР: Национальные проекты 257-32-40
Галина ШЕВЕЛЕВА (заместитель отдела);
Адрес: «Огонек», Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994
ТЕЛЕФОН И МАСТАРАД (095) 257-39-28.
Телефон (095) 943-00-70. Телеграф 112349
«Огонек». Интернет: <http://www.rupost.ru/ogonek>
Е-mail: ogonek@rufnet.ru

Учредитель и издатель журнала:
ООО «Издательство «Огонек»
Генеральный директор БАЙЛАЗАРОВ Ю.В.
Журнал зарегистрирован в Государственном
Комитете по печати РФ 10.08.2000
за № 77-5187.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ООО «Огонек-Медиа»
Генеральный директор МАТИНОВ С.В.
257-37-15 (тел.) 257-39-51 (факс)

257-39-51 (тел./факс)
Подшивочный индекс журнала «Огонек»:
70663 (централизованная поставка России);
34236 (остальные регионы России).
ДЕЛОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:
257-34-29

Ольга БУХАРКОВА (редактор)
E-mail: fin@ogonek.ru

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ:
257-37-77, 250-15-33 Сергей ГЛОД
E-mail: tekla@ogonek.ru

ОТДЕЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И РИР:
257-37-31, 257-32-98

Александр КАЛОЕНКО
E-mail: adi_ripr@ogonek.ru

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ:
Тел./факс 250-24-21.

Сервисная поддержка и размещение версии
журнала в сети Интернет осуществляется
ЗАО «Рутнет». <http://ogonek.net>

Телефон квалифицированной службы 207-75-56.

Надежные источники для информационной
поддержки агентства ИТАР-ТАСС, REUTERS.

Номер подписан в печать 25.10.01.

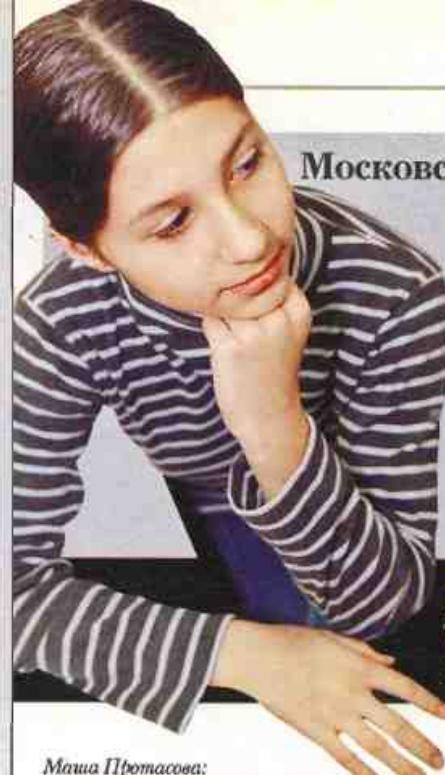
Цена свободная. Тираж 50 000 экз.

Отпечатано в типографии ЗАО «Альянспрес»
Материалы, помещенные на страницах газеты, публикуются по прямым расценкам.

Лицензия редакции не свидетельствует о согласии с авторами журнала.
Перепечатка материалов – тираж с разрешения редакции.

© «ОГОНЁК» 2001

На обложке фото
ДМИТРИЯ НОВОКРЕЩЕНОВА

Московская школа № 57, 6-й класс

«Мне кажется,
что можно
ударить,
когда тебя
несколько раз
ударили».

Вера Батулина

КОГДА И КОГО МОЖНО БИТЬ В ЛИЦО, ЕСЛИ ВООБЩЕ МОЖНО?

Маша Протасова:

«Вот у малыши есть такая привычка – подбежать сзади и кого-нибудь пнуть. Таких нужно всем вместе поймать и отпустить».

Вася Сысов:

«Прежде чем ударить, нужно посчитать до десяти... и тогда, может быть, не ударишь».

Андрей Мартынов:

«Если на тебя напали, то лучше не отвечать. Но уж если совсем какой-нибудь драчун попадется, то ответить надо одним коротким ударом».

Андрей Мартынов:

«Я хочу сказать всем девочкам России, которые читают «Огонек»: не надо приставать к мальчикам».

Роман Бондаренко:

«Не надо вообще обращать внимание, а надо пойти туда, где много народа».

Лея Мендельсон:

«Если на тебя кто-то наехал, нужно один на один побазарить немножко, зачем он это сделал. Потом, если он будет вырубаться, заехать ему по роже. И все».

Аня Казанкова:

«Но ведь человек, может, просто хотел шлепнуть тебя по плечу, а получилось больно. И надо подумать, нужно ли его бить или нет. Если человек сильнее тебя, то лучше не бить».

Петя Грицер:

«Можно ударить, когда оскорбляют твоих родственников. Но, я думаю, нельзя бить девочек, что бы они ни делали».

При участии детского юмористического журнала «ВОВОЧКА».

Фиксировали слова Петр и Лея ЯКОВЛЕВЫ, фото Михаила СОЛОВЬЯНОВА

В ПОМЕРЕ

10

ТЕРРОРИЗМ № 2

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРРОРИСТЫ
СПОСОБНЫ НА МНОГОЕ**

«...еще неизвестно, кто рассыпает белый порошок — агенты законспирированной сети «Аль-Каида» или свои, «родные» экотеррористы, начавшие переходить к главной фазе борьбы с человеческой нечистью — применению оружия массового поражения».

34

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ШОКОЛАДА

ДИРЕКТОР «КРАСНОГО ОКТЯБРЯ»

Конфеты этой фабрики нравятся не только вам. Они пришли по вкусу и семье экс-президента Билла Клинтона. Интервью Людмилы Луниной.

38

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ЖИЗНИ

**«ЗАПИСКИ ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА»
РУБЕНА ГОНЗАЛЕСА ГАЛЬЕГО**

и вся его судьба переворачивают с ног на голову наше представление о счастье и несчастье. Потому что имеющий все может быть несчастным, а лишенный всего — счастливейшим из людей.

42

ПЕРЕПУТАННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ ОБЛОНСКИХ

«...старый имидж потеряли не только «сиамские близнецы» — НТВ и ТВ 6, но и все остальные тоже. Некогда бедный, но скромный и симпатичный РТР задушил зрителя регулярной, как отрыжка, рекламой и бросающимся в глаза богатством своих проектов, а некогда грубоый, но свойский ОРТ — своей до предела манерной интеллигентностью». Эссе Бориса Минаева.

Эссе Бориса Минаева.

САМОЗАЩИТА С ОРУЖИЕМ

ПРЕДЕЛЫ ОТМЕНЕНЫ.

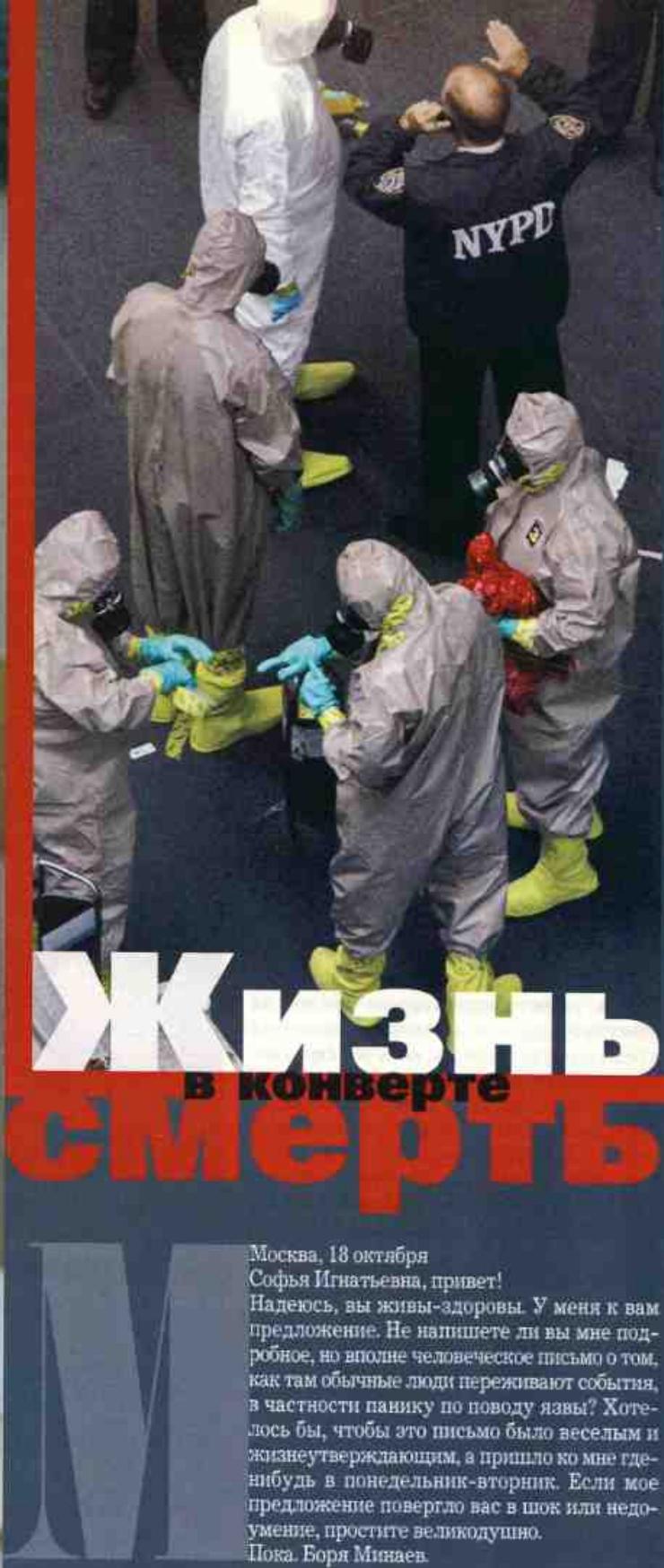
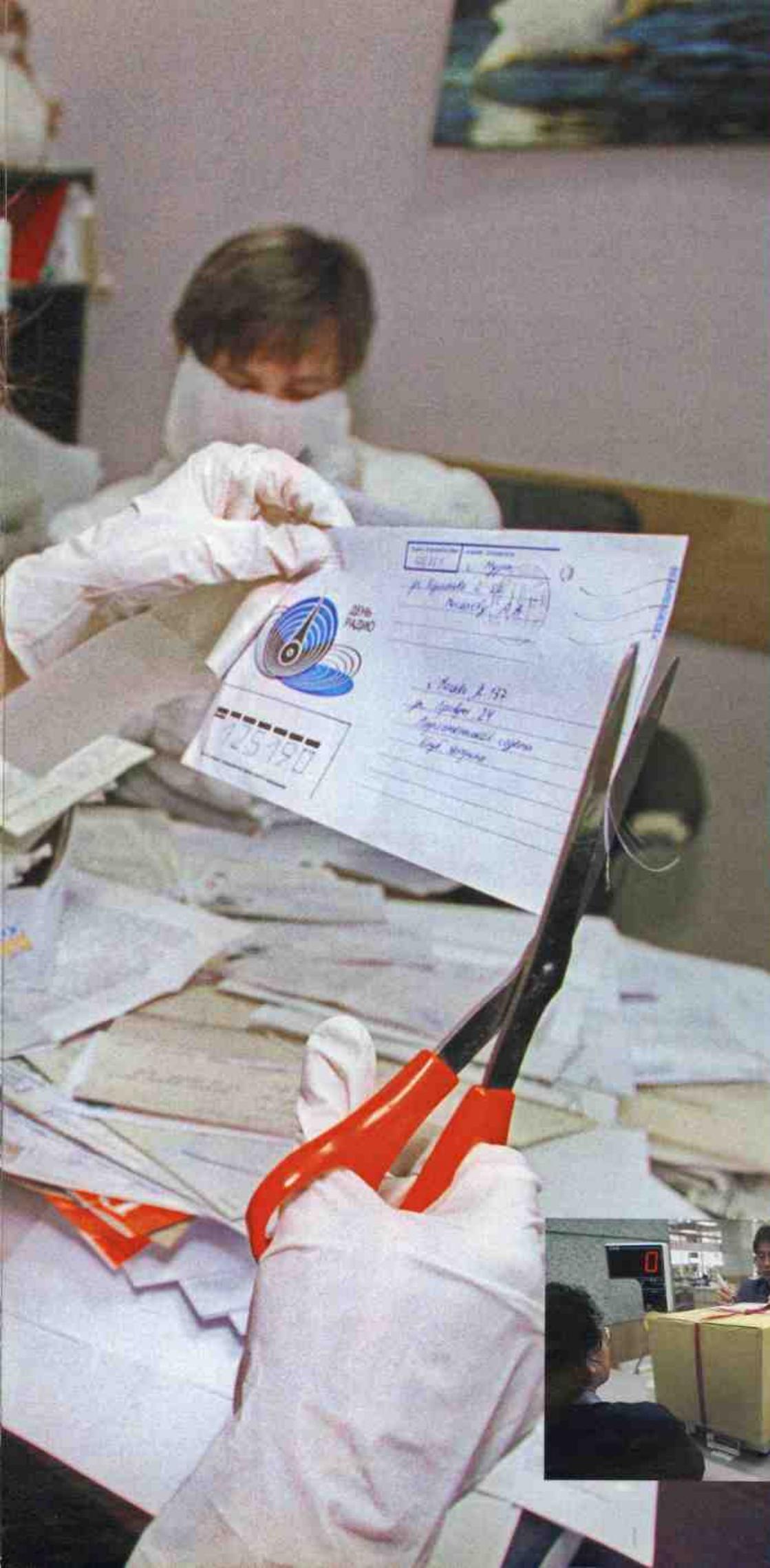
САМООБОРОНА БЕСПРЕДЕЛЬНА

Можно ли в нашей непредсказуемой стране разрешить гражданам обороняться личным оружием? Дума ответила: «Да!» А вы?

20

Михаил Соловьевич

ЖИЗНЬ смерть

Москва, 18 октября
Софья Игнатьевна, привет!
Надеюсь, вы живы-здоровы. У меня к вам предложение. Не напишете ли вы мне подробное, но вполне человеческое письмо о том, как там обычные люди переживают события, в частности панику по поводу язвы? Хотелось бы, чтобы это письмо было веселым и жизнеутверждающим, а пришло ко мне где-нибудь в понедельник-вторник. Если мое предложение повергло вас в шок или недоумение, прощите великодушно.
Пока. Боря Минаев.

Denver, Colorado, 20 октября
Привет!
Ну вот, я вернулась в Колорадо. Тут все еще тепленько, только снежные шапки на горах распустились и спустились пониже: не шарки уже — палантины! У нас ведь снег выпадает как снег на голову, минута осень, прямо посередь лета. О своем появлении предупреждает свистом в трубе и сводкой погоды по телевизору. Пока не посмотришь на экран, не веришь, что этому безоблачному (в прямом смысле слова) великолепию может наступить конец.
Пока не смотришь на экран...

настороженное изумление

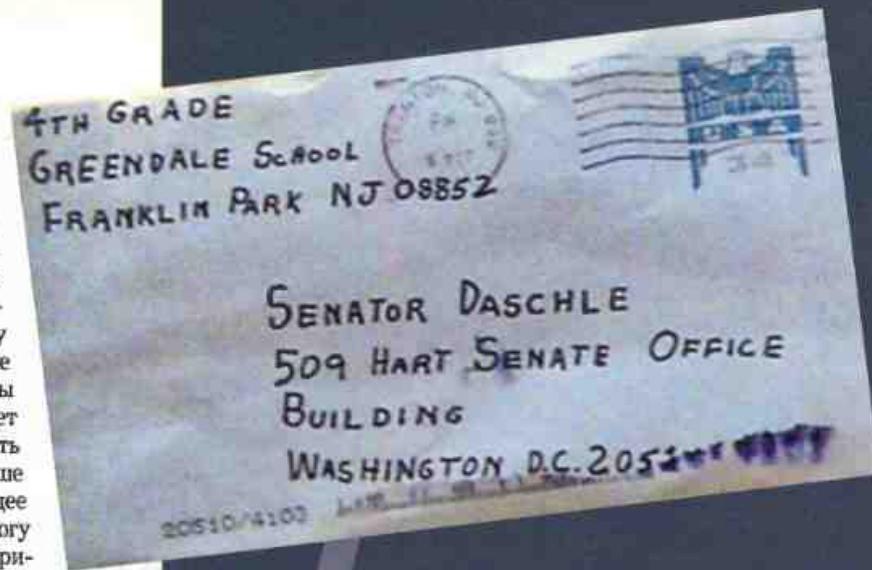
В Денвер утром приходит на два часа позднее, чем в Нью-Йорк. Когда 11 сентября мы включили ТВ, там все уже произошло. Мы увидели кадры, которые показались омерзительно знакомыми: нечто похожее мелькало в фантастических фильмах, которые я терпеть не могу и потому никогда толком не смотрела. Не они ли, любители творить ужасы «понарошку», подсказали сюжет творцам ужасов наяву? Поверить в эти, реальные, было так же выше сил, как в те, выдуманные. Общее ощущение сводилось к: «Не могу вместить». Однако вместить пришлось и начать следовало с проверки: кто где? Спасибо Елене Боннэр: с присущей ей четкой деловитостью прислали e-mail: «Все родные, друзья живы». Целый круг знакомых, близких и не очень близких, можно было вычеркнуть из страшного списка. Когда звонила по нью-йоркским номерам, всплыл полу虚构的 давности страх: ждать отклика от того, кого, быть может, нет на свете, — аукнулось военное детство.

И еще Елена Боннэр писала, что мир изменился.

Как изменился, увидали мы в аэропорту. Мы им жутко гордимся, нашим аэропортом какого-то там сверхнового поколения. Тут тебе и зимние сады, и фонтаны, и портреты индейцев различных племен, и куча нарядных лавочонок, кафе, ресторанчиков... Даже метро есть, единственное в городе. Так вот, из цветущего сада наш аэропорт превратился в осажденную крепость: всех обыскивают, провожающих не выпускают, сумки потрошат, а чтобы успеть распотрошить каждого, велят являться за четыре часа до рейса. В моем случае — к семи утра.

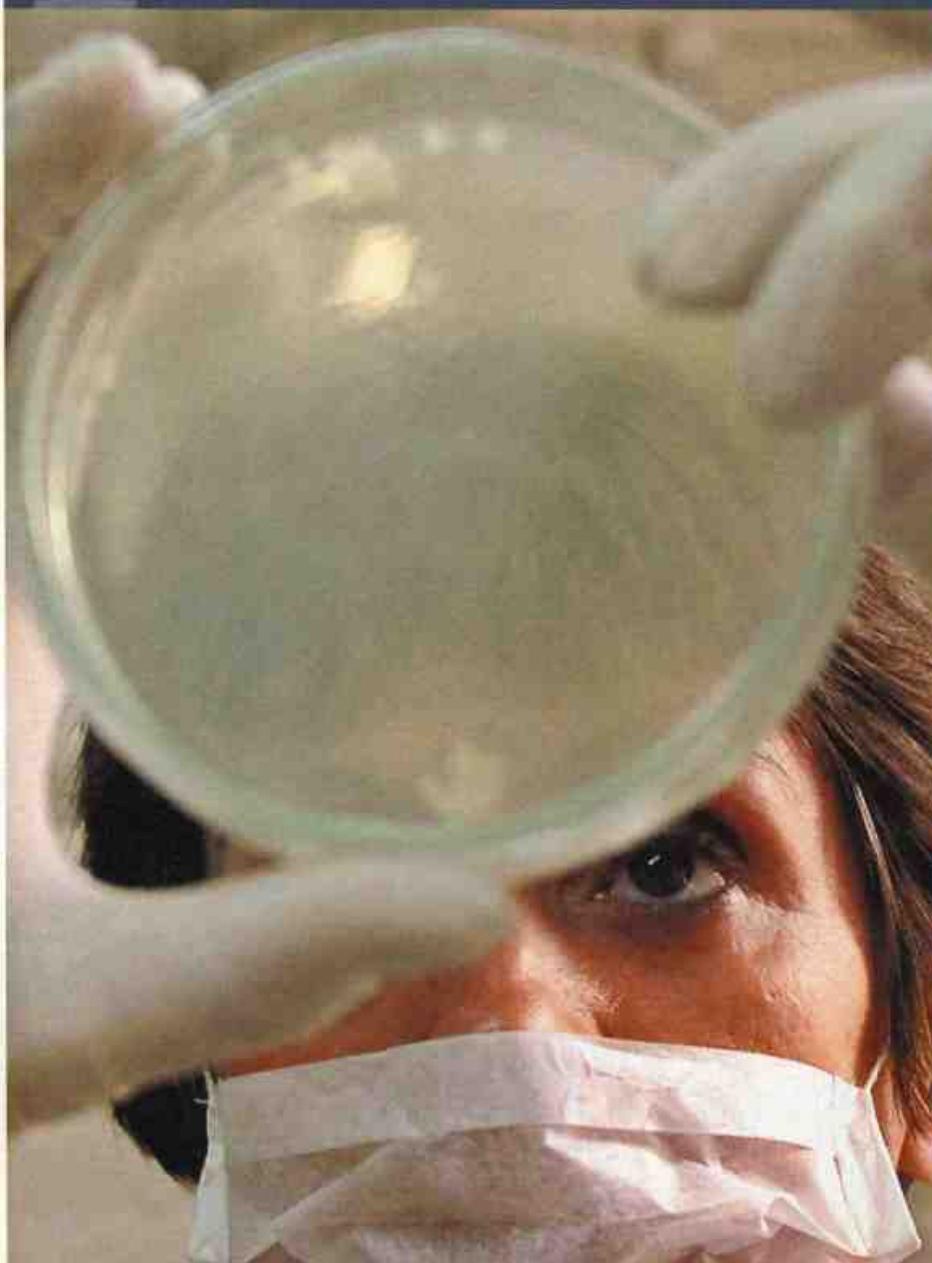
Фонтаны прилежно били, цветы и ветви декоративно свисали, кафе и магазины своеевременно открывались — и все это было ни для кого. Никто не смотрел в их сторону. Некому было. В просторных тщательно надраенных вестибюлях змеились две унылые очереди, оцепленные полицейскими: пассажиры ждали проверки. Чтобы подбодрить, каждые четверть часа перед тобой вырастал плакат: «Ура! Осталось меньше половины!» или «Не теряй терпения: осталось 10 минут!» Ума не приложу, как это они сумели рассчитать так точно? В самом деле, плакат, обещавший десять минут, не совпал: ровно через десять минут чернокожая матрона в форме ловко извлекла из моей дорожной сумки крошечные маникюрные ножницы: «Для вашей безопасности, мэм». Я подумала, что, ежели жить без ножниц, можно отрастить такие когти, что еще будут поопаснее, но поостереглась высказать свои соображения вслух: глядишь, еще и ногти конфискуют.

Не знаю, что привело в аэропорт тех, кто вместе со мною томился в очередях, а потом ехал в почти пустом вагоне метро, но могу себе представить, как бы они изумились, узнав, куда направляюсь я. Я сама в это с трудом верила. После 11 сентября казалось естественным, что конференцию, посвященную наследию Осипа Мандельштама и приуроченную к 25-летию передачи его архива в Принстонский университет, в Принстоне проводить не станут. В такое

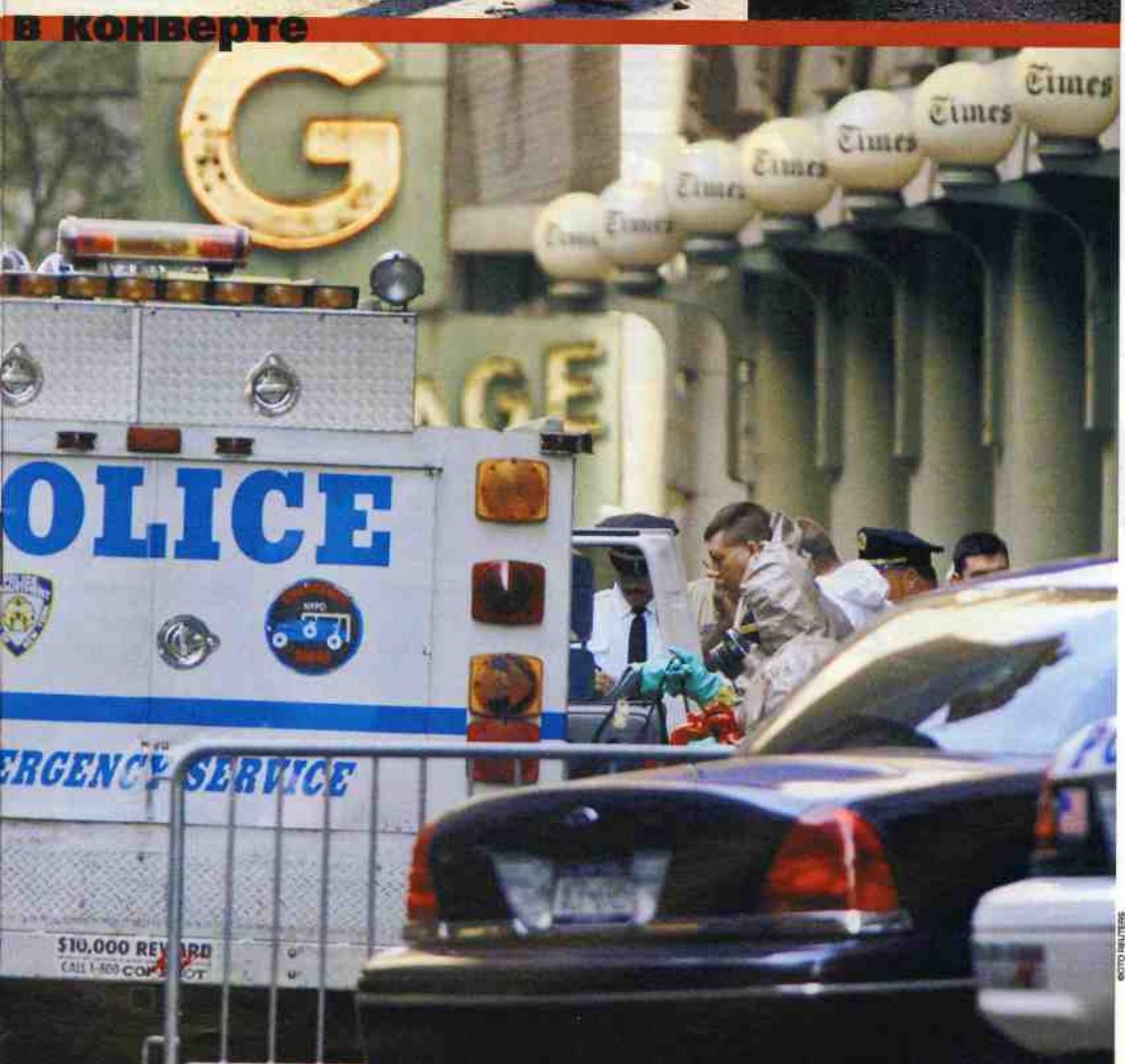

Мы переписывались с московским литературоведом Софьей Игнатьевной Богатыревой по электронной почте. Именно эта почта в октябрьские дни спасла человечество от страха «смерти в конверте». Именно она помогла людям не потеряться в океане зловещего одиночества, когда исчез белого порошка в своем почтовом ящике.

Спасибо этому дурацкому изобретению за неожиданный гуманизм.

Жизнь смерть

В Конверте

время, да еще так близко от Нью-Йорка. И что никто в такое время в такое место не поедет.

Однако конференция в назначенный день и час открылась, все, кого ждали, появились, публика заполнила обширный зал, журналисты заняли свои места — и все, что не имело отношения к поэзии, отступило на задний план.

Конференция планировалась в мирное время, и я тогда пообещала бывшей моей американской аспирантке, а теперь подруге, которая живет в полутора часах езды от Принстона, не преминуть ее навестить в ее новом доме. Эдакое задумывалось увеселительное путешествие для меня и развлечение для нее. В штат Пенсильвания Дафни переехала не так давно, а до того жила в Нью-Йорке и работала в одной из тех башен, то на 102-м этаже, то чуть выше или чуть ниже. Помню, как рассказывала, что никогда не знает, какая погода на улице: у них над облаками сияло солнце, а внизу мог идти дождь. Там, на 102-м, чуть ниже, чуть выше, остались ее друзья. Когда я спросила о них, она ответила сдержанно: «Их ищут». Потом столь же сдержанно сообщила, что дважды на прошлой неделе ездила в Нью-Йорк на панихиды.

Она встретила меня — красивая, приветливая, элегантная. Уделила мне массу времени и внимания, стараясь сделать мое пребывание у нее приятным. О происшедшем отозвалась так:

«Мы слишком верили в добро. Мы старались быть добрыми силой в мире и думали, что весь мир любит нас. Вот в чем наша ошибка».

Показывая свой ухоженный, нарядный сад, отметила уголок:

«Здесь будет просвещенный... Нет, — она помолчала, вспоминая русское слово, — посвященный сад. Памяти Майкла. Тут будут розы. Он любил розы».

На пути к ней, затем по дороге в Филадельфию и на обратном пути в один из нью-йоркских аэропортов мне пришлось трижды проезжать городок под названием Трентон и делать там пересадку. В те самые дни оттуда были посланы смертоносные депеши, содержащие споры сибирской язвы. Такой симпатичный чистенький городок, вполне мирного вида...

Теперь под безоблачным колорадским небом я могу наблюдать, как мои соседки, натянув маски, распечатывают почту на улице, внутри пластиковых мешков. И добродушно посмеиваются над собой, обнаружив в подозрительном конверте очередную рекламу.

В сорок четвертом ходила такая притча. Высокий чин из США посетил Москву лютой зимой и обратил внимание на толпы, мерзнувшие на морозе. Осведомился, что, мол, происходит. Ему объяснили: очередь за мороженым. И тогда будто бы он воскликнул: «Воистину этот народ непобедим!»

Я думаю, что народ, который, находясь под ударом невидимого вездесущего противника, считает возможным устроить и с большим размахом провести конференцию, посвященную иноязычному поэту, который держит в идеальном порядке свои обезлюдевшие аэропорты и старается щуткой смягчить неудобство и уничижительность обысков; с мужественной сдержанностью поминает ушедших и не оставляет ежеминутной заботы об окружающих, — ведь такой народ свой образ жизни и свое представление о ней сломать не позволит. Как ты думаешь?

Будь здоров!
Твоя С. Б.

сибнефть

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ОГОНЁК ПАНОРАМА

Н а х о д к и

ПРЫГУЧИЙ КОРОТЫШКА

Наиболее ценные вещи находятся тогда, когда уже и не чаешь их найти. Так произошло и с немецким биологом. Осмотрев фонды Зоологического музея, он вдруг обнаружил самого большого в мире паука. Паук был пойман еще в 1939 году в Лаосе, помещен в банку с формалином и в таком виде многие годы хранился в запасниках музея. При размножении туловища в 5 см размах лап у представителей этого семейства пауков достигает 30 см. Несмотря на свой устрашающий вид, эти пауки почти безвредны. Их яд не опаснее яда осы.

И х н р а в ы

ВОСТОК — ДЕЛО СЛАДКОЕ

На Ближнем Востоке вам вряд ли удастся встретить человека, который бы не любил сладкое. Все из-за того, что мед на Востоке пользуется особым почтением — его лечебные свойства описаны в Коране. По данным Министерства сельского хозяйства США, в 1998 году среднестатистическая семья Саудовской Аравии потребляла около 600 граммов меда в месяц. Желаю подсладить жизнь американцам, «международный террорист № 1» с 1996 года сделал мед основным источником своих доходов. Представителям американских властей удалось выяснить, что бен Ладен использовал мед для контрабанды оружия и наркотиков. Цвет и консистенция меда позволяли скрывать в густой массе посторонние предметы, а таможенные инспекторы не хотели пачкать руки в прямом смысле слова, вот и не проверяли пишний раз емкости с медом.

И з м я ш к а

РЫБКИ ОСТАЛИСЬ ГОЛОДНЫМИ

Из-за ажиотажа вокруг евро многим уже не терпится подержать в руках новые банкноты, которые вступят в законную силу только в 2002 году. Желание показаться новеньkim евро, похоже, выйдет для его голландского обладателя боком. Покупая два пакетика корма для рыбок, голландец решил расплатиться банкнотой достоинством всего лишь в пять евро. Продавец охотно их принял, дав сдачу в голландских гульденах. Другие посетители магазина, наблюдая за этой сделкой, донесли в полицию, и не напрасно. Банкнота может вызвать на след ограбления в немецком городе Франкфурте, где бандиты захватили и разграбили бронированный автомобиль, развозивший евро в преддверии введения новой валюты. Покупатель был задержан и привлечен к ответственности.

Вопрос недели

64%

ДА

28%

НЕТ

8%

ЗАТРУДНЯЮСЬ
ОТВЕТИТЬ

Удовлетворены ли вы
своей внешностью?

МЫ ВСЕХ ЛУЧШЕ, МЫ ВСЕХ КРАЩЕ

Красота гор манит нас к вершинам, ради красивых женщин мы готовы на подвиги, красота вообще двигатель исторического и социального развития человечества. Недавний опрос, проведенный центром РОМИР, показал, что россияне думают о красоте. Результаты утешительные: 64% удовлетворены своей внешностью, противоположной точки зрения придерживаются 28% респондентов. В целом это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о позитивном настрое россиян в этом вопросе.

ПОЗДРАВЛЯЕМ, РОМАН!

Роману Абрамовичу — 35. Ему еще не было 30, а его компания уже была одной из самых крупных в России и одной из самых образцовых. Хотя он никогда не отмечался властным голосом, крупной статью, не был похож на традиционного российского начальника. В стране, где к бизнесу изначально относились с подозрением, выбирать эту дорогу мог только очень смелый человек. По сути дела, отчаянный. Стать губернатором самой дальней окраины России — тоже. Зачем ему ЭТО надо, гадают наши коллеги-журналисты. А мы знаем зачем. Потому что вместе с Абрамовичем осваивали Чукотку и выделили его в деле. Ему ЭТО надо... потому что человек он по природе своей глубоко взрослый и готов ответить на любой вызов. Наверное, каждому хочется в глубине души сделать что-то невозможное. Но Роман один из немногих, кто сделал это наяву, на самом деле.

Нам приятно, что такой человек дружит с нашим журналом уже много лет. Мы желаем счастья ему и его семье. И осуществления всех новых идей. Если идеи воплощаются в жизнь — значит, в стране все будет в порядке.

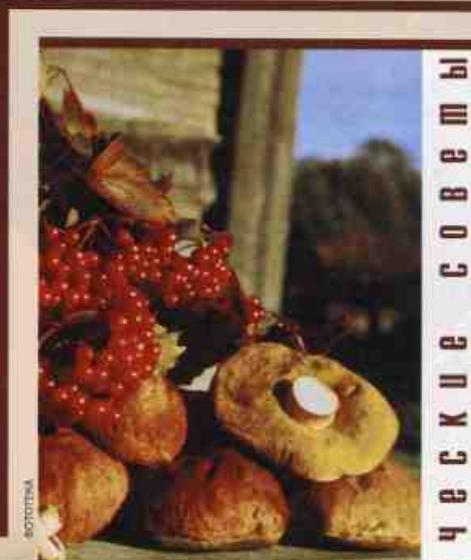
Редакция журнала «Огонек»

НОВИНКА

ПРОЗРАЧНЫЙ МИР

После американских потрясений мы хотим защититься. Но делаем это не возводя заборов и оград, мы наоборот стали стремиться делать наш мир как можно прозрачней. Сначала электронная спекуляция, потом всевозможные «жучки» и камеры. У нас не осталось никакого права на частную жизнь. Масла в огонь подлили конструкторы на недавней выставке автомобилей. Они под благовидным предлогом долговечности и экологичности сделали кузов из совершенно прозрачного пластика. Теперь уже точно не позвидуешь парочкам, которые привыкли заниматься любовью в автомобиле, им придется подыскивать новые укромные места.

ПРАКТИЧЕСКОЕ СОВЕТЫ

ГРОБОВЫЕ ГРИБЫ

Практичность пожилых людей не знает границ, а их оптимизму и самоиронии можно только поучиться. Однокашка старушка из одного поселка Кировской области заранее приготовила для себя похоронные принадлежности, в число которых входили и гроб. Но смерть все не приходила. Тогда бабуля решила использовать домовину для сушки грибов — что добро зря пропадает! Вынесла ее на улицу, сняла крышку, ебила несколько гвоздей, нацепила на них нитки с национальными грибами, а сверху накрыла марлей от мух. Бабушка гордится выдумкой и умирает уже не собирается. Ведь грибы стали приносить пенсионерке хорошую прибыль. Благодаря такой просушке грибы полностью сохраняют аромат, поэтому у местных покупателей на них большой спрос.

СТИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЗИНОВАЯ ЗИМА

С целью предотвращения новых терактов чувствительность металлоискателей была увеличена в несколько раз. В результате металлодетектор задерживает почти каждого, кто пытается через него пройти. Особенно досталось женщинам. При личном досмотре оказалось, что все дело в пирсинге на интимных местах, а также металлических застежках на биостальгерах. Первыми нашлись, как всегда, японцы. В настоящее время они наладили производство низкочастотного женского белья с резиновыми застежками. Скорее в моду войдут резиновые подтяжки и подвязки.

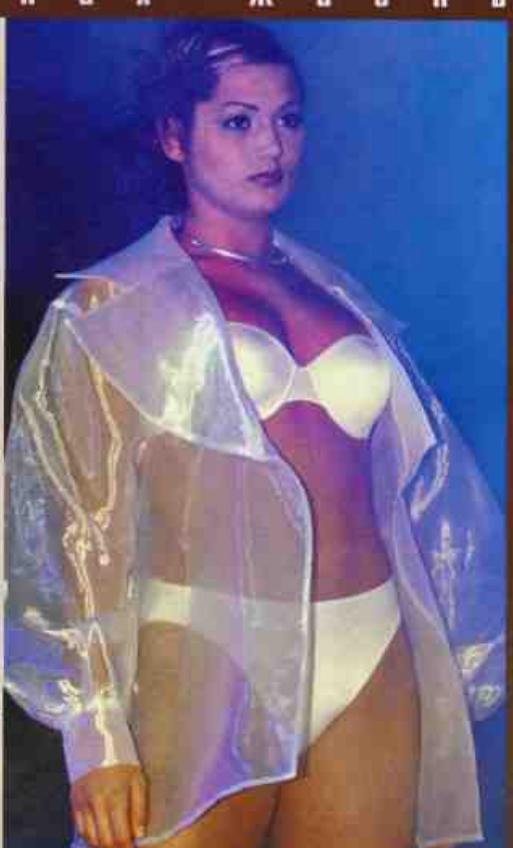

Фото: Т. Соловьев

НЕ БРОСАЙ МЕНЯ, КОМАНДИР

Житель небольшой ирландской деревушки доказал всему миру, что дружба между человеком и кабаном реальна. Джим Роудс выкармливив подобранный им кабаненка с младенчества. Джим фактически заменил ему мать. Все было бы хорошо, но с недавних пор рядом с владениями заботливого «папаши» завелись волки. В один прекрасный день северные хищники напали на кабана. Джим отогнал злодеев с помощью винтовки. К сожалению, они успели изрядно потрепать подопечного Джима. Заботливому «папашке» на руках пришлось уносить любимое чадо с поля боя.

Фото: Т. Соловьев

НОВИНКА

«МОДНЫЙ» КОФЕ

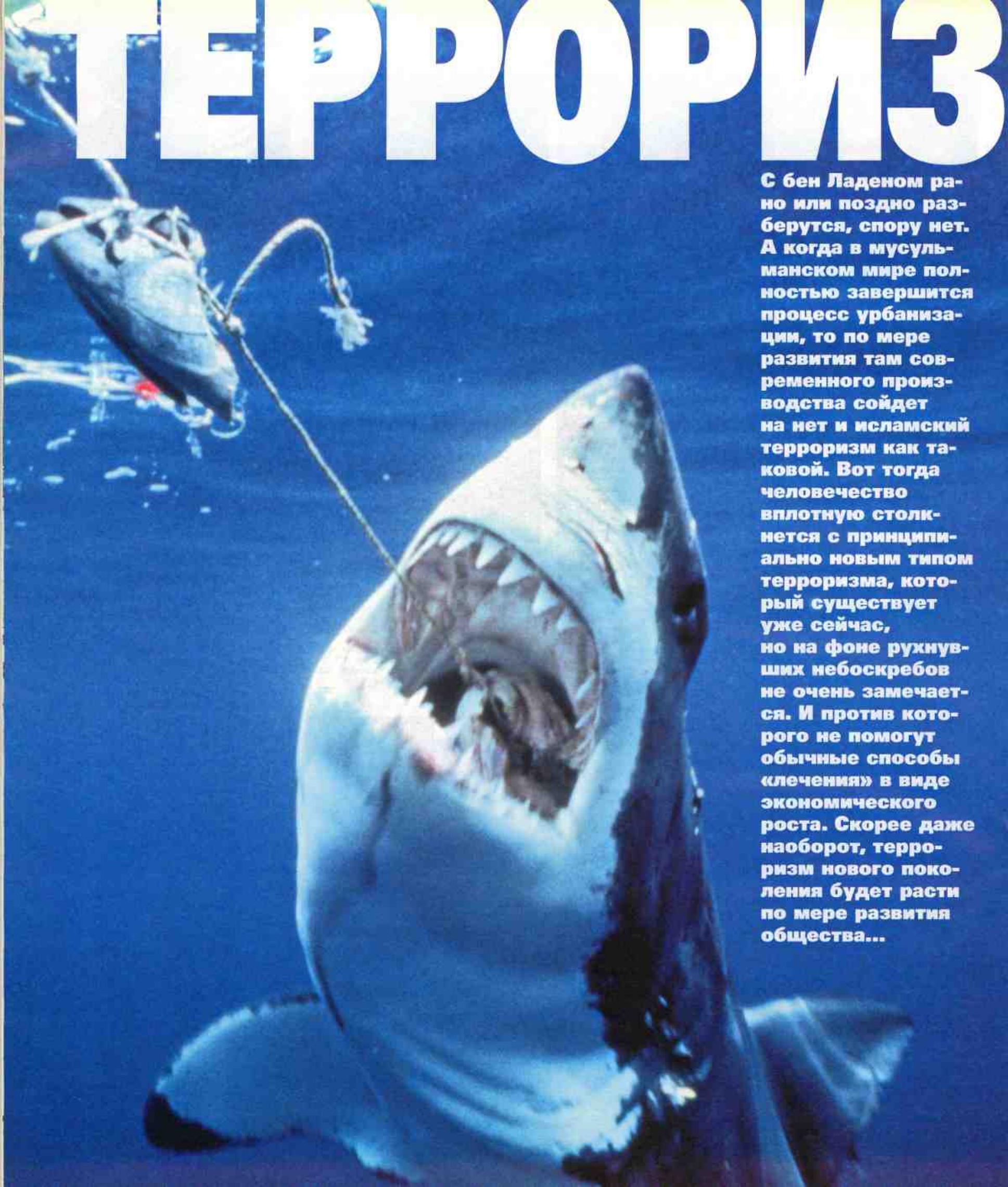
Словосочетание «кофе без кофеина» на конец-то стало актуальным. С XV века кофе, название которого происходит от арабского qahwah, что значит «возбуждающий», использовался как тонизирующий напиток. Именно за это уникальное свойство голландцы тайно вывезли его в 1616 году из Аравии и начали выращивать в Европе. Но со временем приоритеты значительно изменились. Кофеин — слабое возбуждающее средство, которое имеется в кофе, — был признан вредным для здоровья. И в 1906 году доктор Людвиг Розенмус из Германии изобрел процесс извлечения кофеина из зерен и начал выпускать кофе с пониженным содержанием кофеина под маркой Kaffee Hag. Производила данный напиток компания, известная сейчас под названием «Kraft Foods». Она выпускает кофе с пониженным содержанием кофеина без малого сто лет. На российском рынке «Kraft Foods» представлена большим количеством торговых марок. Среди них есть Jacobs Night&Day (судя по названию, его можно пить в любое время суток), кофе с пониженным содержанием кофеина, наиболее популярный и известный в крупнейших городах России. Причем это вовсе не суррогат или кофезаменитель, а натуральный ароматный и вкусный напиток, ничем не отличающийся от обычного кофе.

Последнее время было распространено мнение, что декофеинизированный кофе, в силу дополнительной обработки зерен по выделению кофеина, содержит большое количество вредных веществ, однако лабораторные исследования показали, что это не так. Да и стоимость такого напитка сравнительно невысока — дополнительная обработка зерен не делает продукт дорогим. Поэтому кофе с пониженным содержанием кофеина можно назвать идеальным, кофераг excellence. Его пьют люди, предпочитающие не перегружать сердечную мышцу и нервную систему.

На Западе кофе с пониженным содержанием кофеина так же моден, как японские ресторанчики со здоровой пищей или пробежки по нью-йоркскому Центральному парку по утрам. В любой американской или европейской кофейне вам уже сейчас предложат чашечку этого безвредного напитка. С учетом того, что западная модель потребления становится все более и более популярной у россиян, то в скором времени кофе с пониженным содержанием кофеина будет неотъемлемой частью повседневного рациона.

Сергей МЕЩЕРЯКОВ

ТЕРРОРИЗМ

С бен Ладеном рано или поздно разберутся, спору нет. А когда в мусульманском мире полностью завершится процесс урбанизации, то по мере развития там современного производства сойдет на нет и исламский терроризм как таковой. Вот тогда человечество вплотную столкнется с принципиально новым типом терроризма, который существует уже сейчас, но на фоне рухнувших небоскребов не очень замечается. И против которого не помогут обычные способы «лечения» в виде экономического роста. Скорее даже наоборот, терроризм нового поколения будет расти по мере развития общества...

No 2

Владимир СЕРГЕЕВ

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ МИКРОБОВ

За полгода до осеннего кошмара «черного вторника», повергшего Америку в состояние «гроги», там имели место непонятные и даже, если хотите, нелогичные террористические инциденты. Так, в фешенебельном районе Лонг-Айленда полиция зафиксировала необычайный урожай «случайных» пожаров. По удивительному совпадению они произошли в элитном квартале, причем пламенем были охвачены сразу шестьнадцать (!) щиколеток домов, оборудованных самой современной «тревожной» сигнализацией. Но электришка почему-то не сработала...

Вскоре большой пожар со взрывами заполненных под самую завязку бензобаков произошел на тщательно охраняемой автостоянке в Юоджине (штат Орегон). Огонь уничтожил по меньшей мере тридцать единиц самых современных спортивных машин, причинил ущерб в несколько миллионов долларов...

Ответственность за инциденты взяла на себя таинственная организация Eearth Liberation Front («Фронт освобождения Земли»), которую ФБР официально именует не иначе как «одну из наиболее опасных и тщательно законспирированных террористических организаций, действующих на территории Соединенных Штатов». Парадокс заключается в том, что, несмотря на свое тихое и чем-то даже привлекательное название, ELF — наиболее радикально настроенная часть хорошо известной организации американских «зеленых» с броским именем Earlier Eearht First! («Земля — в первую очередь!»).

Философия фронта основывается на эклектичном сплаве двух концепций. Во-первых, на примите так называемого биоцентризма в отличие от присущего нашей цивилизации антропо-

«Формулировка «человек и стоящие ниже животные» необъективна хотя бы потому, что классификацию проводил человек!»

Марти Ларни «Четвертый позвонок»

биоцентризма, который ставит во главу угла человека. Биоцентризм же считает «равноправными и заслуживающими защиты» от агрессии со стороны человеческих особей ВСЕ живые организмы планеты. При этом «дикость природы» является абсолютным Добром, все действия против нее безоговорочно осуждаются. Биоцентристы — талибы от экологии — считают, что действия любого homo sapiens, какой бы пост он ни занимал в имущественной иерархии, должны быть пронизаны «экологическим сознанием», которое взыскивает глубокой «дениудстрализации» цивилизации и к восстановлению утраченного в прошлом экологического баланса.

Для активистов ELF явно недостаточно сохранения «жалких объедков природы» — национальных парков и заповедников. Их целью является восстановление первозданных экосистем, которые «были уничтожены бессовестными и эгоистическими действиями человеческой расы». Этого добиваются путем бескомпромиссной борьбы. По мнению лидеров ELF, «высшая цель вполне оправдывает средства, и никакие жертвы (так называемый побочный эффект) не должны останавливать нас».

Как поясняет профессор кафедры мировых религий Висконсинского университета Брон Тейлор: «Вы не можете понять этих ребят, если не поймете их этическую и вообще духовную мотивацию. Весьма поверхностное знакомство «зеленых» террористов с экологической наукой и современным механизмом государственной политики приводит к нравственному срыву и цинизму борцов за возрождение девственной природы».

СТАТИСТИКА ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Вандалистские акции ELF, предпринятые с 1997 года, причинили «капиталистическому народному хозяйству» ущерб в размере 40 млн. долларов. Львиная доля инцидентов (33 акции в 1996—1999 годах) пришлась на север Тихоокеанского побережья США.

Наиболее заметной акцией стал поджог в 1998 году заповедника в штате Колорадо. Поджог заповедника мотивировали «необходимостью подлинной, а не лицемерной защиты диких существ от человеческой угрозы». Ущерб тогда составил более 12 млн. долларов, а сам террористический акт был квалифицирован ФБР как наиболее разрушительный экотеракт во всей истории США.

Но то был лишь один из «подвигов» «зеленых». Вот выписка из протокола ФБР только о самых серьезных инцидентах экологического вандализма: «...1996 год. Поджог отделения рейнджеров Федеральной лесной службы США в Ок-Ридже. Ущерб 9 млн. долларов.

1997 год. Поджог бойни в Редмонде (штат Калифорния). 1,3 млн. долларов. В этом же году двойной поджог: почти одновременно запылали два офиса Федеральной службы охраны окружающей среды в штате Вашингтон. 1,9 млн. долларов.

1999 год. Взрыв и полное уничтожение офиса корпорации Boise Cascade, намерева-

ющейся приступить к полномасштабному строительству деревообрабатывающего машиностроительного комплекса в Чили. Лидеры ELF обвинили корпорацию в попытке уничтожения девственных лесов в Южной Америке. Ущерб 1 млн. долларов...

В перечисленных актах «просвещенного вандализма» человеческих жертв, к счастью, удалось избежать. Но это скорее случайность, чем умысел. Ведь пожары несут серьезную угрозу и для людей...

В ЕДИНСТВЕ СИЛА

В 1997 году активисты ELF объединились с еще одним невидимым фронтом под названием Animal Liberation Front (ALF, «Фронт освобождения животных»). Альянс не обошелся без чисто американского пабликита — в официальном письме-уведомлении к директору Уилламеттского национального парка сказано: «Крепнущая солидарность между двумя невидимыми фронтами скоро станет наихудшим типом кошмара для всех тех, кто насилият Землю и ее граждан»...

Власти США, по-видимому, не зря рассматривают конвергенцию фронтов как серьезную заявку «зеленых» на дальнейшую эскалацию насилия. Действительно, к концу 1999 года были отмечены особо изощренные случаи групповых поджогов в национальных парках и заповедниках. И дело не только в нанесенном материальном ущербе (каждая из двенадцати огневых атак обошлась не менее чем в 50 000 долларов), но и в том огромном риске, которому подвергся ничего не подозревавший обслуживающий персонал. Дэвид Сади, начальник Портлендского управления ФБР, не весело прогнозирует: «Увечья персонала или летальный исход после подобных акций «зеленых» — это только вопрос времени».

Активисты ELF широко используют новейшие электронные технологии и прежде всего интернет. Причем не только для пропаганды своих идей, но и для оперативной связи боевиков. Они общаются в чатах с помощью электронной почты, никогда не встречаясь друг с другом физически, и существуют как часть законы спиритуализированной и структурированной группы, «размазанной» по всей территории Соединенных Штатов. То есть ELF существует в виде некой виртуальной сети, а не конкретной группы с точно известным лидером и распределением ролей среди членов рангом пониже. Крейг Росбрау, неофициальный пресс-секретарь ELF, поясняет: «У нас нет никакого подчинения низших высшим наподобие армейской субординации. В вашем географическом регионе может быть одна ячейка фронта, а могут быть и, скажем, 57 ячеек, где ни один боец не знает другого в лицо»...

Таким образом, характерная черта ELF — «аморфность» структуры, распределенность по территории («Мы — нигде и мы — повсюду!»), неиерархический характер сети, опутавшей Соединенные Штаты. ELF исповедует принцип «самоорганизующегося сопротивления», играющего роль раковых метастазов, ко-

торые изнутри должны подорвать «сытое благоденствие порочного государства». В этом смысле ELF внес нечто новое в схему организации террористических группировок. Доселе мы знали только террористические структуры пирамидального типа — с вертикальным подчинением и единым руководящим центром.

Сверхзадача объединенного фронта «зеленых» — создать мощную группировку единомышленников, которые действуют совершенно независимо друг от друга, но способны посредством совместных усилий породить цепную реакцию, а уже последняя, по их пониманию, в конце концов приведет к социальной революции.

Интернет играет решающую роль в информационном обеспечении — все индивидуумы фронта находятся полностью в курсе событий и могут синхронизировать свои теракты, которые всегда осуществляются на основе индивидуальной инициативы.

Цель «самоорганизующегося сопротивления», по словам Луиса Бима, ветерана вьетнамской войны и бывшего Большого Дракона техасского отделения Ку-клукс-клана, — разгромить «тиранию государства». Луис Бим считает, что «пирамидальная схема организации не только бесполезна, но и крайне опасна для наших членов, если она используется в движении сопротивления против тирании государства. Особенно это характерно для государства «большой семерки», где электронный надзор вполне может перерости в тотальную слежку и раскрыть цепочку прохождения сигналов к нашим боевикам. Наш опыт снова и снова показывает, что оппозиционные к правительству политические организации, использующие пирамидальную структуру организации, становятся легкой добычей для проникновения в их среду агентов ФБР для поимки и даже физической ликвидации наших активистов. Это часто наблюдалось и в самих Соединенных Штатах, где законспирированные сотрудники правоохранительных органов и провокаторы проникали в патриотические группировки и разлагали их изнутри».

В этой неиерархичности новых «зеленых» фронтов и есть их принципиальное отличие от структурированных оппозиционных организаций недавнего прошлого. Не менее важно и другое: отсутствие «системообразующего» центрального управления (если хотите, постулированных руководством фронта «правил игры») напрямую выражается в снятии ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ на жестокость проводимых акций. Просто потому, что анализировать возможные мотивации приходится на чисто индивидуальном уровне отдельного боевика.

ПОРТРЕТ МАЛЕНЬКОГО «ЗЕЛЕНОГО» ЧЕЛОВЕЧКА

Пока органам ФБР удалось обнаружить местонахождение лишь нескольких активистов «зеленого» фронта. Однако уже стали проясняться характерные особенности «экологических атак» и тип индивидуумов, которые могли бы их реализовать.

Итак, типичный «зеленый» террорист — в возрасте чуть более двадцати лет, достаточно образован (колледж или первые два курса университета). Обычно террористы действуют в одиночку или в составе временно образованных небольших отрядов, состоящих из двух-шести человек. Являются представителями отнюдь не маргинальных, а среднего и

даже высшего классов современного буржуазного общества. Стараются проводить свои «экологические атаки» по хорошо заметным и пользующимся немалой популярностью объектам. Как правило, под покровом ночной темноты. Часто по несколько раз пересекают границы сопредельных штатов, считая это эффективным способом дополнительно запутать и вообще усложнить расследование инцидента.

Как только «экологическая атака» состоялась, о ней объявляют, обычно посредством письма в местную газету или через электронное зашифрованное послание, направляемое в службу новостей таких информационных гигантов, как Ассошиэйтед Пресс. Объявления делаются также посредством анонимных звонков.

Впоследствии сообщения заносятся в так называемый Дневник боевых действий, находящийся на веб-сайтах объединенных фронтов.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Эксперты предполагают, что программа «зеленых» террористических группировок эволюционирует к использованию оружия массового поражения (ОМП). Эксперт-теоретик Уолтер Лэкаверер еще в июне 2001 года высказал предположение, что искусственное распространение вируса оспы вполне может рассматриваться некоторыми экологическими террористами как эффективный способ восстановления «планетарного экологического баланса». Тем более что, как заметила другой американский эксперт Марта Ли: «Такие практически неизлечимые болезни, как рак и СПИД, с точки зрения идеологов экотерроризма и его боевиков, откровенно признаются не медицинской проблемой, а «подаренным Всевышним» удобным способом подорвать основы «пагубного промышленного развития для сохранения живой природы в определенных Богом естественных ареалах».

Дэйв Формэн — один из основателей организации «Земля — превыше всего!» — признал, что в 1989 году он с единомышленниками планировал организовать теракты на АЭС в штатах Калифорния и Аризона. В начале 1991 года организация ALF оказалась замешанной в раздуваемой официальными СМИ панике по поводу заражаемых ее активистами продуктов. В прессу произошла «утечка информации» о якобы принятом в ALF решении ввести крысиный яд в безалкогольные напитки (*«Sprite»* — не дай себе засохнуть!) в знак протеста против научных экспериментов над животными в Великобритании и причастности общественности к этим экспериментам.

Совсем недавно, в июле 2000 года, экотеррористы оставили в центре города Миннеаполиса три контейнера с цианидом. Неизвестный, позвонивший в редакцию местной газеты, утверждал, что это — «наше грозное предупреждение обывателям, которые одобряют эксперименты в области генной инженерии, заставляют мучиться животных и в конечном итоге ставят под угрозу сложившееся биоразнообразие, обманывают природу и разрушают и без того хрупкие экосистемы».

Кстати говоря, еще неизвестно, кто рассыпает по Америке белый порошок — агенты законспирированной сети «Аль-Каида» или свои, «родные» экотеррористы, начавшие переходить к главной фазе борьбы с человеческой нечистью — применению оружия массового поражения.

Война с терроризмом глазами агента ФБР

Американцы бывают разные — истеричные, нудные и наукообразные. Но этот американец совсем не такой. Кроме АСР.38, у него есть кожаное раскладное удостоверение с американским орлом и буквами FBI. И еще — он мой старый друг

Кирилл КОЛИКОВ

Я позвонил Роджеру 12 сентября. С тех пор мы перезваниваемся еженедельно. Вообще-то мы говорим не по-английски. Наш сленг — русско-английский жаргон, в котором русские склонения и спряжения применяются к английским существительным и глаголам. Так уж повелось за шесть лет знакомства. Роджер — единственный человек в США, с которым я могу говорить без щедрот на американскую ограниченность, а я единственный русский, с которым он может говорить, не оглядываясь на политкорректность. В его доме я прожил полгода, именно он организовал мне в мае экскурсию на смертную казнь. Он же стал «Голосом Америки» в вопросах событий последних полутора месяцев.

— Ха-ха-ха, блин? Ну ты там как?

— Знаешь, странное чувство. Понимаю, что должен испытывать гнев, возмущение, страх, наконец, а у меня ничего этого нет. Есть даже, как это у вас говорят... злая радость... злорадство. Ты же знаешь, я не люблю япши. Когда сидишь в дельте Миссисипи в засаде по горло в болоте, ждешь контрабанду оружия или наркотиков, всегда обидно осознавать, что кто-то на Уолл-стрит спокойно стрижет купоны или в конгрессе разглагольствует о правах человека. И потом мне никогда не нравились здания ВТЦ, я всегда считал, что Эмпайр лучше...

— Смешно. Так ты хочешь сказать, что единства в Америке нет?

— Нет, конечно. Плохо, к примеру, скрывают злорадство «зеленые», которые вообще именуют все небоскребы «прыщами на теле Земли». Им, по-моему, даже немножко обидно, что взорвали здания ВТЦ не они.

— Кстати, ты согласен, что это дело рук Бен Ладена?

— Бен Ладен, конечно, не будет откращиваться, даже если это не он. Это его звездный час. Но утнать «боинги» мог кто угодно. А организовать и подготовить фанатиков тем более...

— Даже агенты ФБР?

— Такая версия есть. Вообще версий много. Две самые глупые — МОССАД, чтобы Америка не критиковала Израиль за борьбу с терроризмом в Палестине, устроила нам этот подарок. Вторая — сторонники Милошевича мстят за поражение в Косове.

— Ну а как все-таки со «следом ФБР»?

— Понимаешь, с точки зрения европейца, тем более русского, эта версия логически не-

противоречива. Для того чтобы войти в историю, надо кого-то победить, и чем более страшным покажется враг, тем больше места в истории. Логично предположить, что администрация президента дала нашему ведомству задание создать такого врага и теперь будет его побеждать. На меня посмотрят косо, но наш нынешний президент не способен войти в историю даже таким способом.

— А что думают в самой вашей конторе?

— У нас обратили внимание на одну интересную вещь. Еще и получаса не прошло после терактов, наши ближайшие союзники в коме, а ваш президент совершенно спокойно высказывает дежурные соболезнования. И этот ваш... э-э... ферст кури — первосвященник.

— Патриарх... Значит, «русский след»? Есть такая версия?

— А почему нет? Никто не говорит, что ваши спецслужбы организовали угон «боингов», но информацией они могли располагать от тех же пленных арабов в Чечне.

— Те из твоих коллег, кто верит в эту версию, обзываются, что не предупредили?

— Только начинающие. Дружественных спецслужб не бывает, это все понимают, но всерьез в «русский след», конечно, мало кто верит. И не только потому, что нет доказательств. Американцы привыкли к комфорту, а считать Россию союзником очень комфортно. Зная, что вы член «антитеррористической коалиции», где Америка присвоила себе лидерство, средний американец находится в рамках привычных представлений о своей избранности. Вот, мол, нас обидели, и весь мир вступил за нас, «холодная война» и разногласия позабыты. Это действует как наркотик. Ваше правительство преследует свои цели, но, если бы я оказался в Кремле и действительно питал дружеские чувства к США, я бы поддерживал нашего президента много сдержаннее, напомнил бы о том, что Бен Ладен — наша креатура, что американцы чуть ли не радовались взрывам в Москве...

— Что бы это дало США?

— Ведро холодной воды на голову. У нас бы поняли, что воевать в конце концов придется самим, без подпорок в виде союзной России, Северного альянса и прочих.

— Мне кажется, что ты сейчас рассуждаешь как наш красно-коричневый патриот, а не как американец.

— Э, нет! Позиция лидерства издалека, которую занял наш президент, чревата тем, что в этой войне не будет Дня победы. Режим талибов, естественно, рухнет в ближайшие недели, может быть, даже дни. Но на развалинах «Талибана» неминуемо начнется соперничество шиитского Ирана и суннитского Пакистана. Перед последним у США есть обязательство — ввести «умеренных» талибов в послевоенное правительство Афганистана. Но этого не хотят Северный альянс и, что самое главное, ваша страна, которая его кормит и вооружает. Это уже зерна будущего конфликта на пакистано-афганской границе.

Вообще «Аль-Каида» вряд ли будет полностью уничтожена в Афганистане. Ее лидеры, скорее всего, найдут поддержку в Алжире, где еще со времен войны за независимость сильны традиции фидаев — «жертвующих собой» подрывников-камикадзе. Нам придется

распространить антитеррористическую операцию и на Северную Африку.

— Но Буш как раз и говорил о долгой войне.

— А вот это уж глупость! Любой генерал, планируя операцию, старается провести ее молниеносно, с максимальной концентрацией моши, пусть даже со значительными потерями, лишь бы быстрее закончить, ведь все армии максимально боеспособны первые десять дней... В Белом доме и Пентагоне не могли этого не понимать. Единственное логичное объяснение линии на долгий конфликт — она преследует не внешние, а внутриамериканские цели.

— Какие?

— У вас есть такое понятие — вертикаль власти. Я уже говорил о желании кое-кого войти в историю. Наша контора только что получила дополнительные полномочия, но есть основания полагать, что задумана радикальная реформа всего политического устройства Америки. Первая ласточка в этом направлении уже пролетела. Наш президент заявил, что ради безопасности Америка готова пожертвовать своими свободами. Поэтому вероятность превращения США в полицейское государство весьма велика. Перлюстрация корреспонденции — это пока только цветочки. Окончательно The Police State of America со всеми их прелестями сформируются как раз к следующим президентским выборам.

— А ты пессимист, однако.

— Я просто трезво смотрю на вещи. Стремление во что бы то ни стало сохранить лидерство в мире или хотя бы его видимость не доведет нашу администрацию до добра.

— Но ты-то как представитель спецслужб должен только радоваться предстоящим реформам — у вас прав будет больше.

— Мне страшно. Я же совсем не стандартный американец: слишком хорошо знаю вашу историю. Еще одно расширение полномочий — и я с чистой совестью могу пришивать себе фиолетовые петлицы НКВД, а мне не очень нравится эта деталь туалета.

— Ты, наверное, просто наслушался моих страшных рассказов.

— Я насмотрелся на своих соседей. Когда ты видел их в мае, это были веселые беззаботные люди. Помнишь, по вечерам они выходили в сад и развлечения ради со смехом стреляли из своих кольтов по апельсинам? А сейчас они запираются дома, со страхом слушают новости о появлении где-нибудь белого порошка, утром лезут в почтовый ящик в перчатках, заворачивают рекламные проспекты в мокрую марлю и проглаживают утюгом — так сказано в инструкции, которую написал, кстати, один из ваших диссидент-биохимик. И еще с надеждой смотрят мне в рот — сделай, мол, что-нибудь, ты же власть! Если бы я сейчас устроил у себя во дворе суд Линча над каким-нибудь арабом, мне бы аплодировали, а многие бы и помогли. В такой стране я жить не хочу.

P.S. В то утро (в Штатах был вечер), когда Роджер дал мне «добро» излить наши разговоры с ним на бумагу, из-за океана пришло сообщение о том, что Буш создает новую суперспецслужбу, по своим полномочиям превосходящую CIA, FBI и даже наше легендарное КГБ, вместе взятые. Названия у службы пока что нет, но начальником Буш назначил своего земляка и близкого друга. За дзло, Лаврентий!

1746 год. Венецианский флот разгромил Каудину-
полисскую армию. Стартовало движение на запад
— вторая Гранадская война, завершившаяся в 1808 году в испанской столице.
В результате Первой
Испанской войны и последовавшего раздела Испании на
имперские владения в Европе и России, Австрии, Сардинии
и других странах. В результате в конце прошлого
века Испания и ее колонии вступили в состав
империи в Европейской конфедерации.
В 18-м веке ХХ века. В результате конфликта между
империями Испания и Франция, Испания

第22章

Далее пишет, что опроверг не является показанием на подозреваемого. Последний правоохранительный орган не может принять его, если ему ставят подпись на ксерокопии подлинного документа. Иными словами, если есть ксерокопия подписи, то ее нельзя отменять. Штраф за такое нарушение, соответственно, придется взыскать со всеми правоохранителями, которые участвовали в этом процессе. Важно отметить, что виноваты не только те, кто подписал поддельную бумагу. Административная ответственность может быть назначена и тем, кто проверял подпись, если он не обнаружил подделку.

«На сцене, как вальсировала» — «Нес-Ситион» от 1947 года. «Жизнь за царя» — «Любовь отца» — эти позитивные спектакли на парижской сцене были первыми. Годами также упразднялись комедии Шарля. Мало прерываний — спектакль не спешит. Время и место действия — «Комедия в Генуе» — четко сформированы, красноречивы, монологи — западные в Италии, патетичны, а любовь — юноши в Капри, девушки в Древнем Риме. Вспоминается «Мария Стюарт», «Макбет», «Гамлет», спектакли, некогда знаменитые. Жюльетта Боннеро, кстати, тоже была замечательна, однако эти красавицы-актрисы — не звезды премьерного репертуара, зато они великолепны, очаровательны.

КОРОЛИ СПАСУТ МИР?

№ 42 / октябрь 2001

Это не наш путь. Но хороший

Читал и думал вот о чём... В статье весьма убедительно доказываются старые истини о том, что пироги должен печь пирожник, а салоги тачать сапожники. А страной управлять — монарх. Есть два близких по смыслу выражения. Первое: демократия — худший вид общественного устройства, но, к сожалению, ничего лучшего люди не придумали. И второе: монархия была бы лучшим способом управления, если бы не монарх.

Так вот, конституционная монархия связывает оба эти противоречия. Конституционная монархия — это по сути демократия, но при этом — некий институт, гарантирующий это демократическое устройство общества, его ценности, устои, идеалы, традиции... И вместе с тем монарх здесь не опасен, ибо реальной властью не обладает.

Но возникает вопрос: а зачем написана статья? Если это касается только Афганистана, который король может примирить, то это одно дело. Если речь о России

ции — совсем другое. С одной стороны, Россия слишком далеко ушла от монархии. С другой — ментальность у нас вполне царистская: начальник воспринимается как первый судья...

Наша история учит, что все наши президенты подвержены сиюминутным интересам кланов и влиянию политических группировок. Думаю, если в обществе проводить долгую работу, то можно было бы убедить общество, уломать его на монархию. Конституционная, естественно. Это бы подняло гаранта конституции над политическими дрягами и политической текучкой.

Вообще же вы опубликовали довольно интересный материал, факты подобраны ненадобливо так. Заставляет задуматься о нашем государственном устройстве.

Сергей ЮШЕНКОВ
депутат Госдумы

Астарбайтеры и МЫ

приглашение работать в Москву и впервые за восемь лет поехал посмотреть на Россию, людей и фирму. Хочется вернуться и заниматься делом на благо своей страны. Очень хочется. Летал как на крыльях, в ожидании поездки, сделал паспорт, чуть не уволился в Торонто с работы. В общем, начал скижигать мосты. На дрожащих от волнения встречах с Родиной ногах прилетел в Шереметьево

Ребята... Да вы что?! От выхлопов дышать нечем! Поплавшие КамАЗы, чадящие соляркой. Жеваные, именно не битые, а жеванные автобусы и троллейбусы... Ну почему вон тот, нормальный с виду, водитель едет с оторванным скребущим по асфальту бампером? Дел всего на 10 минут, чтобы его отремонтировать. Почему водители смотрят из своих машин через бояницы, пробитые в грязи на стеклах? Почему НИКТО не пользуется поворотниками? Почему НИКТО не замечает разметки на дороге? Почему мне при любой остановке упираются в задний бампер? Что, люди не знают, что такое листанция?

Страну превратили в борище сидящих на карачках людей с пивом в руках. Ну почему, почему разрешили пить пиво в открытую? Нигде в мире невозможно увидеть человека со спиртным в руках вне бара или дома. Кто намеренно спаивает наших детей подростков? Где это видано, чтобы парень угощая свою девушку пивом?

Это противно видеть. Этого не было в России одиннадцать лет назад. Мое поколение выросло на лимонаде и мороженом. Я, живя за границей, был против западных фильмов с неизменно пьяными russkimi, против стереотипов о русском человеке в шапке-ушанке с бутылкой водки. Теперь, к своему ужасу, я понял, что они правы. Посмотрите на парней — бритые затылки и бутылка в руках. Откуда этот тюремный тон? Откуда эта блатная мода на тюремщину? Почему героями этих пьес стали коммюнильные проны с пастальчиками?

Ну видно же, что это целенаправленная политика — превратить страну в стадо. И это уже сделано. Народ уже не умеет сидеть на скамейках в парке, он сидит на спинках. А там, где нет скамеек, он сидит на корточках, как в тюремной камере. Что с вами случилось? Все начинается, если хотите, с нечищенных ботинок. С грязных машин. С грязного вождения. Это не прикрывается одеждой от Кардена. Человеку, имеющему грязный «мерседес», не помогут фирменная мерседесовская куполка или пиджак.

...Я прошел интервью. Мне нравится работа в коллективе. Но я решил остаться в Канаде. К сожалению. Я не знаю, сколько лет или поколений надо России, чтобы люди стали людьми.

Igor, Torment

№ 36 / сентябрь 2001

Почему я не вернусь

Читаю вас за границей, где живу 11 лет. Итак, еще раз об «утечке мозгов». Недавно получил

Великая тайна московских властей

Ваш номер о монархах, которые спасут мир, если человечество позовет их на помощь, и послужил поводом для моего письма. Если нельзя призвать на помощь, то хотя бы память увековечить можно?

Конкретно. Не стало в московском метро Маркса, не стало Дзержинского, не стало Ногина и Кирова, а заодно с ними и пролетарского писателя Горького не стало. Но никто в метрополитене даже и не помышлял прикоснуться к тем металлическим буквам, которые хранят имя одного из убийц царской семьи, имя Войкова.

Сколько писем, сколько призывов было к московским властям с просьбой заменить название станции метро с именем убийцы на имя его жертвы — святого царя-мученика — и назвать станцию «Император Николай II». Царя Николая II уже год как причислили к лику святых. В честь него не только по всей нашей стране, но во многих других государствах строятся храмы. Царские иконы мироточат на всем пространстве России.

И тут не забывчивость, тут не невнимательность, тут не оплошность! Бабушкин, Калинин, Жданов, Щербаков... Со Свердловым Яковом Михайловичем и то расстались, и даже имя великого русского поэта Лермонтова стыдливо удалили со стен московского метро. А удирживать имя Войкова не стыдится. Как бы заботясь, чтобы оно все время находилось пред миллиарным взором.

Так что же тут? Почему именем человека, известного своим участием в убийстве века, названа станция московского метро, и подсудный Войков тем самым причтен к Пушкину, Чехову и Маяковскому? Сие то и есть великая тайна московских властей. Когда откроется эта тайна? И откроется ли когда-нибудь?

Борис ВАНЕВСКИЙ, Москва

Народа

Лично Руди. От Элвиса

Хочу поблагодарить вас за первую в истории российской журналистики правдивую информацию об Элвисе Пресли. Я был и осталось редким коллекционером рок-музыки от самого ее зарождения. И к тому же, наверное, единственным человеком в бывшем Союзе, который держал в руках письмо лично от Элвиса. Начиналось оно словами «Дорогой Руди» и заканчивалось — «Ваш друг Элвис Пресли», что и дает мне основание считать его другом.

Предшествовала тому письму целая история. Было это во второй половине 50-х, когда звезда Элвиса уже ярко сияла на небосклоне американской поп-музыки. Он еще не был женат, хотя его будущая жена Присцилла, которой было всего 14 лет, уже жила у него после возвращения Элвиса из Германии, где он прослужил два года в танковых войсках. И еще предстояло прожить в друзьях несколько лет, пока по американскому закону они смогли бы официально вступить в брак. А до той поры, как справедливо отмечено в вашей публикации, между ними ничего «такого» не было да и быть не могло — Элвис вырос в пританской семье, где был воспитан в уважении и женщины, живущей в ее доме, хоть и на правах невесты. С другой стороны, она была дочерью его близкайшего армейского начальника, в доме которого в Германии он был. Там он и познакомился с Присциллой. А его будущий тестя за два года службы имел возможность изучить Элви-

са настолько, что смог без всяких колебаний доверить ему свою dochь и отпустить в далекую Америку.

А тем временем американские и европейские газеты соревновались, как бы поразительнее изобразить Элвиса Пресли. За его двинулся на сцене во время исполнения рок-н-ролла его единодушно окрестили «Пеликом», что означало нечто среднее между человеческим тазом и просто задницей. Да, движения его были, конечно, недвусмысленными, но это была всего лишь сценическая поза, зачастую опранднанная текстами песен.

Продвинутая (как теперь говорят) в смысле рок-н-ролла молодежь внимательно следила за публикациями в изданиях типа «Молодежь мира», «Вестник», включая и «Крокодил», о стремительно растущей славе Элвиса. Там со смаком сообщалось о количестве сидений, разбитых его поклонниками на концертах, соблазненных девицах, о том, как он в исполнительском раже проглотил свой собственный фарфоровый зуб, после чего концерты пришли прервать, о его дебильной внешности и т.д. Но на нас это все не действовало — мы любили его за прекрасный голос, за великолепное чувство ритма, за бешеный темперамент и за ту волшебную звездную субстанцию, которая уже звучала в самых его ранних записях, их мы слушали в передачах «Радио Люксембург», на самотанных «косях» и на первых фирменных дисках, попадавших к нам бог весть как.

Я занимался и занимался сейчас всеми видами звукозаписи, включая и музыку «на костях». В то далее время вокруг меня ста-

ли объединяться другие почитатели рок-н-ролла. Возникло нечто подобное подпольному клубу, где мы обменивались записями, новейшей информацией, изучали сам танец. А он, как известно, славился акробатикой. Группами мы бродили с одним студенческого вечера на другой, где демонстрировали рок-н-ролл с его бросками, переворотами, протаскиваниями партнера, сидящего на корточках, между широко расставленными ногами другого, и т.д. То и дело нас задерживал «Комсомольский патруль», в его штабах нам наголову выстрелили «кандалки», распахивали брюки-дудочки, а позже вырезали клины из брюк клещи. Не скрою, я претендовал на роль «президента» подпольного клуба. Но я понимал, что одной коллекции рок-музыки тех лет, обширного альбома вырезок из периодики и не только советской, умения неплохо танцевать для полного авторитета среди соклубников было маловато. И я решил через знакомого моряка дальнего плавания послать письмо самому Элвису Пресли. На мое ломаном английском тех лет я поведал Королю о его широкой популярности среди молодежи Питера, намекнул о нашем подпольном рок-клубе и т.д. Адрес фан-клуба Элвиса я взял с оборотной стороны одной из его первых, долгоиграющих пластинок.

Шло время. И каково же было мое удивление, когда в почтовом ящике я обнаружил конверт без обратного адреса, опущенный кем-то на ленинградском Главпочтамте. Под наружным конвертом я обнаружил другой — с адресом Элвисовского фан-клуба. На конверте напечатаны мой адрес и имя с фамилией. Трепетной рукой я вскрыл конверт и обнаружил письмо Элвиса, отпечатанное на машинке, но подпись была лично Элвиса, от руки. Элвис тепло благодарил за мое послание, выражал удивление и восторг, что его знаком и любят даже в России, и прилагал свое фото-открыти с припиской от руки «Любящий Вас Элвис Пресли». Тот факт, что сам Элвис, получив письмо из неведомой России, при всей его популярности и занятости, счел нужным лично ответить, говорит о том, что у него не было звездной болезни.

Судьба письма Элвиса оказалась печальной. Я хранил его в развернутом виде между страниц моего альбома с материалами о рок-н-ролле. Фотография с его надписью лежала среди других фотографий Элвиса. Во время одного из обысков, когда на нас насыли органы газы, альбом со всем содержимым был изъят, изъяты были и все мои коллекции грампластинок, магнитофонных и иных записей, и дальнейшая его судьба мне неизвестна. По решению суда все это должно было быть передано в фонотеку Института театра и кинематографии в Ленинграде. Вернувшись домой по отбытии срока, я незамедлительно наведался в архив этого института, но никаких следов моих материалов я там не обнаружил.

В конце 70-х я оказался в эмиграции в Нью-Йорке. Проработав несколько лет в «Кистмет Рекорд Компани», которую я возглавил, столкнулся с одним из самых ярых поклонников Элвиса в Америке. Он собирал буквально все, связанное с покойным Королем. Когда я ему рассказал о письме от самого Элвиса, он мне не поверил. Он запросил фан-клуб, на адрес которого я когда-то отправил письмо. Фан-клуб поднял архивы и нашел мое письмо или его копию. И, самое главное, нашел копию письма-ответа от Элвиса. Воодушевленный коллекционер вернулся ко мне с карманами, набитыми наличностью. Он предложил мне за письмо десять тысяч долларов — исходную аукционную стоимость за его письмо. Что я мог ответить? Я честно рассказал, что письмо у меня было конфисковано вместе с альбомом. Последний раз я его видел на одном из допросов. Он валялся на полу. Обложка была оторвана. Чувствовалось, что по нему ходили ногами в сапогах.

Рудольф СОЛОВЬЕВ, коллекционер рок-музыки
Санкт-Петербург

ОН БЫЛ МУЗЫКАЛЬНЫМ ХУЛИГАНОМ

Соловьев за свою деятельность постоянно преследовался органами КГБ, он стал большой музикальной знаменитостью Питера 80-х годов.

После того как устроить музикальный спектакль в келье МВД под названием «Пророк Моисей» — об исходе евреев из Египта Рудольфа Соловьева «попросили» покинуть пределы СССР.

В Америке Соловьев стал владелецем музыкального журнала «Кистмет». Здесь учился свет Галин, «Машина времени» и многое другое. Советские драматы гуляем шли в «Кистмет» и складывали все, что было под запретом в России. «Кистмет», у самого Юрия Андропова были пластины с меркой «Кистмет».

В 1989 году Соловьеву впервые разрешили приехать в СССР. Неожиданно, он дозвонилсяся к Методией созвездия на выпуск пластины блестящих песен Аркадия Северного.

«Кистмет» Рудольфа Соловьева решил окончательно вернуться в Питер. Такова судьба — через Нью-Йорк назад в Питер. Теперь Юрий Андропов вспоминает:

Дмитрий Быков

Гилберт, Оскар и мы...

памяти Гилbertа Кита Честертона

Недавно мне позвонил замечательный человек — Козицкий, и спросил, не хочу ли я о чем-нибудь написать. Козицкий вообще-то переводчик с французского, весь из себя культурный, но судьба его так сложилась, что он работает заместителем главного редактора в «Огоньке». Подумай, я знал одного очень приличного доктора исторических наук, который в свободное от работы время вагоны с гоголями разгружал.

И вот, значит, Козицкий собирает свой номер, набирает мой номер и спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь написать.

— Хочу, — говорю я ему. — Давно хочу. О крахе либерализма.

— Ну нет, — говорит Козицкий, и даже по телефону слышно, как он там в «Огоньке» руками машет. — Этого наш ни за что не пропустит.

Говоря «наш», он обычно имеет в виду себя, когда ему не нравится какая-нибудь тема.

Но чтобы я на него не обижался, он придумал «нашего». Мы играем в эту игру примерно через номер...

— Тогда давай я напишу о победе нового консерватизма, — предлагаю я.

Козицкий еще пуще машет руками и начинает ругать «нашего», который совершенно уже не хочет ничего живого и прогрессивного.

— Ну ладно, — говорю я, хитрый, наученный многолетним журналистским опытом. — Тогда я напишу тебе про Честертона.

— Это можно, — оживляется Козицкий. — А что с ним такое?

— Да как же, — стремительно нахожусь я. — Шестьдесят пять лет со дня смерти. Юбилей. Козицкий с облегчением вздыхает.

— Ну попробуй, — говорит он и прощается.

Так вот, мы с вами сейчас договоримся. У нас статья про Честертона Гилbertа Кита. Правда, 65 лет со дня его кончины было в июле. Но в июле еще не было нового консерватизма.

Писать статьи к несуществующим, некруглым, выдуманным и всяким иным юбилеям я насобачился в середине девяностых, когда стало совершенно невозможно напечатать в газете (журнале), если издание не было специально филологическим, ни одного серьезного материала. Так что календарный повод иногда давал хоть как-то высказаться, поговорить наедине с тем Своим Читателем, для которого я только и работаю. Ну, еще немножко для заработка, но это во вторую очередь.

Из изданий стали вычеркиваться все слова, в которых было больше трех слов. Все ужасно упростились. Выживало только самое массовое, самое пошлое и самое уродливое. Упомянутые выше доктора наук разгружали вагоны, и это считалось нормой. Нормой считалось то, что во главу угла страны был поставлен принцип выживания. Было дружно забыто, что ценны по-настоящему только те тонкие вещи, которые в pragmatическом аспекте совершенно бесполезны и сами выжить не могут. И это был расцвет русского либерализма. Начало XX века, когда заявил о себе Честертон, — тоже было ужасно либеральное время.

После смерти королевы Виктории распались все скрепы. Империя затрещала. То, что Честертон окрестил анархизмом, те, кого он с ненавистью называл «мыслителями» в противополож-

ность обывателям и поэтам, — все это правило в мире было. Эстетизм и декаданс владели миром, безнадежно компрометируя его и постепенно протаптывая дорожку будущим тоталитаризму — фашистскому и большевистскому. Эстет торил дорогу варвару. Догадывались об этом многие, но хорошо понимали двое: классный писатель Томас Манн и хороший писатель Честертон.

Честертон, собственно, написал в своей жизни одно гениальное произведение — роман «Человек, который был Четвертом». Все прочие его романы на фоне «Четверга»глядятся ужасно примитивными и наивными, детективные рассказы натянутыми, трактаты скучными. Но, помимо прочих своих добродетелей (большое пузо, приятные манеры, любовь к слабоалкогольным напиткам и старой добре Англии), Честертон был еще и гениальным газетчиком, автором отличных эссе, которые ему до сих пор не могут простить снобы всех времен и народов. Чтобы по-настоящему отомстить Честертону, они его присвоили. Честертона стал хвалить мертворожденный, нудный, претенциозный Борхес, понимавший христианство ровно противоположным образом. Борхес договорился до того, что в душе Честертона был вовсе не безблачным оптимистом, а трусом и невротиком, который в оптимизме и здравом смысле искал спасения от обступивших его кошмаров. На самом деле, разумеется, никаким трусом Честертон не был. «Значит, вы умнее Борхеса?» — спросит меня иной сноб, эта порода ведь мало изменилась за сто лет. «Да, я гораздо умнее и вас, и Борхеса. Уверяю, это нетрудно. Я также умнее Деरрида и Бодрийара, и Тимоти Лирри, и Керуака, и Гинзберга, и Егора Летова, и всех других теоретиков небытия, интеллектуальных спекулянтов, структуралистов, деконструкторов, секуляризаторов и популяризаторов новой европейской философии; я умнее методологов, пиарщиков, политологов, манипуляторов общественным сознанием, борцов, новых оппозиционеров, читателей и издателей «Новой газеты», поклонников Владимира Гусинского и Евгения Киселева; я также умнее Киселева и Гусинского. Я умнее всех перечисленных людей, и это нельзя ни объяснить, ни доказать. Поверьте мне на слово, это просто так и есть. Через сто лет это будет азбукой для любого младенца». — «Клиническая картина мании величия», — скажете вы. «Проживите эти сто лет — убедитесь сами».

Так вот, Честертон не был трусом. И здравый смысл у него был не приобретенный (выработанный против кошмаров и пр.), а самый что ни на есть врожденный, заявивший о себе буквально с первых его сочинений. Честертон всей душой протестовал против интеллектуальных спекулянтов, посягавших на здоровые основы бытия: на право родителей приказывать детям, на право людей не быть гомосексуалистами, не читать Уайльда и не желать своей Родине поражения в войне. Эти простые ценности никак нельзя обосновать, они постулируются, но не доказуются. Вроде бы бытия Божия. Весь наш мир, в сущности, стоит на песке, и это единственное, в чем Борхес, вероятно, согласился бы с Честертоном. Это же у Борхеса сказано: «Все строится на песке, но строй так, как если бы ты строил на камне».

Девяностые годы и позапрошлого, и прошлого века (по крайней мере в России) были как раз временем нарушения конвенций. А давайте будем фабриковать литературу без сюжета и смысла, жить вместе без детей и брака, работать без желания и результата, а только для денег. Давайте будем заниматься политикой не ради страны, а ради себя. Страну свою любить не будем, и всякую попытку ее любить расценим как шовинизм

Все на песке, на пустоте, на договоренности, на имманентной, кем-то заложенной в человека программе. «Как объяснить детям, что чужие письма читать нельзя?» — в отчаянии спрашивает учительница у старшей коллеги в моем любимом фильме. «Нельзя, и все», — просто отвечает старшая коллега. Есть вещи, которые суть наших изначальных конвенций с миром, и нарушение этих изначальных конвенций ни к чему хорошему не ведет. Девяностые годы и позапрошлого, и прошлого веков (по крайней мере в России) были как раз временем нарушения конвенций. А давайте будем фабриковать литературу без сюжета и смысла, жить вместе без детей и брака, работать без желания и результата, а только для денег. Давайте будем заниматься политикой не ради страны, а ради себя. Страну свою любить не будем, и всякую попытку ее любить расценим как шовинизм. Эстетически продвинутым будем считать только того человека, который трахает в попу себе подобного человека. Всех, кто с нами не согласен, объявили совками и пошлыми дураками. Отречемся от старого мира, а сами назовемся царями горы; любого же, кто посягнет на наше звание, будем обвинять в тоталитарности, благо в истории России был Сталин, и это очень мощный аргумент. Давайте мы будем — «свобода», а все, кто не мы, — пусть будут «Сталин». И будем клеймить.

Вот что замечательно в отечественных постмодернистах и других апологетах свободы: это страшно несвободные люди, не терпящие на деле никакой демократии. Все наши демократы скорее сделают друг другу харакири (себе харакири они не сделают никогда), чем признают за народом право на собственное волеизъявление или хоть одну добродетель. Честертон ведь, кстати сказать (вы не забыли, что у нас статья о Честертоне?), вовсе не любил пролетариата. Он любил обывателя и то не потому, что обыватель примитивен и уютен, а потому, что его трудней одурачить. Обыватель является вынужденным носителем здравого смысла, именно он, человек массы, никогда не увлечется структурализмом и постпримитивизмом и будет читать нормальную прозу, и светская хроника никогда не станет главным содержанием его жизни. И в секту обыватель никогда не хлынет, а пойдет в церковь. Величие Честертонова в том и было, что на рубеже веков при выборе между продвинутой, умной сектой и косной церковью он предпочел церковь. Сама официозность и подчеркнутая будничность, которые спасают прихожан от блужданий по темным лабиринтам своего и чужого подсознания.

Я тоже сделал такой выбор. Хотя бы потому, что секта всегда тоталитарна, а церковь просто иерархична, но не может мне ничего приказать. Конечно, в ее истории были Торквемада и Лойола. Но и в истории атеизма хватает крови, а в истории сектантства ее еще больше.

Русский либерализм кончился. Либерализм, можно сказать, кончился во всемирном масштабе. Либерализм в нашем понимании, стихийно сложившемся в России, был свободой несуществования и даже борьбой за него, свободой априорно пренебрежительного отношения к любым традиционным ценностям. Лишь в очень небольшой степени он

был реакцией на слишком долгое советское торжество этих ценностей: в основном он был естественной реакцией слабого и развратного имперского человека на то, что ему кое-что разрешили. В больших и тоталитарных империях человека так сильно призывают быть хорошим, что он отвыкает думать сам. В результате стоит наступить свободе, и он тает на глазах, как тот боялся у Эдгара По, которого накануне смерти погрузили в гипнотический транс. Разбуженный полгода спустя, он разложился под руками гипнотизера.

Во времена упадка империй (а правление королевы Виктории как раз и было последним всплеском британской империи накануне упадка) люди вроде Честертона, с врожденной порядочностью и врожденным же здравым смыслом, — на вес золота. Они и должны предостеречь от главного соблазна свободы — соблазна религиозизма, относительности всех истин. Уайльдовские парадоксы на самом деле — невинные и дешевые — были как раз первой ласточкой издательского всеотрицания, которое очень скоро захлестнуло Европу и получило прозвание «модернизма».

Я думаю, когда Уайльда арестовали, никто не огорчился сильнее, чем двадцатилетний Честертон. Потому что спорить с Уайльдом было его делом, а теперь в эту полемику как слон в посудную лавку вломилось государство, и сама идея спора с эстетизмом оказалась надолго скомпрометирована. Спорить с эстетами, модернистами, постмодернистами и пр. должны не представители государства, а другие художники. Но тут в дело вступает тяжелая артиллерия, и делом нашей чести становится защита наших противников. Так и движется по замкнутому кругу история европейской мысли, история, в которой все мы заложники. Не успеет какой-нибудь модернист сделать очередную гадость, как против него возбуждается уголовное дело, и корпоративная честь требует защиты оппонента: «Не трогай Абдуллу, он мой!»

Сегодня старомодный консерватизм торжествует во всем мире. Нельзя уйти из дома навсегда. Молодой бунтарь превращается в япти, хиппушка заводит детей, эстету кушать хочется и так далее. Есть неотменимая, благословенная рутиня, и она засасывает всех. Отрезвились мы сполна в обоих смыслах слова: перестали пьянеть и устали резвиться. Времена вседозволенности для одних и полной недозволенности для других (а мы ли не знаем, как эстеты держатся за привилегии и локтями распихивают конкурентов), слава богу, кончились. Кончились и у нас, и повсюду.

Почему американцы, кстати сказать, так накинулись на Клинтона? Им по барабану было, что он девушку соблазнял, простили бы они ему и ложь под присягой. Американцы вовсе не так держатся за свои конституционные нормы, как принято думать. Вон и цензуру скавали совершенно спокойно. Американцам надоела сама, простите за выражение, клиントоновская парадигма, идея горизонтального, прозрачного и политкорректного мира, в котором все ценности равноправны. Американцам надоели засилье и всецелое меньшинств. Одновременно в планетарном масштабе облажался интернет, от которого ожидали кардинального изменения жизни, а он оказался обычной спра-

вочной системой вроде большой энциклопедии на дому да еще дал шанс бездари высказаться по любому вопросу. Интернет уравнял гения и злодейство, обывателя и неонациста, мудреца и идиота — там, в интернете, апофеоз демократии и анонимности, пиши что хочешь. В результате ни какой-то особенной сетевой литературы, ни сетевой культуры, ни сетевого сообщества так и не появилось. Появилась куча унылых типсов, которые в этом виртуальном пространстве лаяли громче других.

Горизонтальная культура, в которой все равноправно и потому неинтересно, благополучно скомпрометировала себя. Безумцы с подведенными глазами, стилисты, извращенцы всех мастей, эстетствующие жулики, философствующие манипуляторы, нимфоманствующие нимфетки и прочие экзотические типажи благополучно канули уже после кризиса 1998 года, а нынешняя реальность их добила. Мода на порок прошла. Настала мода на добродетель. И даже на государственность. Отвратительна всякая мода, но не всякая опасна для жизни. И тут уж приходится выбирать из двух зол. Мода на государственность лучше моды на героин.

Тут вот какой парадокс: в нашем сознании порядок тесно сросся с Ордунгом, с порядком гитлеровско-сталинского образца. Но давно уже пора различать Империю и законопослушное, умеренно-либеральное государство европейского типа. Как раз в Империи настоящего порядка нет, потому что держится она на насилии и беззаконии. Закон, конечно, тоже ограничивает наши свободы, но по крайней мере не навязывает нам никакого определенного образа мыслей. Вот почему обречены на провал любые попытки представить Путина или Буша тоталитарными вождями.

Тут пора поговорить о Путине и Буше, которые Честертона, может быть, и не читали. Почти уверен. Читатель, который спокойно добрался до этих строк и взорвался только теперь, наверняка заявляет: «Это через Путина, что ли, придет в Россию христианская цивилизация, основанная на здравом смысле и законопослушности?» (Сразу оговорюсь, что речь у меня идет только о честертоновском христианстве, уютном, несколько комнатном.)

Да, думаю, через Путина. Он тут совершенно ни при чем, он не более чем символ, образ такой. Орудие судьбы, если угодно. И неважно, чем он занят, если он сажать не станет, как спел бы Винни Пух. В России грань между порядком и Ордунгом довольно тонка, мы любим перехлесты, но в современном мире не так-то легко построить закрытую со всех сторон Империю. У Путина и Буша действительно много общего — по крайней мере у обоих со здравым смыслом все очень хорошо. И этот здравый смысл легко позволяет им отличить свободу от спекуляции на свободе. Журналисты «Вашингтон пост» это понимают и не обижаются, когда Кондолиза Райс советует им снять материал, содержащий государственные секреты. У нас бы поверили, но тоже поняли.

По-настоящему тоталитарна была Россия пять лет назад, когда тот, у кого были деньги, диктовал все и всем. По-настоящему диктаторской (как лужковская Москва со всей ее атрибутикой богатого и вольного города) была Россия

Слева направо — почти все главные герои очерка:
Честертон и его антипод О. Уайльд, Дж. Буш
(президент), Е. Киселев (либерал), диктатор Курлов,
Р. Киплинг (брюмье белых) и бывший влияний
Гусинский

Березовского и Гусинского. Россия журналов «Ом» и «Птичка», где страстно высмеивалась норма.

Тоталитарны были эстеты, узурпировавшие право судить о словесности и назначать гениев. Тоталитарно было НТВ прежнего образца с его закрытостью, жесточайшей дисциплиной и зомбированными правдолюбцами, против воли участвовавшими в масштабном шантаже. Тоталитарны все наши демократы, с первой реплики срывающиеся в истерику. И уж более тоталитарного человека, чем Анна Политковская, при всем моем почтении к ней, еще не видел свет.

Но и их засильешло нам, людям нормы, на пользу. Пolemika с ними (разумеется, при условии полного невмешательства со стороны государства) нам, людям нормы, жизненно необходима. Потому что, как бесстрашно формулировал тот же Честертон: «Почему борются во Вселенной муха и одуванчик? Для того чтобы каждый, кто покорен порядку, обрел одиночество и славу изгоя. Для того чтобы каждый, кто бьется за добный лад, был смелым и милосердным, как мятеожник. Для того чтобы мы смели ответить на кощунство и ложь Сатаны. Какие страдания чрезмерны, если они позволяют сказать: «И мы страдали?»?

В девяностые годы пророчество это сбылось: каждый, кто был покорен порядку, обретал одиночество и славу изгоя. Послушайте, какими словами сектанты поливали «православного фундаменталиста» Кураева и «шизофреника» Дворкина. Почитайте, что писали о Никите Михалкове, который при всех своих бесспорных минусах искренне и честно исповедует патриархальную идею «доброго порядка». Вспомните, какая дрянь поднималась на щите литературной критикой, обслуживающей тот загадочный класс, который отыскал деньги посредством глянцевой журналистики. И вы поймете, что идея «доброго порядка» была в мире за последние десять лет скомпрометирована как никогда. Хотелось бы надеяться, что апологеты доброго порядка обретали во время своей травли не только черты столь монструозные, как в михалковском варианте, но и смелость и милосердие, о которых говорил Честертон. Теперь, кстати, один завзятый либерал в одном сетевом журнале дико нападает на новый американский патриотизм. Ему, видите ли, не нравится, что нация сплотилась вокруг Буша. Между тем я решительно не понимаю, что дурного в патриотизме. Васильев и Проханов никакие не патриоты, они малообразованные мистики, и спорить с ними еще не значит быть коммюнистом, достаточно быть хорошим стилистом. В нашем сознании совершенно напрасно отождествляются космополитизм и хороший вкус, цинизм и ум, «средний класс» и посредственность... Можно быть патриотом, талантливым писателем, идеологом «среднего класса» и человеком среднего достатка. Пример тому — Честертон. А если кому-то кажется, что он недостаточно талантлив, я назову еще Уэллса и Киплинга, старых добрых защитников старого доброго бремени белых. Того Киплинга, который иногда так и кажется идеологом сегодняшней Америки. А что делать? «Мы вправе приказывать детям; начни мы убеждать их, мы бы лишили их детства» (Честертон «Еще несколько мыслей по поводу Рождества»).

И напоследок несколько слов от Наталии Трауберг, главного отечественного специалиста по Честертону и моего любимого переводчика:

«Для Честертона неразделимы ценности, которые мир упорно противопоставляет друг другу. Он рыцарь порядка и свободы, враг тирании и анархии (выше я уже пытался доказать, что тирания и анархия взаимообусловлены и почти тождественны). — Д. Б.). Некоторые критики полагали, что Честертон взвал к толпе, проповедовал жестокие догмы... Эзра Паунд сказал когда-то: «Честертон и есть толпа». Редко, но встречаются противники и поклонники Честертона, которые считают его кровожадным сторонником силы, насаждющей порядок. Но это так же неверно, как считать его благодушным и всетерпимым».

Наверное, у иного читателя Честертона, правда читателя либо очень трусливого, либо очень тенденциозного, есть, пожалуй, не то чтобы право, а возможность воспринять его как поклонника полицейского порядка. Ведь главный герой «Четверга» Саймс завербован именно в интеллектуальную полицию. Интеллектуальную, но полицию. Причем тайную. А полиция, хотя бы и самая интеллектуальная, есть все-таки агент государства, и она часто не умеет вовремя остановиться. Правда, на симпатии к тайной полиции пойман уже и Булгаков, чей Африкай выглядит праведным мстителем и вообще довольно симпатичным малым. А в Петрограде времен осени 1917 года, когда на сцене театра появлялся городовой, его приветствовали овацией.

Я против того, чтобы устраивать овации городовым. Но я ничего не имею против того, чтобы полицейские обезвреживали воров и убийц, чтобы зло было наказуемо и чтобы права преступников и честных граждан были... сейчас, наберу воздуха и решусь... ну да, неравны.

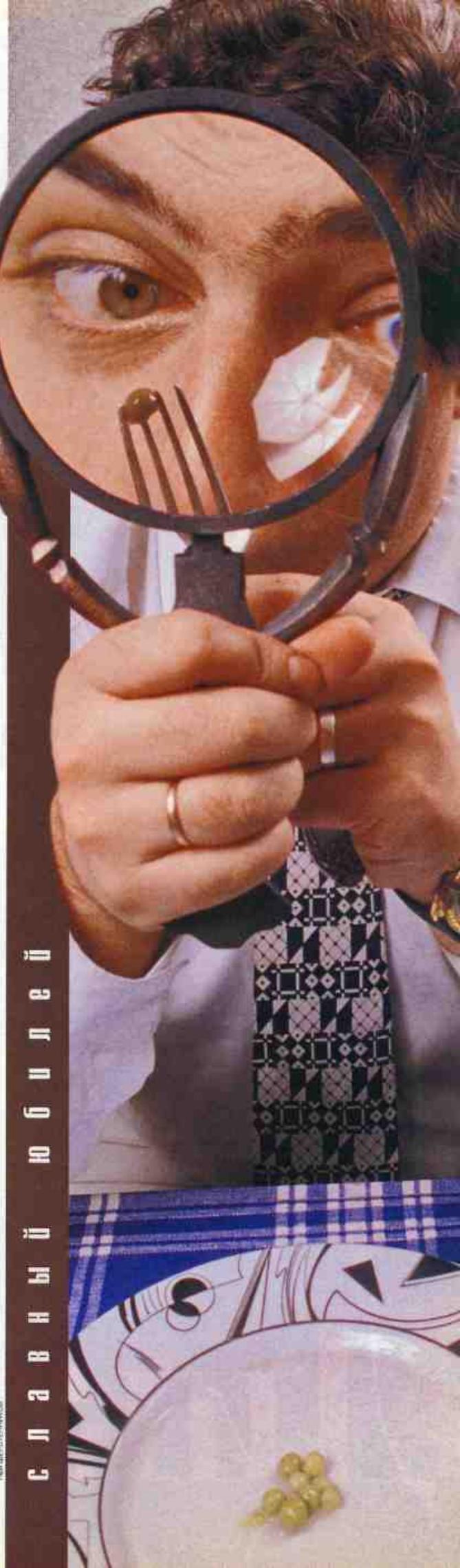
Ценности свободы и здравого смысла не противоречат друг другу, ибо продиктованы они любовью к человеку. В сегодняшней России, как и в Америке, человек опять начинает чего-то стоить. Не любой, а такой, каким он задуман: свободный, смелый, честный. Мерилом человеческого достоинства перестают быть богатство и национальность и становятся другие качества вроде ума, таланта и храбрости.

XX век был дан нам для того, чтобы пройти через максимум возможных соблазнов. XXI дан для того, чтобы вернуться к идеи дома, нормы и человечности. Потому что христианство прежде всего человечно, чего бы ни врал в свое оправдание противники гуманизма и сторонники Великих Идей.

Мне приходилось уже писать о том, что сегодняшнее человечество в каком-то смысле вполне заслуживает третьей мировой войны, как ни ужасно это звучит. Оно к ней готово, потому что слишком легко забыло об имманентных и фундаментальных ценностях бытия.

Но доводить до третьей мировой войны не обязательно. Достаточно почтить Честертона.

Этим я и предлагаю обойтись. Потому что, напоминаю, статья у нас была о Честертоне, Г.К. Честертоне, 1874 — 1936, 65 лет со дня смерти которого исполнилось в этом году.

СЛАВНЫЙ ПОДВИГ ЧЕСТЕРТОНА

Во вторник 16 октября на Мытищинской ярмарке раздались выстрелы, в результате которых был убит человек по имени Натик, азербайджанский рэкетир, пришедший на ярмарку вымогать деньги у своего соотечественника Феврана. Участников события показали по НТВ, сообщив, что Февран стрелял из законно приобретенного оружия и после того, как Натик полез с ножом. То есть, получается, «в целях необходимой обороны». «Наконец-то, — подумала я. — Когда-то это должно было случиться. С почином вас, дорогие товарищи!»

Дикий, дикий

Майя КУЛИКОВА

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОЯ

*Человек убил
рэкетира.
Убил, защищаясь.
Он сделал то,
что хотели бы
сделать многие.
Но не все
так просто
в этой истории*

Я-то ведь знаю, что на самом деле убить врага нелегко. Да, по закону сегодня каждый, если он не псих и не наркоман, может приобрести себе после небольших мыхтарств гладкоствольное ружьё. И кучу «но» в придачу: если с собой носить, то в разобранном виде. Если дома хранить, то в недоступном месте. И если применять, то только «в пределах необходимой обороны». То есть только если через секунду тебе отрежут голову. Если не через секунду, а через две, то уже сто раз нужно подумать...

«И все равно, — радовалась я. — Это же первая ласточка. Причем смог человек защитить себя неудобным, длинным дурацким ружьем! И говорят, что его, может быть, и признают невиновным. Один случай, другой, а там, глядишь, и перестанут мои хорошие знакомые в подъездах по голове получать. Шпаны бояться будет законопослушных граждан с оружием».

Такие надежды я лелеяла по дороге в славный город Мытищи. И когда начальник мытищинской криминальной милиции Игорь Бочин спросил меня о цели приезда, я так и сказала:

— Неужели это правда? Нет, если просто допустить — ведь суда еще не было, — но просто допустить, что задержанного Валиева признают невиновным, будет ли это означать, что в России началась — таки эпоха законного применения гражданского оружия самообороны?

— Я бы лично с такими выводами не спешил, — сказал мне Бочин.

Игорь Анатольевич немного настороженно смотрит на меня усталыми от табачного дыма и ненормированного рабочего дня глазами. В самом деле, чего приехала? Что ей надо? Цель моего визита слишком абстрактна для человека, занимающегося конкретными трупами.

— Вы уже приехали с готовым ответом, — продолжил Бочин. — А этого делать нельзя, это неправильно. Вы же всего не знаете, у этого дела очень большая предыстория.

Убитый Натик в розыске был с 1994 года за убийство двух своих земляков. А когда мы его поймали, суд присяжных его оправдал, несмотря на то, что мы нашли неопровергимые доказательства его вины, а у него самого — два автомата.

— А почему оправдал-то? — слегка обрадованно спросила я. Потому что убитый все более становился в моих глазах плохим человеком. А убийца, стало быть, хорошим.

— Это у них и спросите — почему? Для меня важно то, что Натика отпустили. И он опять занялся рэкетом на Мытищинской ярмарке. Собирал дань с сородичей. А Февран был чужой и платить не захотел. Тонкости национальных отношений.

— Каких национальных? Он же вроде тоже азербайджанец?

Бочин вздыхает, утомленный моей наивностью.

— Вы что думаете — у них все так просто, да? У них там свои отношения. Они и по районам себя разделяют, и по кланам. Вот, например, у тех, с кого Натик получал деньги, нет постоянной регистрации и полно родственников в Баку, на которых можно надавить. А Февран здесь уже восемь лет, и родня вся здесь, брат в Архангельске живет, и постоянная регистрация. Он себя уверенно чувствовал на этом рынке, пришел и арендовал палатку для торговли водкой. Натик сказал: «Будешь платить, как все», а Февран отказался. И месяц назад Натик его полоснул немного ножом.

— Почему же его тогда сразу не задержали?

— А вот вы их и спросите, почему, — опять вынужден терпеть мою неосведомленность Бочин. — Феврана доставили с порезами в больницу, и к нему пришли мы. И он сказал, как в кино: «Поскользнулся, упал на стекло». И когда приобретал законное оружие, тоже не сказал, что ему угрожают. «Люблю охотиться», — сказал. А еще сказал — уже после 16 октября, — что Натик вроде обещал отстать, если заявления в милицию не будет.

Хотя Валиев торговал на рынке законно, проживал в Москве тоже законно, чего ему было бояться? Тем не менее заявления не было, и в следующий раз Натик пришел с двумя помощниками и с ножом. И нашел свою смерть. Кстати, на одного помощника можете посмотреть. У него сейчас одежду забирать будут на экспертизу. Он ведь говорит, что в палатке не был, так, за продуктами зашел.

...Сотрудник убойного отдела Сергей, двое понятых, эксперт-криминалист и я проходим через толстые решетки в следственную комнату изолятора. От вида решеток, их холодного лязга, от длинного коридора с рядами таких же железно-лязгучих дверей по бокам у законопослушной журналистки неприятно сжимаются внутренности. Инстинкт.

Понятые тоже из задержанных — помятые мужики с грустными взглядами. Приводят Симона, который 16 октября помогал Натику в

Blast

ЧУВСТВО

ИЛИ

СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА. ВЕС — 1,5 КГ, КАК ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ УБИТЬ ТРЕХ ЗАЙЦЕВ

*С укреплением капитализма в России меняется и мифоощущение *homo postsovetikus*. Ценность нормального законопослушного гражданина растет, алкоголика, хулигана и бомжа — неуклонно снижается. Ставятся возможными вещи, о которых во времена всеобщей уравниловки и помыслить было нельзя. Так, например, в Государственной думе прошло первое чтение законопроекта № 90021178-3...*

Александр НИКОНОВ

справедливость
право
закон

Этот законопроект предполагает внесение изменения в 37-ю статью УК РФ «Необходимая оборона». Изменения в лучшую сторону.

Ни для кого не секрет, что в России законодательная и юридическая системы больше защищают преступника, чем жертву. У преступников адвокаты, презумпция невиновности, нелетальное оружие... А что у законопослушного человека на темной вечерней улице? Ничего. В отличие от преступников оружие законопослушным гражданам по улицам носить нельзя. Обороняться тоже фактически запрещено под страхом уголовного наказания. А если гражданин осмелится оборонять свой дом от налетчиков, его, скорее всего, посадят, посчитав, что, убив пару-тройку налетчиков, человек превысил пределы необходимой обороны.

По логике: чем меньше бандитов, тем легче жизнь в стране — и для граждан безопаснее, и для государства дешевле, потому что не нужно тратиться на розыск, осуждение и содержание бандитов под стражей. Однако вместо того чтобы дать гражданину, избавившему мир от налетчика, часы с надписью «За храбрость», его изымают из общества, где он производил материальные ценности, и сажают в тюрьму, в которой он общественные ценности потребляет. Есть ли смысл в этом жестоком театре абсурда?

В нормальной стране, если кто-то незнакомый без ордера лезет в твою квартиру, можно, не тратя слов на разбирательства, спустить курок, и дальше пусть специалисты в морге разбираются. Станет ли когда-нибудь Россия нормальной страной? Вопрос не риторический — если упомянутый законопроект будет принят Думой, то станет... И тогда любого, пристающего к вам с ножом на улице, лезущего в вашу квартиру, дачу, машину, гараж, огород, разрешено будет просто грохнуть, не спрашивая, чего он хочет — убить или только ограбить? Грохнуть и с чувством глубокого удовлетворения

продуть ствол. Потому что эти ублюдки уже так всех достали, что законопроект прошел первое чтение и был принят практически абсолютным большинством голосов. Триста с лишним депутатов проголосовали за иную редакцию статьи о необходимой обороне. Теперь из нее изымут строчку «если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Допустимо станет причинять **ЛЮБОЙ** вред нападающему при самозащите. Причем при защите не только своей жизни и здоровья, но и «прав обороняющегося». Например, права собственности...

Вопрос о гражданском сопротивлении уличной преступности — назрел. Мы чувствуем это на примере собственной редакции. За последние полгода в «Огоньке» подверглись нападениям несколько человек. Две журналистки — Юлия Колесова и Ольга Бухаркова — были ограблены на улице, причем Юля даже дважды! Трое журналистов были избиты — Валерий Чумаков, Кирилл Коликов и Сергей Козицкий. Причем Коликов подвергся нападению около собственного подъезда два раза. Три избиения из четырех имели целью ограбление и один раз были «бескорыстно» — просто для удовольствия.

Доблестная милиция из всех этих преступлений раскрыла только два нападения — на Коликова. Первое было раскрыто потому, что Кирилл запомнил одного из трех нападавших. Второе — потому, что одного из двух нападавших Кирилл сам задержал, выбив из рук кастет, которым ему только что раскроили череп. Увидев, что подельника взяли в оборот, второй нападавший убежал. Кстати, после этого героического задержания Кириллу чуть не пришли превышение мер необходимой обороны. Потому что он слегка поломал нападавшему горло, челюсть, несколько ребер и основание черепа. Жалко, что не убил...

Теперь скажите, если за полгода в небольшом коллективе нашего журнала произошло столько случаев нападения, что вообще творится в городе в целом? Почему безоружные

граждане оказались брошенными на растерзание преступному сообществу? Может быть, хватит быть жертвами? Может быть, пора сложить с милиции те обязанности, с которыми она не справляется, и возложить их на гражданское общество, о построении которого так печется ныне Кремль? Давайте поможем Кремлю! Давайте защищаться сами!..

Анализ уличных нападений показывает, что у многих людей, подвергшихся нападению, было время вытащить и применить оружие. Но у них не было оружия. Почему? Потому что естественное право человека на оружие — такое же естественное, как право на жизнь, на здоровье, на счастье... — почему в нашей стране это право не реализуется?

«Преступник по сравнению с его жертвой оказывается в привилегированном положении, ибо он никогда не задается вопросом о правомерности своих действий», — эти горькие, но справедливые слова Павел Крашенинников, председатель Комитета Госдумы по законодательству написал в отзыве на законопроект № 90021178-3. Крашенинников поддерживает законопроект, поддерживает снятие всех пределов обороны и причинение нападающему любого вреда.

Но, возможно неожиданно для самого Крашенинникова, те же самые слова прекрасно аргументируют и необходимость вооружения населения пистолетами и револьверами! В самом деле — преступник, который «не задается вопросом о правомерности своих действий», вооружен. Ему «по штату положено». А вот законопослушный гражданин, который вопросами задается, ходит по улицам «голый». Они не в равных условиях. И закон это подлое неравенство бдительно охраняет.

Между тем есть простой способ решить проблему. Даже три проблемы. Во всех странах, где законопослушным гражданам разрешали носить оружие (незаконопослушные и без разрешения носят), вал уличной преступности в течение полугода спадал на 30—80%. Потому что через пару месяцев каждый урод на примере своих павших товарищей понимал, что, идя для развлечения бить морды и зарабатывать грабежом денежки, он может «не отходя от кассы» отрестриковать по полной программе. Прямо на месте своих развлечений... Это было первым важным результатом. Из первого результата вытекал второй — возможность сокращения штатов полиции и экономия бюджетных средств. Либо — при том же бюджете МВД — повышение зарплаты оставшимся в штате полицейским.

И наконец, третий полезный результат — утяжеление бюджета на несколько десятков миллионов долларов ежегодно за счет появления нового рынка — оружейного. Этот рынок предполагает не только саму продажу пистолетов и револьверов, но и продажу «расходных материалов» — патронов, мишней, масла оружейного, билетов в тир или на полигон. Наконец, налоги и сборы на оружие.

Есть еще и четвертый результат, но его нельзя измерить деньгами. Нет, я сейчас не о сотнях спасенных жизней, которые являются прямым следствием снижения уровня уличной преступности. Я о другом — о неминуемом повышении в среднем по стране градуса человеческого достоинства, которое является следствием возможности защитить себя всегда и везде. Это ощущение дорогостоящее...

По оценкам полиции, на руках у граждан Германии находится 10 миллионов единиц легального оружия и около 20 миллионов нелегальных «стволов».
Несмотря на то что большая часть оружия находится в нелегальном обороте, 97,5% жертв насильственных преступлений НЕ являются жертвами применения огнестрельного оружия.
По мере распространения легального оружия среди граждан общее число преступлений, связанных с применением оружия, за период с 1971-го по 1994 год сократилось на 60%. Причем из числа всех преступлений, связанных с оружием, 35—40% составляет неправомерная стрельба, не связанная с насилием, например пальба по дорожным знакам

ОРУЖИЕ К БОЮ!

Прокомментировать вопросы самообороны и думские инициативы мы попросили эксперта Комитета по безопасности ГД РФ, автора книги «Оружие в гражданском обществе» Валерия ПОЛОЗОВА

Гражданская оборона

— Валерий Петрович, я тут просмотрел стенограмму того дня, когда Дума в первом чтении принимала поправки к статье УК о самообороне. Все законопроекты единодушно прошли. И только законопроект № 90021178-3 принят практически единогласно, он торчит на фоне думского дня, как шпиль в пустыне. И депутаты, и правительство этот законопроект активно поддержали. Значит, действительно наболело. Достали бандиты.

— Да. Многие люди по нынешнему закону имеют оружие и охотно его применяют при самоизбрании. А их потом сажают из-за этой нелепой прописки в статье 37 про превышение пределов необходимой обороны. Судья, который в критической ситуации не был, в тиши кабинета решает, правомерно применил оружие человек в этой ситуации или нет. Это несправедливо.

— Когда закон будет принят и можно будет, обороняя свои права (в том числе право на имущество), причинять любой вред преступнику, значит ли это, что я могу пристрелить пациента, который залез ко мне в сад за яблоками?

— Закон «Об оружии» запрещает его использование против детей, беременных женщин... Если, конечно, это не случай грушевого нападения, связанного с угрозой жизни.

— Трудно представить себе нападение группы беременных женщин.

— Трудно. Но подростки, бывает, ходят стаями, как шакалы, — грабят и убивают прохожих. Кстати, два человека — это тоже группа. И в таких случаях закон разрешает применять оружие на поражение даже по отношению к детям. Даже сегодняшний строгий закон!

А вот если мальчишка влез к вам в сад, стрелять его картечью нельзя. Только солью. Другой случай — группа людей влезла к вам в сад и вырубает его, вынуждая вас покинуть свою землю, потому что на нее положили глаз богаты и хотят строить тут свои дачи. Вам лично порубщики не угрожают. Но они валят деревья, которые вы выращивали двадцать лет... Сейчас вы ничего не сможете сделать. А с принятием нового закона вам разрешено будет стрелять на поражение.

— Отличный законопроект написали... А если все-таки бомжи совершили групповое нападение на мой сад и я, защищая свое право собственности, грохнул парочку?

— А не воруй! Не трожь чужое — будешь жить. Не совершай преступление. Понимаете, у нас в стране нет уважения к частной собственности. Но его можно воспитать. Если после принятия закона будет три-четыре шумных случая, когда граждане воров просто пристрелят, я вас уверяю, через некоторое время мы с вами будем жить в совершенно иной стране.

— Ну хорошо, теоретическое право защищаться нам дадут. Но чем защищаться? Не носить же с собой по улицам ружья. Да это и запрещено. Почему МВД так резко против пистолетов и револьверов в личном пользовании?

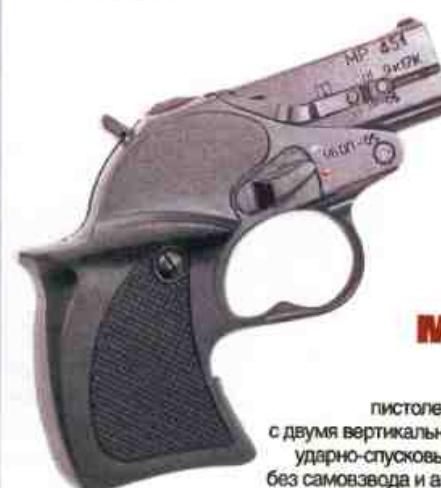

ДУМАЙТЕ САМИ, РЕПАЙТЕ САМИ, ИМЕТЬ ИЛИ НЕ ИМЕТЬ

PC-31

Сигнальный револьвер.
Стреляет капсюлями «Жевело»,
комплектуется насадкой для
пуска фейерверков и сигнальных
ракет калибра 15 мм.
Вместимость барабана — 6 капсюлей.
Масса — 0,7 кг

MP-451

Компактный
пистолет самообороны
с двумя вертикальными стволами,
ударно-спусковым механизмом
без самовзвода и автоматическим
переключением на второй ствол
при повторном взвешении курка.
Рекомендован для потребителей,
не обладающих навыком обращения с оружием.
Калибр — 9 мм, короткий патрон браунинга.
Масса — 0,35 кг

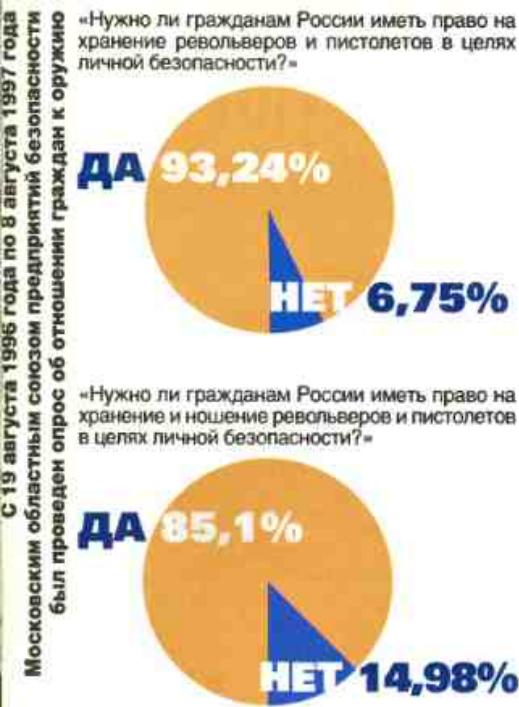
“Би Лайн”: связь, которой можно доверять

У Московской службы спасения (911), как и у всех подобных организаций, много работы: за пять лет спасателями было совершено 64 111 выездов, а Информационным центром службы принято и отработано 16 758 374 сообщения. Только в 2000 году благодаря действиям службы спасено 11 658 человек. “Би Лайн” стал одной из первых компаний, принял активное и бескорыстное участие в развитии Московской Службы Спасения. Благодаря этому все экипажи спасателей практически с первых дней работы оснащены надежной сотовой связью. Компания также предоставила спасателям трехзначный сотовый номер 911, известный сотням тысяч москвичей.

Пресс-секретарь Московской Службы Спасения Екатерина Будрина о компании “ВымпелКом”, владельце торговой марки “Би Лайн”. Сотрудничество Московской Службы Спасения и компании “Би Лайн” насчитывает уже больше пяти лет. Начало было положено осенью 1995 года. Многие москвичи помнят крупную аварию в южном районе столицы Чертаново, когда строители повредили кабель и оставили огромный район без связи. Именно “Би Лайн” поддержал тогда Службу Спасения и выделил 200 телефонов для связи жителей района и Информационного Центра. Тогда только по линии Скорой было передано более полутора тысяч сообщений и спасено 98 человек.

Компания “Би Лайн” оснастила автомобили Службы Спасения телефонной связью, которая, по словам самих спасателей, работает бесперебойно, устойчиво принимая во всех районах столицы и в области. “ВымпелКом” стала первой компанией, подключившей своих абонентов к “аварийному” телефону 911, и таким образом спасла многие человеческие жизни. А с 1998 года у Московской Службы Спасения есть резервный фонд мобильных телефонов “Би Лайн”, которые включаются во время серьезных аварий и катастроф. Именно они помогли спасателям оперативно оказывать помощь на взрывах на Каширке и на улице Гурьянова осенью 1999 года.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

— Умные из МВД «за». А глупые боятся, что будет много несчастных случаев и преступлений. По себе судят. Точнее, по тем преступлениям, которые совершаются вооруженными сотрудниками правоохранительных органов. От общего количества всех преступлений, связанных с оружием, легальным оружием совершается около 2,5%. Это оружие, принадлежащее силовикам. А вот случаев неправомерного применения оружия, принадлежащего гражданам, меньше 1% — такова мировая статистика. То есть граждане обращаются с оружием аккуратнее и ответственнее, чем полиция и милиция. То есть по милиционской же логике надо было бы отобрать оружие у МВД. И, кстати, отбирают! Маленький штрих к милиционским правам: ежегодно 1000—1200 милиционеров гибнут во внеслужебное время. Их убивают, а им нечем обороняться: у них нет разрешения на ношение оружия во внеслужебное время! Они сами себе не доверяют! В служебное время начальство скрепя сердце доверяет личному составу, а потом с облегчением отбирает у «недоумков» оружие.

— А как поживает ваш законопроект «Об оружии», который разрешает гражданам хранить и носить пистолеты и револьверы?

— Никак. Во-первых, после выступления президента перед Федеральным собранием законопроект уже устарел. Путин потребовал от Думы законов прямого действия. То есть должен быть уже один закон об оружии, а целый кодекс законов об оружии, куда войдет вся нормативная база: подзаконные акты, инструкции МВД. Чтобы все регулировалось открытым законом, а не закрытыми ведомственными инструкциями.

Во-вторых, этот законопроект слишком радикален для нынешней Думы. Прежде чем предлагать его, нужно подготовить общественное мнение.

— Именно этим мы сейчас и занимаемся. А как, по-вашему, относится Кремль к тому, чтобы разрешить законопослушным гражданам защищаться не только дома, но и на улице?

— Мне кажется, власти боятся. Их напугали события в Дагестане. Представьте нападение полутора тысяч боевиков, отмобилизованных, вооруженных автоматами, пулеметами, гранатометами... И в течение целых трех дней им противостояли граждане с двухстволками, охотничими карабинами «Сайга»... И еще милиция с пистолетами, которая, собственно, и взяла на себя организацию обороны. Граждане держались три дня против войска, пока на помощь не подошли регулярные войска. Есть чего испугаться властям...

— А что случится в России, если короткоствольное оружие будет легализовано и граждане получат в руки пистолеты и револьверы?

— По данным МВД за 1998 год, у нас около 65 тысяч человек погибли от преступных посягательств. У Минздрава другая статистика: 30—35 тысяч человек убивают в России каждый год. Это те, что прошли через их морги... Если хотя бы у половины этих граждан было оружие и если хотя бы половина вооруженных граждан смогла защитить себя, мы бы спасли ежегодно от 7 до 16 тысяч жизней. А на самом деле больше, потому что убитый преступник уже больше никого не убьет. Цепочка убийства, грабежей, изнасилований прерывается одним удачным выстрелом. Между прочим, в странах, где легализовано короткоствольное оружие, граждане убивают вдвое больше преступников, чем полицейские!

Мировая статистика такова: в первые полгода легализации ношения пистолетов количество уличных преступлений снижается на 3—5%, а потом, когда до отморозков доходит, что ягната на закланье превратились в волков, число преступлений снижается очень резко, вдвое-втрое. В Эстонии, например, когда граждане уравняли в оружии с бандитами, уличная преступность упала почти на 80%. И сократили штат полиции вдвое...

Вот что случилось бы в России при легализации гражданских пистолетов.

— Мнение депутатов и МВД известно, а общественное мнение по поводу «вооружения населения» каково?

— Общественное мнение боится одного — свободной продажи оружия. Но свободной продажи никто и не предлагает, мы же не на Диком Западе, чтобы в любой лавке любому ствол продавать. Вот сейчас у нас легализовано малоэффективное, по большому счету, длинноствольное оружие. Любой законопослушный, не сумасшедший человек, не страда-

ДУМАЙТЕ САМИ, РЕШАЙТЕ САМИ, ИМЕТЬ ИЛИ НЕ ИМЕТЬ

ИЖ-75

Компактный пистолет на базе ПСМ. Малая толщина, надежный предохранитель. Спусковой механизм с самовзводом. Расположение предохранителя позволяет одним движением пальца выключить его и взвеси курок. Калибр — 5,45 мм. Вместимость магазина — 8 патронов. Масса — 0,46 кг

СКИФ

Модификация пистолета Макарова. Масса пистолета в сравнении с прототипом снижена за счет применения литьевой пластмассы. Калибр — 9 мм. Вместимость магазина — 10 патронов. Масса — 0,78 кг

ющий алкоголизмом и несудимый может купить себе ружье.

Тот же порядок продажи нужно оставить и для короткоствольного оружия. В дополнение можно еще учить людей пользованию револьвером и пистолетом. Открыть курсы.

Знаете, сейчас закон о пистолетах и револьверах стоит на уровне Земельного кодекса — эмоций и протестов много, но делать надо. Право граждан на активную оборону с короткоствольным оружием и право граждан на владение землей — вещи по значимости сопоставимые. Два основных права человека в свободной стране.

Еще говорят, что увеличится число суицидов с применением оружия. Увеличится, конечно. Просто потому, что пистолетом удобнее. Но увеличится за счет остальных способов.

— В каких цивилизованных странах граждане так же беспарны, как и россияне?

— Не разрешено короткоствольное оружие только в Японии и Люксембурге. Еще во Франции очень запутанное законодательство об оружии. Но и там иметь пистолет можно по разрешению префектуры. Кажется, все. В остальных странах живут взрослые люди...

■
А. Н.

MP-133

Многозарядное одностоствольное ружье. Система перезаряжания — подвижным цевьем. Снабжено предохранителем, блокирующим спусковой крючок. Ружье разработано под патроны 12-го калибра с длиной гильзы 70 и 89 мм. При выстреле в упор смерть практически гарантирована

**Офицер полиции
Колин Гринвуд
(Великобритания)
в Кембриджском
университете провел
исследование вопроса
взаимосвязи доступно-
сти оружия населению
и роста вооруженной
преступности.**

**Вот его заключение:
«Усиление контроля
за частным владением
огнестрельным
оружием мало
отражается на уровне
преступности. Количе-
ство единиц оружия,
необходимое для удов-
летворения потребно-
стей преступного мира,
достаточно невелико,
и этот спрос всегда
удовлетворяется вне
зависимости от того,
 jakie существуют огра-
ничения на легальный
оборот оружия»**

Р а з д и л о в а я
о б о р о н а

ДРУГОЕ МНЕНИЕ

Инна Ульянова, актриса

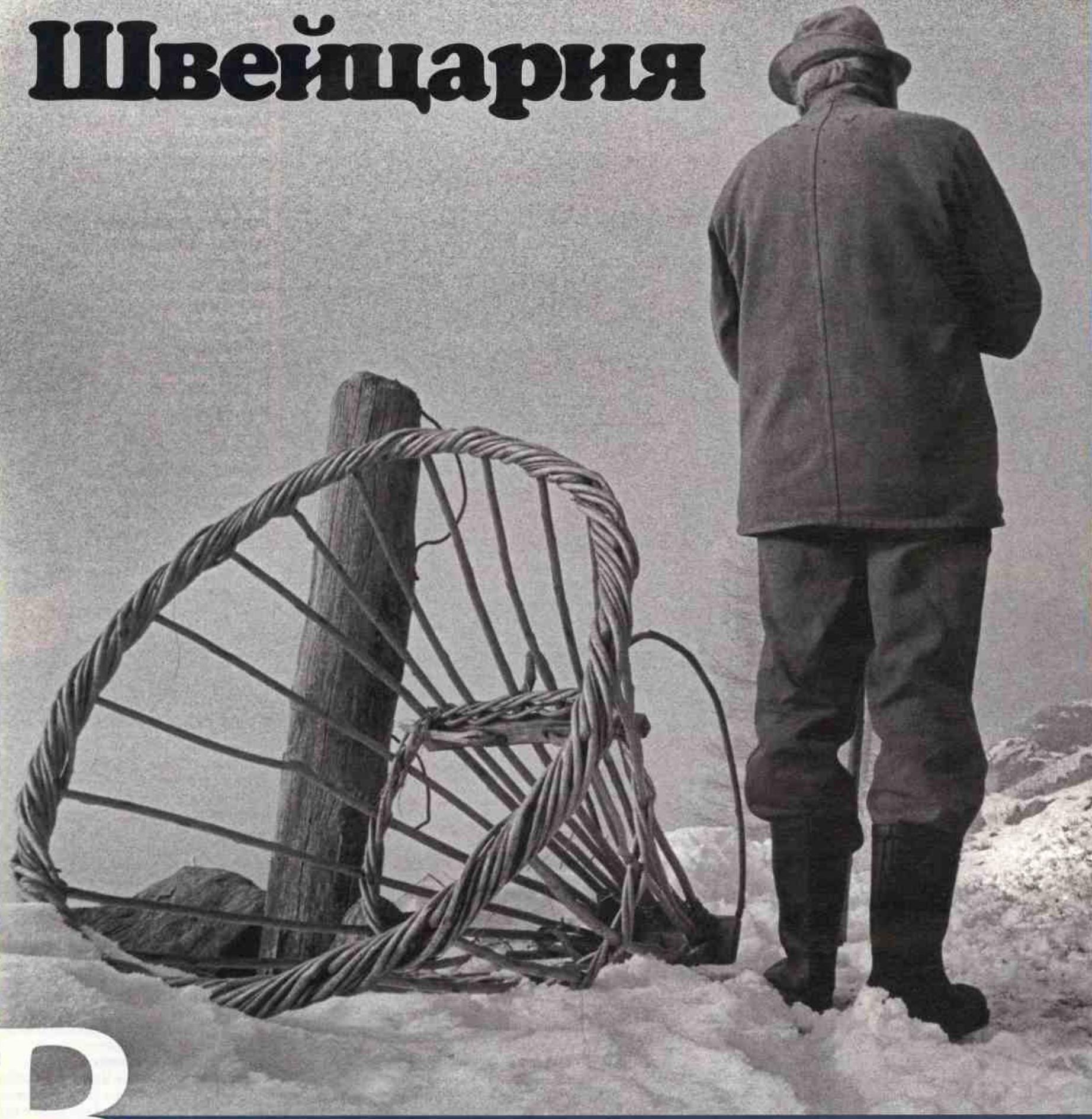
— Самооборона — вещь однозначно хорошая. Но.. Выходит так, чтобы я и мои сограждане как-то самооборонились, нам нужны спортивные инструменты. То есть оружие. Теперь представим ситуацию: ко мне, тьфу-тьфу-тьфу, залезли домошники. И тут вдруг я со своим пистолетом!. Заметьте, я сроду не держала в руках оружия, даже кино меня в этом смысле не подготовило, не было у меня таких ролей. Словом, перед домошниками абсолютно неподготовленный человек, и таких, как я, большинство. В результате я ничего не сделаю. С испугу я просто забуду, на что и как на- жимать! Они меня прихлопнут моим же пистолетом. Лет десять назад я купила газовый баллончик. И каждый раз, когда по темной улице навстречу мне шли мальчики — знаете, такие воспаленные и не в себе, — я, вместо того чтобы на всякий случай достать из сумки баллончик, перебегала от греха подальше на другую сторону. Наличие в сумочке пистолета не сделает меня защищенной. Это я к тому говорю, что, прежде чем разрешить огнестрельное оружие, человека нужно в обязательном порядке научить им пользоваться.

Ну, хорошо. Допустим, научили. Тогда следующий вопрос.

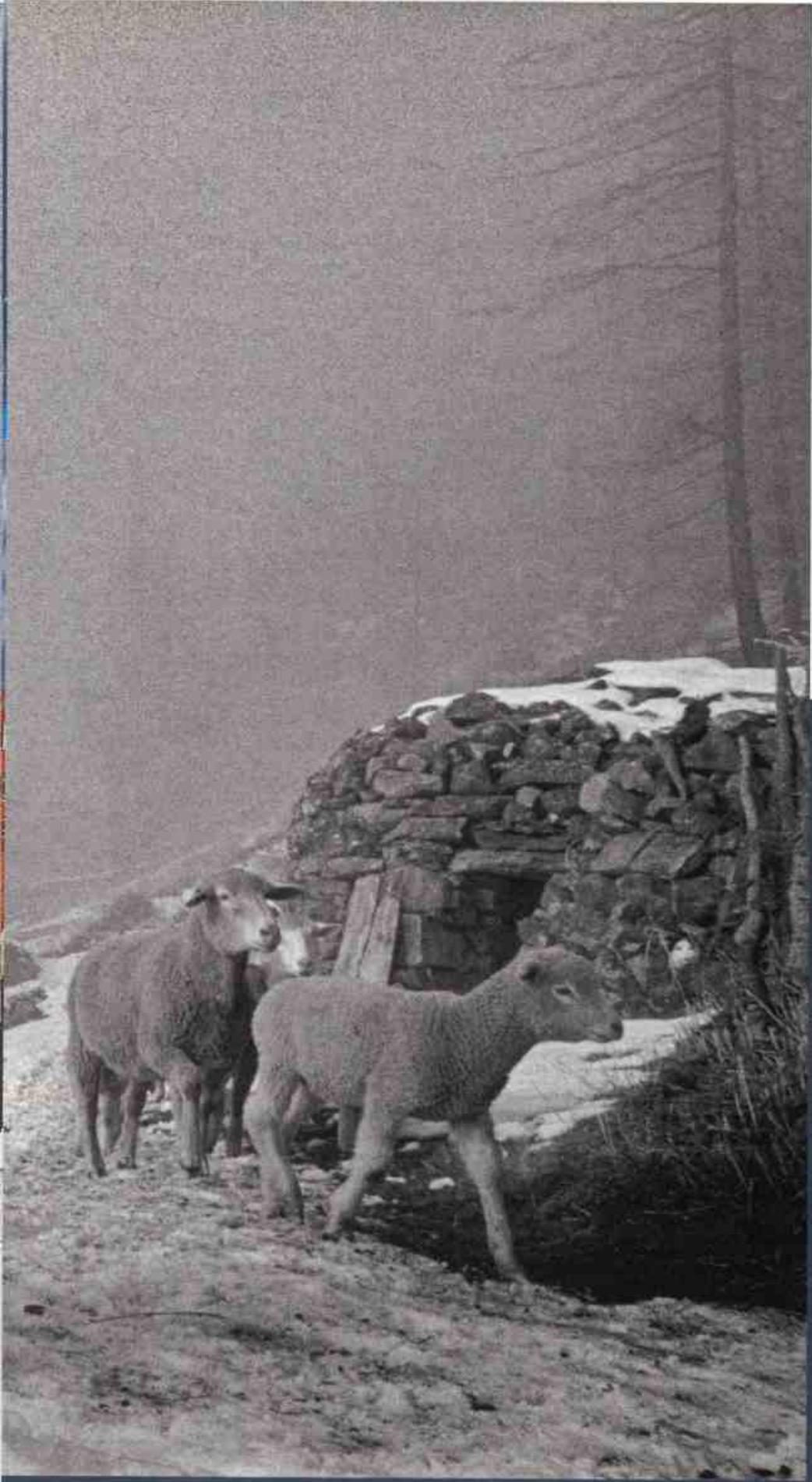
Предположим, на меня, не дай Бог, нападают на улице. Я стреляю в бандита и раню его. Приедет милиция, которая меня бережет, а бандита скажет, что все было совсем не так, а он просто хотел узнать, который час. Поди докажи, что ты оборонялся. Меня же по судам затаскают! Возможно ли предусмотреть юридически такие моменты? Не знаю.

Думаю, рано нам еще давать в руки оружие. Но вот если учить, как с ним обращаться, если воспитывать в людях с младых ногтей отношение к оружию как средству не убийства, а защиты — то почему бы и нет. А для этого нужны годы.

Швейцария

Вымирающие

деревни

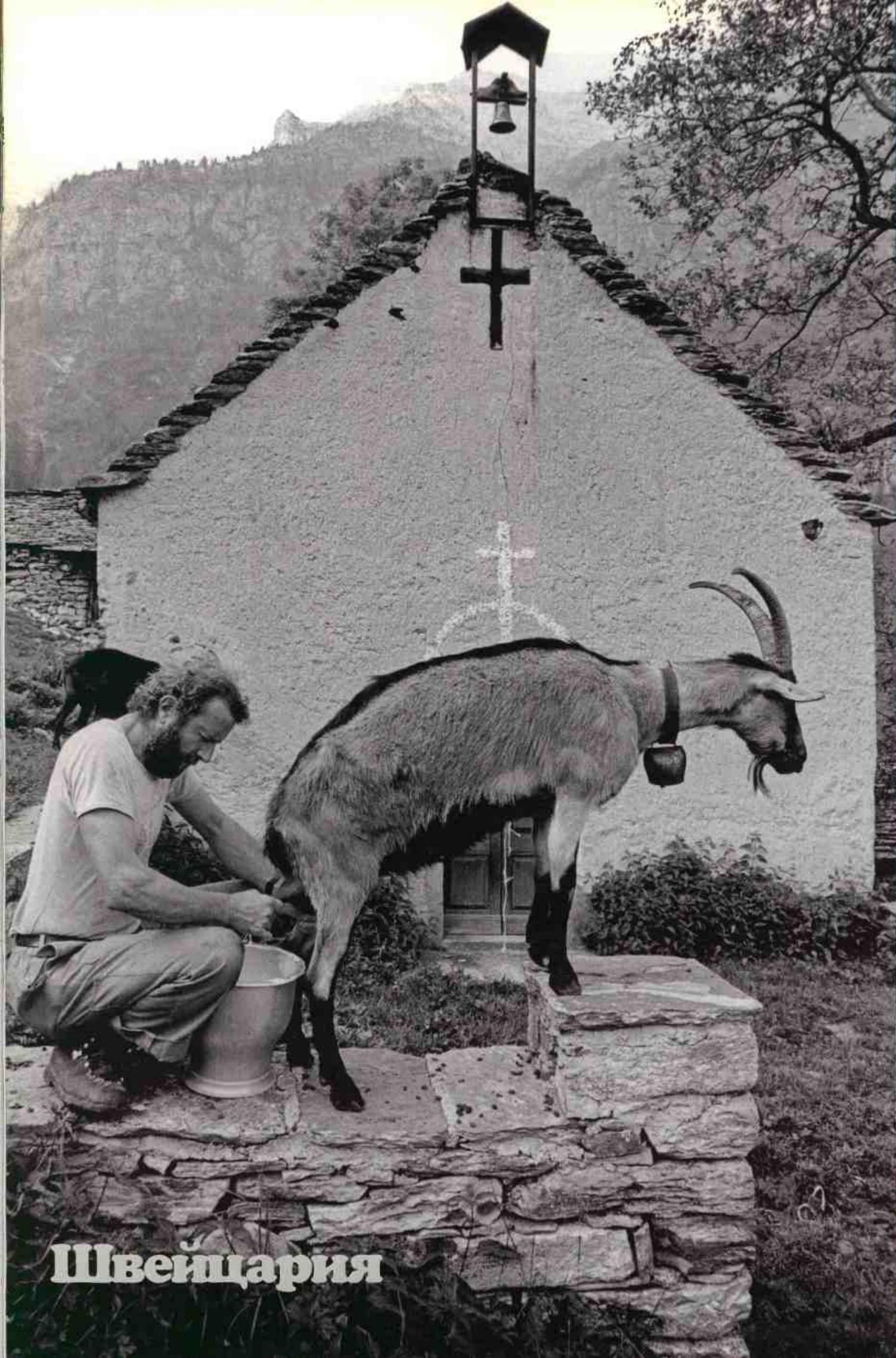
Морис ШАППАЗ

Дидье РАУФ
(фото)

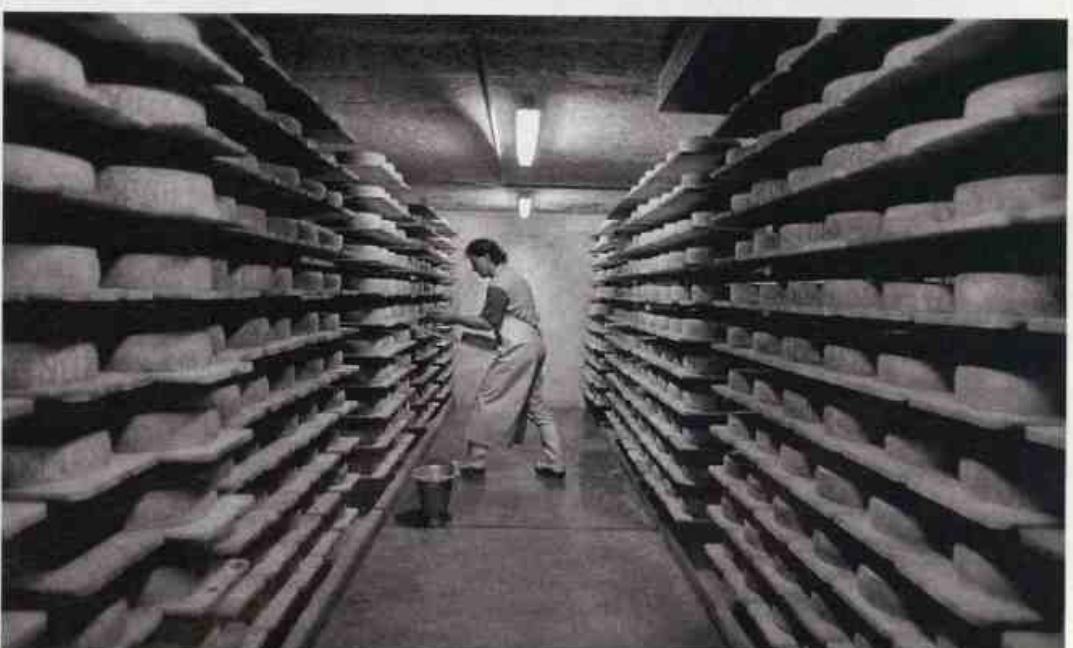
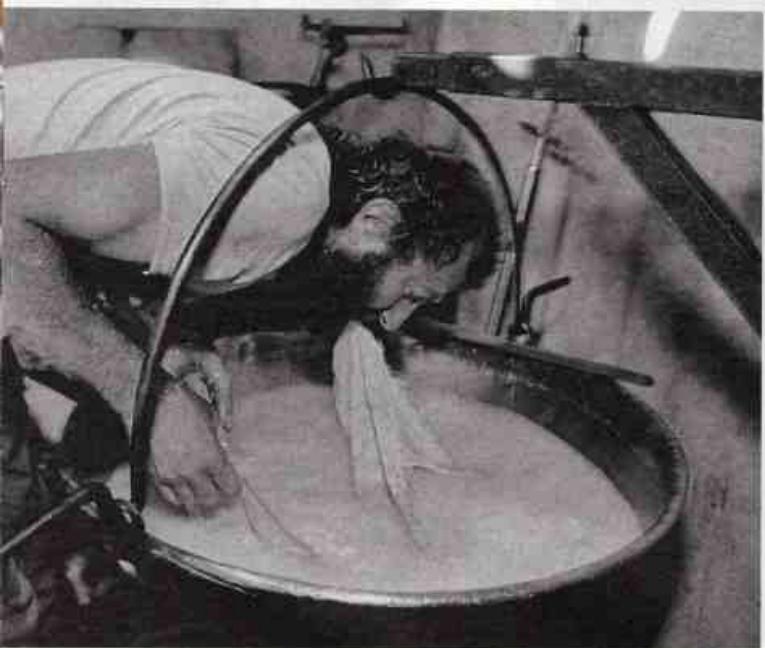
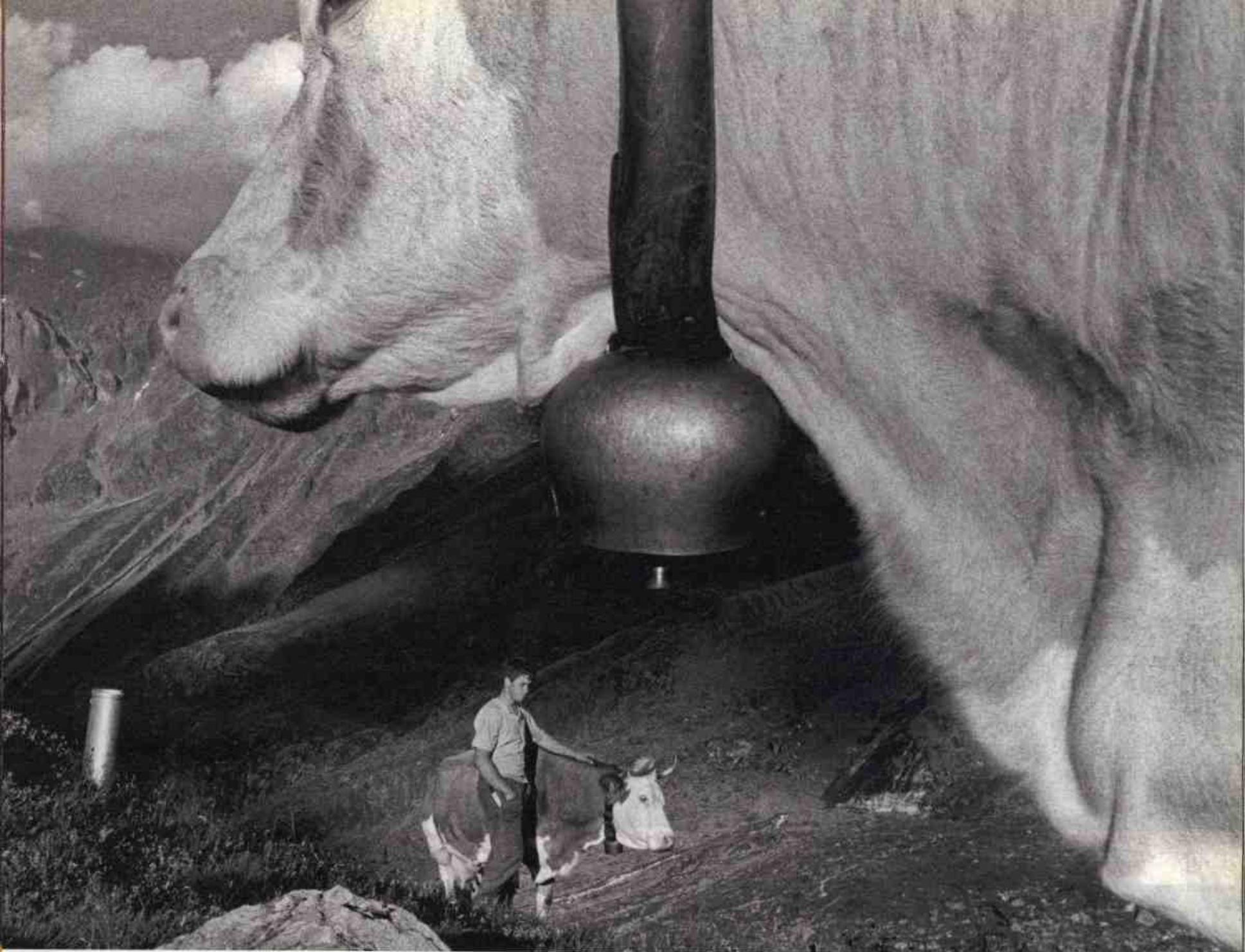
...Вымирающие деревни есть не только в России. Альпийская цивилизация со своими обычаями, особенным языком, культурой, героическим эпосом, истоками великих рек — центр той воображаемой дуги, на одном из концов которой впервые была переведена на романский язык Библия, — эта цивилизация больше не существует. Есть только люди, которые хранят в душе этот мир. Но что это за люди? Относятся ли они к вымирающим видам?

Да, наверное. Они ведут ежедневную борьбу за жизнь, жизнь без Диснея и бюрократов, просто как мы ее видим и слышим. Фотограф Дидье Рауф показывает нам их именно потому, что хочет избежать этой лжи. Мы ни в коем случае не должны упрощать эту жизнь, но тем более не должны делать из нее предмета торговли — ведь настоящая «честность» начинается именно здесь, в них, этих крестьянах. Это легко объяснимо, так как их работа не состоит из душных офисов, шумных улиц, 15-минутных обеденных перерывов. Они другие. Они альпийские фермеры. На одной из фотографий Дидье Рауфа мы видим холм в

Швейцария

Швейцария

ФРУСАЯ ЖИЗНЬ

момент начала зарождения грозы. Таинственное сочетание порывистого ветра, загадочной тени и тяжелых давящих туч. Из этой сказочной красоты и состоит их повседневная жизнь.

Так можно ли относиться к ним снисходительно? Можно ли назвать их «простыми людьми» и на этом успокоиться? В чем состоит их главный секрет?

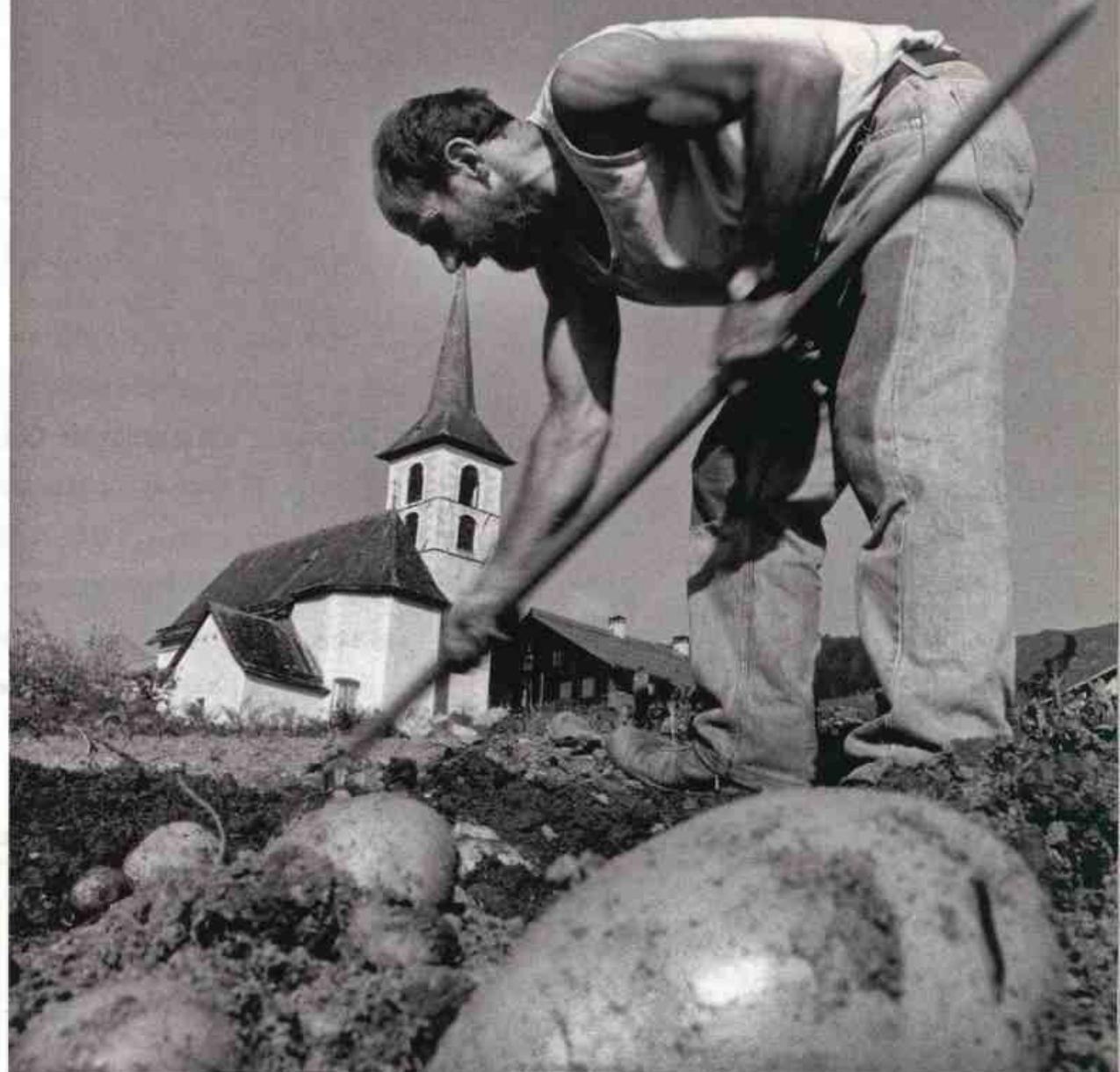
Возможно, он в том, что эти люди никогда не жили поодиночке. В замкнутых комнатах. Они всегда вместе. И сейчас еще остались целые семьи, рассыпанные по горным швейцарским склонам, и эти семьи все еще продолжают производить НАСТОЯЩИЕ молоко, мясо, сыр, продолжают собирать лечебные травы. Но, несмотря на это, их нельзя рассматривать только как производителей идеальных, эталонных продуктов питания. Они коренные жители, живущие в Альпах и живущие этими горами, и это не просто туристический идеальный образ. Это вымирающий вид людей.

Однако есть среди них и люди, которые вернулись к природе из больших городов. Они были простыми рабочими или безработными, клерками крупных компаний или единственными в своей области экспертами — теперь это уже неважно.

Сегодня и эти пришельцы, и коренные фермеры — все они, жители вымирающей альпийской цивилизации, задаются одним вопросом: «Сможем ли мы избежать катастрофы урбанизации, крушащей и подчиняющей все на своем пути?»

Фотограф Дидье Рауф — независимый фотограф. Публиковался в крупнейших изданиях мира: «Тайм», «Монд», «Обсервер», «Дейли телеграф», «Ньюэль обсерватор» и других. Автор многих фотовыставок, лауреат международных наград. Живет в Лугано. Его фотоальбом об альпийских фермерах вышел на трех языках — французском, немецком и итальянском. Сейчас работает в Африке, снимает материал для новой книги. На вопрос о том, что он любит, Дидье ответил лаконично: «Я люблю жизнь. Я не люблю смерть». ■

Перевод Дмитрия МИНАЕВА

Страна победившего шоколада

Людмила ЛУНИНА
Александр БАСАЛАЕВ
(фото)

— Фамилия у вас какая — Лунина. Был такой ученый в пищевой промышленности — Лунин.

— И декабрист был. Увы, ни тот, ни другой не являются моими родственниками. Фамилия досталась в наследство от первого мужа.

— Значит, развелись?

— Значит, да.

— И почему?

— Не выдержала испытаний временем и перестройкой, когда надо было на жизнь зарабатывать.

— А муж — инженер, работал на военном заводе?

— Угадали.

— А вы мужику не помогли и семью не сохранили?

— Да, виновата.

— У меня у самого вторая жена.

— Вот видите! Вы меня поймете.

— Что «видите»? Это совсем другое. Ну вот что, — резюмировал директор. — Интервью я вам давать не буду.

Было впечатление, что он обиделся за весь мужской род. Так начался наш разговор с Анатолием Николаевичем Даурским, президентом ОАО «Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь».

— Я не буду давать интервью, потому что за последние месяцы я рассказал журналистам все. Вот вам моя статья в заводской газете, я в ней специально для вас подчеркнул главные места. Вы ее перепечатайте. Если вам что-то непонятно, я поясню...

— Анатолий Николаевич! Может быть, о вас погово...

— Итак, о чём я в нашей заводской газете пишу? Ну, во-первых, о том, что сегодня «Красный Октябрь» — это целая группа предприятий, у нас есть производства в Рязани, Коломне, Егорьевске, Санкт-Петербурге, Тамбове, Туле, Пензе, Йошкар-Оле и даже Биробиджане. Мы не торопились громко именовать себя холдингом, мы скромно назывались группой, копили силы. Зато сегодня мы в своей области — крупнейшие.

Рабочую биографию директор начал с должности инженера-механика. Даурский на «Красном Октябре» с 1958 года. Пришел сразу после Московского технологического института рыбной промышленности и хозяйства. Когда сегодня у него спрашивают, какую политическую партию он поддерживает, он отвечает в том духе, что политика — не его стезя, что он вообще-то — «специалист по ирискам». Но с политической властью во все времена Даурский умел договориться. При социализме выбивал ценное оборудование, при капитализме искал поддержки против попытки «недружественного поглощения».

В 1974 году без отрыва от производства Анатолий Николаевич защитил диссертацию. С 1976-го возглавлял ВНИИ кондитерской промышленности. В 81-м вернулся на «Красный Октябрь» директором.

Родился Анатолий Николаевич 10 сентября 1934 года в поселке Озерный Сургутского района, в этом году ему исполнилось 67 (!) лет. Для нынешней России, где большинство топ-менеджеров — люди тридцати-сорокалетние, в крайнем случае не старше пятидесяти, Даурский — пример уникальный.

Директор тем временем продолжал монолог.

— Второе. Залог нашего успеха в правильно выбранной форме собственности. 24% акций принадлежит прави-

Анатолий Даурский — глава кондитерской фабрики «Красный Октябрь». В этом году она отмечает свое 150-летие.

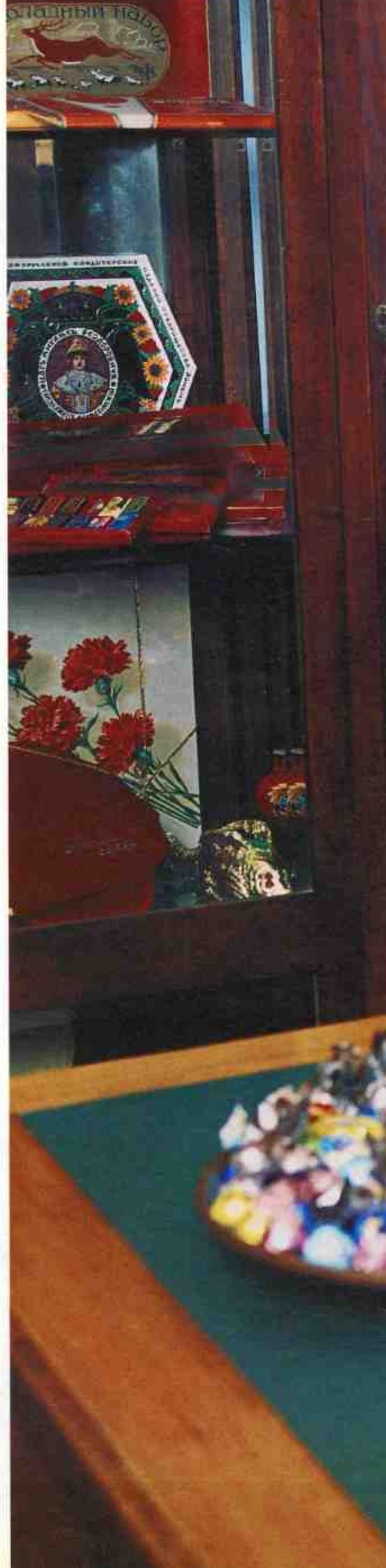
Правда, четыре года назад уже праздновали юбилей, 130 лет со дня основания. Но потом старший научный сотрудник фабричного музея Людмила Нумерова подняла архивы и обнаружила иную, более раннюю дату. Решили отметить годовщину снова

тельству Москвы, остальные рассредоточены у 100 юридических и 11 тысяч физических акционеров. И за счет этого нам удалось главное — соблюсти баланс интересов.

Это же очень важно — разумный баланс. В годы, которые сейчас называют «холодной войны», был баланс между СССР и США, и на этом держался мир. На самом-то деле никаких неразрешимых противоречий между нашими странами не было, мы друг друга взаимно дополняли. Не стало баланса — и началось все то безобразие, которое мы сегодня наблюдаем.

Наивно было бы ожидать, что в России, в эпоху дикого капитализма, никто не позарился на такую лакомую собственность, как «Красный Октябрь». В середине 1990-х фабрику попытался поглотить банк МЕНАТЕП. Даурский узнал об этом из западной прессы. Тогда на «Октябрь» срочно прошли эмиссию и 20% акций продали московскому правительству. Это было совместное решение Даурского и Лужкова. Оба они сошлись во мнении, что не производство нужно банку, а «золотая» земля в самом центре Москвы, на которой фабрика стоит.

«Когда я сообщил о сделке в МЕНАТЕП, у них отвалилось все, что может отвалиться. Они даже не сразу поверили, что московская власть нашла такие деньги», — позже рассказывал Анатолий Николаевич. На этом история закончилась. Больше никто на фабрику не покушался.

Премиальный
Сорт
ЗОЛОТАЯ МАРКА

кулака): все, что ему принадлежит, должно быть в порядке. И еще, несмотря на предельно прагматичный подход к жизни, ему свойственно широкое государственное мышление. Я думаю, что Даурский, не занимая официально никаких высоких постов в правительстве, сильно влияет на экономический климат в стране и многие вещи в России определяет. С ним считаются, к нему прислушиваются».

— Вы стали директором в 1981 году. А не трудно ли вам было в перестройку переучиваться?

— Безумно трудно. Думать пришлось. Но мы были к этим переменам если и не готовы, то их ждали. Перестройка ведь началась задолго до Горбачева. Все 1980-е годы население Советского Союза у себя на кухнях вели бесконечные разговоры, что и как нужно в стране менять. У меня были друзья — экономисты, технологии, мы тоже много чего обсуждали.

Когда в 1988 году рухнула система централизованного снабжения и остановилась половина предприятий, мы не растерялись. Мы придумали так называемый «субботний кооператив». Из остатков сырья, которое бывало на любой фабрике, по субботам выпускали сверхплановую продукцию и продавали ее по рыночным ценам. Мы, во-первых, сохранили квалифицированные кадры: на основном производстве рабочие получали 180 рублей, а включая субботу — все 400. А, во-вторых, мы обули и одели всю фабрику. Покупали все — от одежды до утюгов. Я вначале подписывал какие-то списки: дескать, передовикам в первую очередь, а потом перешел — хватало всем.

— В вашей краткой биографии я прочитала, что вы в 1992 году учились в Америке...

— Да. Три недели. Долго.

— Разве это долго?

— Директору фабрики совсем непросто выкроить столько времени. И учили нас с утра до вечера. Америка запомнилась экскурсией в Лас-Вегас и еще тем, что я купил для всей нашей группы фотоаппараты с 40%-ной скидкой.

— Как это вам удалось? Вы что, по-английски торговались?

— По-русски я торговался, но коммерсант коммерсанта поймет на любом языке. Своим коллегам я сказал: «Только не вмешайтесь!» И начал спрашивать продавца, какую скидку он мне даст, если я куплю фотоаппарат прямо сейчас. «Три процента!» — сказал он. «А если два фотоаппарата или, например, пять?» Он вначале не поверил, что мне столько нужно. Короче, за семнадцать штук я получил 40% скидки. Друзья мои были изумлены, а американец счастлив. Я же ему предоставил оборотные средства. Я как директор понимаю, насколько это важно. А так пылился бы у него этот товар без всякой пользы.

— Вы, наверное, весь бизнес так ведете?

— А как его иначе вести?! Главное — человеку объяснить его выгоду, что ты не надуть его хочешь, а заключить взаимно полезную сделку. Люди ведь часто не видят, в чем их выгода. Но мы отвлеклись. Вернемся к статье. В чем залог нашего успеха? В законопослушности, мобильности в принятии решений.

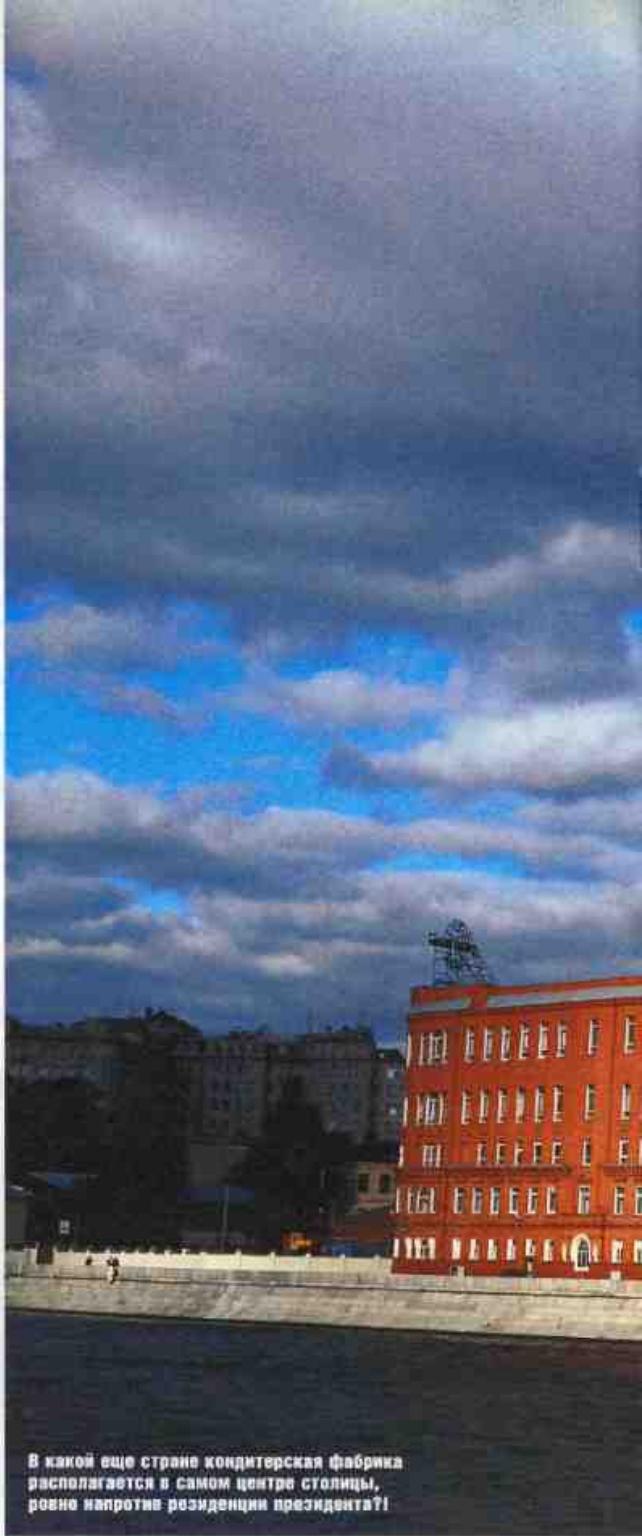
— Анатолий Николаевич! А вот у вас в витрине фотография, на которой вы с Биллом Клинтоном. Как вы с ним пересеклись?

— Мы проводили Дни фабрики «Красный Октябрь» в ООН. И наши партнеры устроили эту встречу.

— И о чём вы с Клинтоном говорили?

— Я ему рассказал, как мы его и Хиллари на фабрике ждали, когда они в 1994-м были с визитом в Москве. А они к нам не приехали. Зато фабрика после всех подготовительных работ еще полгода сверкала, как начищенная монета. Клинтона это развеселило.

Я подарил ему коробку конфет. Позже мне прислали письмо из администрации — благодарили, писали, что конфеты семье президента понравились. Тогда, в 1994-м, Клинтон действительно до «Красного Октября» не доехал. Зато фабрику посетил министр финансов

В какой еще стране кондитерская фабрика располагается в самом центре столицы, равно напротив резиденции президента?

из США Бент Ларсен. Ему показали производство, угостили чаем с шоколадом и... продали одну акцию фабрики. На специальной пресс-конференции Ларсен заявил, что стал акционером «Красного Октября». Надо ли объяснять, что информация обошла все мировые агентства и сделала «Красному Октябрю» потрясающую, практически бесплатную рекламу.

— А как вообще вы с западными людьми держитесь? У вас не возникает чувства недоверия, что вы чего-то не знаете, не умеете и хозяйство у нас пока не такое совершенное, как у них?

— Недоверия я не испытываю никогда. А глядя на то, что западные компании делают в России, так и чувство превосходства может развиться.

У нашей страны своя специфика, которую иностранцы порой не осознают. Например, мы на фабрике создали сеть фирменных магазинов. Только в Москве их сейчас 20, а должно быть в два раза больше. Нам со всех сторон говорили, что это безумие — заниматься розничной торговлей, что так никто в мире не делает. Я и сам понимаю, что в любой

**— Фабрика добрая.
И отношение к ней
соответствующее.
Когда люди узнают,
что я с «Красного
Октября», тут же начи-
нают улыбаться**

— А в своей непосредственной работе какой баланс ищете вы?

— Наверное, ищу равновесие между старым и новым. Мы много чего оставили на фабрике из прежних социалистических времен. Вот, говорят, соцсоревнование устарело. Да ничего подобного! Все работает: и люди стараются, и победителей мы награждаем, и «Уголок почета» у нас есть.

Социальные гарантии у нас тоже прежние: дешевые обеды, пионерский лагерь. Ветеранам войны и труда мы дополнительно выплачиваем 260 рублей в месяц, нашу фабричную пенсию. Да и вообще, у нас хороший климат в коллективе. Фабрика добрая. И отношение к ней соответствующее. Когда люди узнают, что я с «Красного Октября», тут же начинают улыбаться.

Темперамент у президента «Красного Октября» приблизительно как у Бориса Ельцина: невозможно предугадать, что он сделает или скажет в следующую минуту. Его коллега и друг профессор МГУ, доктор экономических наук Александр Берлин называет Даурского народным артистом Советского Союза. «Он умеет быть и хитрым и простодушным, но на самом деле он хозяин, у него психология хозяина (или

другой стране такая схема не прошла бы. А в России она работает, у нее масса преимуществ: мы имеем устойчивый сбыт, мгновенно проверяем реакцию покупателей на наши новые марки.

Еще о соотношении отечественного и западного опыта. В 1998 году, сразу после августовского кризиса, «Красный Октябрь» купил кондитерскую фабрику им. Самойловой в Санкт-Петербурге. И не у кого-нибудь, а у компании «Крафт Якобс Сушар», дочерней фирмы табачного гиганта «Филип Моррис». Это была очень выгодная сделка: западные бизнесмены, разочарованные положением в России, решили наш рынок покинуть. А «Красный Октябрь» благодаря этому приобрел крайне перспективное производство и начал таким образом экспансию в Северо-Западный регион. Показателен сам факт: Даурский перекупил по случаю фабрику у «Филип Морриса»! Историю эту и сейчас рассказывают как анекдот.

— Мы коснулись еще одной составляющей успеха наших марок Главного нашего богатства. «Сливочная помадка», шо-

колад «Аленка», конфеты «Мишка косолапый», «Трюфель», «Столичные», «Раковые шейки» — таких, как принято сейчас говорить, брендов (хотя слово это не люблю) ни у кого больше нет.

— Да, вашим «раскрученным» брендам позавидует любая компания. Эти марки каждый россиянин знает с детства. А правда ли, я слышала такую байку, что наши советские конфеты, несмотря ни на что, самые лучшие в мире? Туда что, большие какао добавляют?

— Они действительно лучшие. И дело даже не в рецептах, хотя и в них тоже, и в том, что злитную свою продукцию мы делаем вручную. Вы проведите дома эксперимент: купите шоколад различных марок, спрячьте обертки и отдайте родственникам на дегустацию. Я уверен, они скажут, что наш шоколад — лучший.

Самые популярные марки «Красного Октября» — шоколад «Золотой ярлык» (за 100 лет выпущено 12 млн. плиток), конфеты «Мишка косолапый» (с 1902 года произведено 4,5 млрд. штук) и «Раковые шейки» (6 млрд. штук за 80 лет). Из новинок очень популяррен шоколад «Кузя — друг

Аленки». Название придумала 13-летняя московская школьница Ильнара Азышина. За это фабрика выплатила ей вознаграждение.

Потом, как водится, меня повели пить чай. Чаем на «Красном Октябре» угощают не до, а после разговора с директором, очевидно, чтобы подсластить впечатление.

В приемной у Даурского стоит огромный, в метр высотой, шоколадный медведь с медалью на шее. Медаль — Гран-при конкурса 1958 года в Брюсселе. Говорят, 90-килограммовый мишка до сих пор съедобен.

Чаем угощают за пятиметровым овальным столом. По преданиям, за ним во время Ялтинской конференции собирались Сталин, Черчиль и Рузвельт.

«Красный Октябрь» много чем уникален. По идеи, его давно пора перенести на окраину. Но зато ни в каком другом городе не пахнет так вкусно шоколадом и карамелью, как в Москве. И вряд ли еще к какой фабрике относятся с такой щемящей нежностью, как в России к «Красному Октябрю». И очень удачно совпало, что у российской фабрики такой... абсолютно российский директор.

Приговоренный к жизни

Ры просыпаешься не в силах пошевелиться. То есть пошевелиться можешь, но не испытываешь ни малейшего желания. Каждый хоть однажды просыпался в таком состоянии. Но кто бы сказал, что тебе делать...

Ну да, конечно, мы помним о ветхозаветном Иове, о Робинзоне Крузо, об Оливье Твисте — о людях, которые, потеряв все, стали собой. Но эти судьбы для нас — лишь метафоры, подражать им впрямую нельзя. Поэтому в советскую школьную программу были включены «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке». Павка Корчагин и летчик Мересьев были как мы. Только лучше. Нам и в голову не приходило, что человеку с такой судьбой может быть хуже всех.

Родители Рубена Давида Гонзалеса Гальяго (папа — венесуэлец, мама — испанка из семьи политэмигрантов, осевшей во Франции) в конце 60-х учились в МГУ. Оба оказались в Москве вынужденно: папа бежал от диктатуры, маму сослали из бунтарско-левадского Парижа на перевоспитание, поскольку мамин папа был одним из воюющей испанской компартии. Родить (и родиться) в «кремлевке» было в конце 60-х пределом мечтаний. На сей раз, однако, случилось ЧП международного значения: братик-близнец Рубена через неделю умер, а самому Рубену поставили туманный диагноз «родовая травма». ДЦП (детский церебральный паралич) тогда звучало страшнее, чем ЦРУ...

Аурору Гонзалес больше года продержали в неврологическом отделении Кунцевской больницы, без связи с внешним миром. И о том, что стало с мальчиком, ей не говорили. Только после выписки сообщили по телефону. — Он умер...

Свидетельства о смерти Рубена, как и свидетельства о рождении, Ауроре не выдали.

Объявленный умершим, Рубен был отправлен в спецдетдом. Отец его вскоре убыл на Запад, потеряв навсегда вкус ко всем и всяческим идеологиям. Аурора, окончив МГУ, вернулась в Париж, к ужасу родни, вывезя с собой молодого диссидентствующего писателя и dochь Анну, родившуюся в обычной советской больнице...

Двадцать лет Рубена переводили из одного специнтерната в другой — заметали следы. Все эти годы мальчик собирали по кусочкам воедино пазл тайны своего появления на свет. Его личное дело до сих пор является секретным. Упорно, изобретательно и долго Рубен искал и — после двух браков и двоих детей, вполне здоровых — нашел матерь.

В Праге, на радио «Свобода»...

Лежа пластом, не в силах пошевелиться, ты пытаешься найти оправдание в том, что тебе просто не повезло. Тебе нужно было родиться ДРУГИМ. Все могло сложиться по-другому. Нет, мой милый, все всегда складывается как должно. Тебе выпало счастье прожить свою жизнь. «Записки из детского дома» Рубена Давида Гонзалеса Гальяго и вся его судьба переворачивают с ног на голову наше представление о счастье и несчастье. Потому что имеющий все может быть несчастным, а лишенный всего — счастливейшим из людей. Рубен счастливейший.

В его «Записках из детского дома», при всей их беспощадной правдивости, нет ни капли чернушки — сплошная любовь.

Но вот о чём я думаю: может, Рубену еще только предстоит жить в полную силу той любви, которая в нем скрыта?

Может, и нам это на самом деле только предстоит?

Инвалиды и ходячие, сливки общества и «мусор», «чёрножопые» и бледнолицые, умные и так себе, Рубен, я, вы, просыпающиеся не в силах пошевелиться... мы все приговорены к жизни.

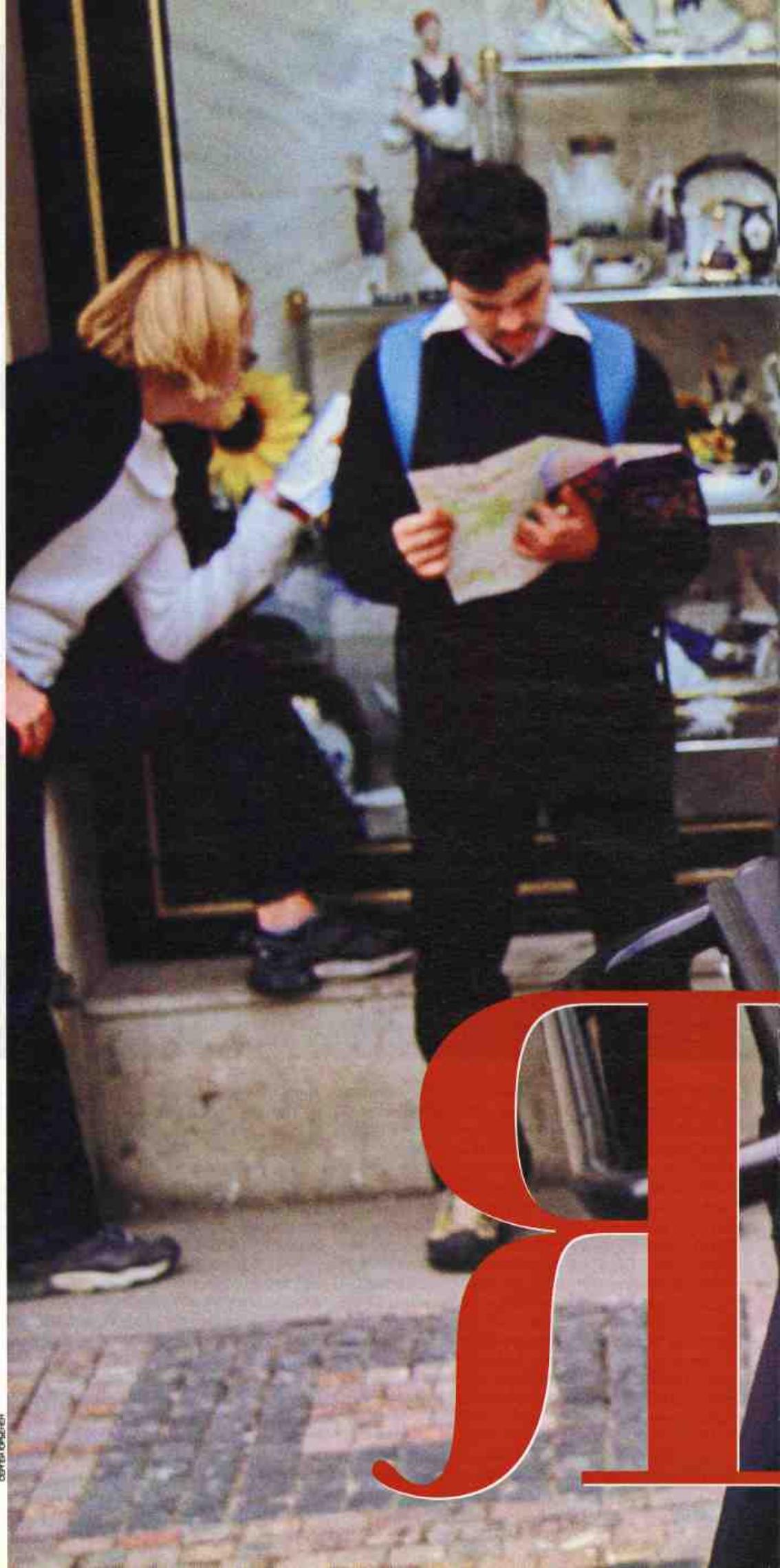
Приговорены быть если не гурманами жизни, то по крайней мере каждое утро чувствовать ее невероятный вкус.

Вот уж этого у нас отнять не может никто.

P.S. 20 сентября Рубену исполнилось 33 года.

На следующий день он улетел в Испанию. Чтобы жить.

Михаил ПОЗДНИЕВ

31

У меня просто нет другого выхода

Рубен Давид ГОНЗАЛЕС ГАЛЬЕГО

Я герой. Быть героем легко.
Если у тебя нет рук или ног —
ты герой или покойник.
Если у тебя нет родителей —
надейся на свои руки и ноги.
И будь героем. Если у тебя нет
ни рук, ни ног, а ты к тому же
ухитился появиться на свет
сиротой, — все.
Ты обречен быть героем
до конца своих дней.
Или сдохнуть

Я был маленьким и мечтал о маме. Потом я понял, вернее, мне объяснили, что моя мама чернокопая сука, которая бросила меня.

Те, кто объяснял, были большие и сильные, они были правы во всем.

Они были учителями. Учителя рассказывали о дальних странах, о великих писателях, о том, что жизнь прекрасна и каждому найдется место на земле, если только хорошо учиться и слушаться старших. Они всегда лгали. Лгали во всем. Они рассказывали о звездах и материалах, но не разрешали выходить за ворота детдома. Они говорили о равенстве всех людей, но в кино брали только ходячих.

Не лгали только нянечки. Давая конфету, они говорили: «Бедное дитя, скорее бы уж поумер». Или, вынося покойника: «Слава Богу, отмучился, бедненький».

Про «чернокопую сукку» нянечки рассказывали мне просто и естественно, как про дождь или снег.

В шесть лет я перестал мечтать о маме. Я мечтал стать «ходячим». Ходячими были почти все. Даже те, кто еле-еле мог передвигаться на костылях. К ходячим относились гораздо лучше, чем к нам. Они были людьми. После выхода из детдома из них могли получиться нужные обществу люди — бухгалтеры, сапожники, швеи. Многие получали хорошее образование, «выбивались в люди». После выпуска из детдома они приезжали иногда на дорогих машинах. Тогда нас собирали в большом зале, рассказывали, какую должность занимает бывший ученик нашей школы. Из рассказов выходило, что эти толстые дяди и тети всегда слушались старших, хорошо

герой

учились и добились всего своим умом и настойчивостью. Но они были ходячими!

Как стать ходячим, никто не рассказывал.

В восемь я понял одну очень простую мысль: я никому не нужен.

В девять я понял, что ходить никогда не смогу.

В десять я прочитал про камикадзе. Эти бравые парни несли смерть врагу. Одним полетом без возврата они отдавали Родине все долги за съеденный рис, за испачканные пеленки, за школьные тетради, за улыбки девочек, за солнце и звезды, за право каждый день видеть маму. Это мне подходило. Но я понимал, что в самолет меня никто не посадит. Я мечтал о торпеде. Управляемой торпеде, начиненной взрывчаткой. Я мечтал тихо подкрасться к вражескому авианосцу и нажать на красную кнопку.

С тех пор прошло много лет. Я уже взрослый дядя и все понимаю. Я не имею права желать смерти, ведь от меня зависит многое в судьбе моей семьи. Меня любят жена и дети, я тоже очень-очень их люблю. Но иногда, когда лежу ночью и не могу заснуть, я все-таки мечтаю о торпеде с красной кнопкой. Эта детская мечта так и не оставила меня, может быть, никогда не оставит.

Пасха. Все нянички празднично одеты. Ощущение праздника во всем. Я ничего не понимаю. Ведь во время праздников по телевизору показывают парады и демонстрации. Парадов нет только на Новый год.

Зато на Новый год есть елка и подарки.

После завтрака няничка раздает нам по крашеному яйцу. Внутри оно такое же белое, как и обычное. Оно гораздо вкуснее яиц, которые нам дают в детдоме. Детдомовские яйца переваренные, жесткие, а это мягкое и очень-очень вкусное. Где бы я ни был, в детдоме ли, в больнице или в доме престарелых, какая-нибудь добрая душа всегда давала мне на Пасху крашеное яйцо.

В России существует обычай поминать умерших угощением. На сороковой день после смерти родственникам следует делиться едой, причем не просто угощать кого попало, а самых несчастных. Чем несчастнее накормленный, тем более ты угодил умершему, тем больше твоя заслуга перед Богом. А где их было взять, несчастных, в самой счастливой стране мира? Вот и шли к воротам нашего детдома бедолаги с сумками, корзинами и пакетами. Несли конфеты, печенье, булочки. Несли пирожки и блины, все, что могли. Нет утомимые воспитатели прогоняли их, чаще всего безуспешно.

Нянички, пользуясь своим служебным положением, проносили через ворота детдома «поминальное», несмотря на строгие запреты.

Больше всего везло няничкам, работающим с нами, неходячими. Нас кормили отдельно, воспитатели были далеко. Одна няничка ухитрилась пронести через проходную кастрюлю фруктового киселя. Мы были самыми несчастными из несчастных.

Конфеты, скормленные нам, ценились гораздо выше.

Я лежал в саду и ждал. Садом мы называли несколько яблонь, росших возле здания детдома. Ползти до сада мне пришлось долго, я

устал и лежал на спине. Все ходячие были далеко, может, смотрели в клубе кино, может, их повели куда-то — не помню. Я лежал и ждал, что какое-нибудь яблоко упадет недалеко от меня. Но повезло мне гораздо больше.

Старенькая сухощавая старушка полезла через забор. Забор был двухметровый, но башню это не остановило. Она спрыгнула с него, огляделась по сторонам и подошла ко мне. Деловито оглядев мои руки и ноги, она с недоверием спросила: «Сиротой будешь?» Я кивнул. Такого везения она не ожидала, скрюченные ноги и руки, да к тому же сирота. Она поставила на землю свою корзинку, откинула полотенце, достала блин и скомандовала: «Ешь». Я стал быстро есть блины, она торопила меня и повторяла: «Тетку Варвару поминай, тетку Варвару».

Но все хорошее быстро кончается. Из-за угла шла воспитательница.

— Почему посторонние на территории? Кто пустил? Что вы тут делаете?

И мне:

— А ты что делаешь?

Что я делал? Я жевал третий блин. Жевал быстро, потому что в руке было еще полбиона, и я хотел успеть доесть все.

Шустрая старушка подхватила свою корзинку и сунула через забор. До этого я успел. Воспитательница постояла надо мной, улыбнулась чему-то и ушла.

Это были первые блины в моей жизни.

В палате нас было десять человек. Вернее — девять: Вовочка мы не считали. Вовочка не говорил. Он только кашал и кашкал.

Еще были я и Василек. Только я и Василек могли ползать — это и отличало нас от остальных в палате.

Сидеть мог только Сашка Поддубный, по утрам нянички сажали его на пол перед низеньким столиком. Остальные круглые сутки лежали на кроватях. Их называли «пацаны». Уважение к пацанам было абсолютное, даже пахан детдома приходил к ним советоваться. Только у нас в комнате стоял телевизор, и мы могли смотреть его, когда хотели.

В эту палату я попал случайно. Когда меня привезли, как раз один пацан умер. Это была несчастливая койка номер три. До меня на ней спали трое, и все умерли. Никто не хотел ее занимать, а я был в этом детдоме новенький.

К нам пришли шефы. Студенты из пединститута.

Попели нам песенки и ушли. По плану шефской помощи студенты должны были проводить с нами какие-то мероприятия, помогать делать уроки и так далее. Но большинство смотрели на нас, как на прокаженных. Это выражение «как на прокаженных» я вычитал потом, оно мне очень понравилось.

А как еще можно передать плохо скрываемое отвращение?

Некоторые приходили снова. Одна студентка зашла и к нам.

— Мальчики, вам чем-нибудь помочь?

— Чирир будешь пить?

— Буду.

— Тогда достань у меня из-под матраца кипятильник, из тумбочки банку, сходи за водой и заряди все это под кроватью, — сказал Вовка Москва. Кличка такая у него была: Москва.

Студентка была у нас несколько раз, пацаны угощали ее шоколадными конфетами, тратили анекдоты. С ней было весело. Как-то раз она задержалась. Отпускать ее никому не хотелось.

— Мальчики, ну мне надо еще физику делать и математику, а списать сразу не дадут.

— Учебник с собой?

— В сумке.

— Доставай, читай задание.

Это сказал Генка с угловой койки.

Достала.

— Но я тут ничего не понимаю.

— Я тоже. Я только год вышку учу. Читай вслух.

— А формулы?

— И формулы читай.

Она читала вслух учебник, а мы радовались, что она не уходит. Она читала долго, потом Генка велел ей сесть за стол и писать.

Он продиктовал ей решения всех ее задач и замолчал.

— А можно, я с ответом сверю? Тут у меня ответы выписаны.

— Сверяй.

— Все сошлось! — поразилась студентка.

— Но как ты смог? Не глядя в тетрадку! Ты ведь такой маленький!

Весил Генка килограммов десять. Кроме того, что он не мог ходить, он еще не рос.

— Мне восемнадцать, — ответил Генка. — Такой же маленький, как и ты.

— Ой, мальчики! А я думала, вы еще в школе учитесь.

— Официально учимся. Второгодники. Просто у нас директор добрый. Не хочет нас в дом престарелых отвозить. Там за нами ухаживать будет некому, и мы умрем.

— А чего же вы в институт не поступите?

— В институт берут только ходячих.

Она быстро засобиралась и ушла. Я выполз в коридор. Шел дождь, и мне захотелось подползти к выходу.

Было прохладно — поздняя осень или ранняя весна. Входную дверь не закрывали, и я любил подползать к самому выходу, смотреть на дождь. Редкие капли дождя попадали внутрь, падали на меня. Было хорошо и грустно.

Но сейчас мое место у двери было занято. Тяжело опираясь на косынку, стояла наша студентка и жадно, взявшись, курила. И плакала. Я не помню, во что она была одета. Помню только туфли на каблуках. Она была очень красивая. Мне показалось, что такой красивой девушки я никогда больше в жизни не увижу. Она докурила и пошла под дождь. Без плаща, без зонтика.

Больше она к нам не приходила.

Хорошие нянички были верующими.

Хороших няничек было мало. Я помню их всех. Это действительная история, рассказанная мне няничкой:

«...Я здесь уже давно работаю. Когда пришла, посмотрела, а тут детки маленькие, кто без ножек, кто без ручек. И все грязные. Его помоешь, а он по полу поползет — и опять грязный. Кого с ложки кормить надо, кого подмывать каждый час. Уставала очень. В первое ночное дежурство ни на минуту не прилегла. Еще новенького привезли, он всю ночь маму звал. Я к нему на кровать присе-

Сергей Ющенко

Я герой

**Я лежал в саду
и ждал, что
какое-нибудь
яблоко упадет
недалеко
от меня.
Но повезло
мне гораздо
больше**

ла, взяла его за руку, так и просидела над ним до утра. И все плакала, плакала. А наутро пошла к батюшке благословения просить, чтобы уволиться. Не могу, говорю, на это смотреть, всех жалко, душа разрывается. А батюшка благословения и не дал. Говорит, что это теперь крест твой до конца дней. Я имена всех деток, за кем ухаживала, на бумажку выписываю. У меня дома тетрадка есть, так я туда всех вас записываю. И за каждого на Пасху свечку ставлю. Много свечек уже получается, дорого, но я все равно за каждого ставлю и за каждого «Отче наш» читаю. Потому что за всех невинных деток Господь велел молиться. А у тебя имя какое-то странное, Рубен, армянин, наверное. Армяне — христиане, это я точно знаю. Не армянин, говоришь? То-то я сразу и подумала, что раз родители к нему не приезжают, то басурмане какие-то. Крещеная душа дитя своего не оставит. Суки они, прости меня Господи, дуру старую, тут и не захочешь, а согрешишь. А ты у меня будешь в тетрадке без фамилии записан. Фамилия у тебя какая-то чудная, я и записать не сумею. Все с фамилиями записаны, а ты без. На молитве

только имя читать положено, но все равно нехорошо, что без фамилии...»

Мы добирались с друзьями из пригорода. Автобусов не было, жара стояла страшная. Ловить попутку бесполезно. Три здоровых парня и инвалид в коляске — кто нас возьмет.

Вдруг везение — армейский автобус. Он остановился недолго. Выбора не было — надо было пытаться сесть. Парни подхватывают меня и коляску, пытаются спорить с водителем. Водитель твердит что-то про «не положено» и «Устав». В общем, облом.

И тут из глубины автобуса с криком «брата-а-ан!» бросается к шоферу военный. Он отчаянно пьян и зол. Они недолго спорят, и мы едем.

Солдаты-новобранцы уступают место. Я неудобно полулежу на узком сиденье, мне больно. Ко мне подходит «брата». Он еле стоит на ногах, китель расстегнут, под кителем — матрёсская тельняшка.

— Ты из Афгана?

— Нет.

— Неважно. Я до Афгана не знал, что такое инвалиды. Потом друзья стали прихо-

дить без ног, без рук, слепые. Многие ломались. Ты-то как?

— Да нормально все: жена, работа.

— Ты держись, живи.

Доеzzаем до города. Меня выносят. Он что-то кричит через стекло.

Я все помню. Помню твою тельняшку, твои безумные глаза.

Я помню тебя, братан.

Я держусь.

Что добавить к этому рассказу?

Я вырос, прочитал тысячу разных книжек и кажусь себе очень умным. Спасибо учителям, научившим меня читать. Спасибо советскому государству, вырастившему меня. Спасибо умным американцам, создавшим компьютер, за возможность печатать этот текст указательным пальцем левой руки.

Спасибо всем добрым нянечкам за то, что научили меня доброте, за то тепло в душе, что я пронес через все испытания. Спасибо за то, чего не выразить словами, не просчитать на компьютере и не измерить. Спасибо за любовь и христианское милосердие, за то, что я католик, за деток моих. За все.

Преустановленное

телевидение

Что случилось с телевидением? Одинаковые корреспонденты с одинаковыми микрофонами стоят в одинаковых до боли картинках. В одинаковых декорациях ток-шоу одни и те же люди обсуждают одни и те же проблемы абсолютно одинаковыми словами. Стало абсолютно нечего смотреть — причем по всем каналам

Борис МИНАЕВ

Немного о нашем добром, славном прошлом. В прошлом году весть о переходе Олега Добродеева с четвертого канала на второй (по политическим мотивам!), а вслед за ним Евгения Ревенко, Елены Масюк и других известных репортеров воспринималась всеми как подлинная сенсация. Не было газеты, которая бы ни пропесочила эту новость. Не было интеллигентной кухни, где бы ни обсуждалось за «рюмкой» чая.

Казалось, что-то происходит небывалое. Мир сдвинулся с оси. Лица, которые ты привык видеть на одной кнопке, переместились на другую. Ну, это все равно как ты ходишь в булочную десять лет и вдруг видишь там магазин «Нижнее белье». Трусики, бюстгальтеры. Красивые позы... Блин, а хлеб покупать я теперь где буду? Это называется остолбенение.

Вспоминать последующие события, честно говоря, не очень хочется. На красавую сценическую площадку, где в зеленом и синем лучах в великолепных костюмах под музыку и аплодисменты выходили то Гамлет в берете, то мушкетеры в шляпах с плюмажем, то разбойники или прекрасные дамы, вдруг вышел гадкий управдом из ЖЭКа и противным голосом гаркнул: «А у вас за свет не заплачено!»

Все артисты ужасно растерялись. Они стали плакать, кричать, рвать на себе волосы, прогонять управдома. Но он все никак не хотел уходить, он упрямо стоял посреди покосившихся от неожиданности декораций и повторял: «А у вас за свет не заплачено!» Многие сначала думали, что это пьеса или режиссерский прием, а потом поняли — нет. Жизнь.

И началась совсем некрасивая сцена, как в коммунальной квартире довоенных лет. Каждый из артистов пытался сказать что-нибудь пообиднее, крикнуть погромче, разбить посуду позже, некоторые уже плакали, обнявшись, некоторые хватались за топоры, но управдом по-прежнему стоял и не хотел уходить...

Обалдевшая публика разделилась. Большинство были за артистов и вполне разделяли их убеждение, что дело не в свете и не в просроченных счетах за электроэнергию, а просто это интриги другого театра, соседнего, а то и просто райкома партии.

Эта часть публики, большая, считала, что все артисты — герои, а управдом — полный мерзавец.

Но постепенно, поскольку дело-то происходило на глазах у всех, нашлись сторонники и у управдома. Они говорили: нет, а что? Он просто делает свою работу. А они что? Почему за свет не платят? Почему орут? Ну, закрыли бы хоть занавес, что ли. Ведь неприлично! Вон смотрите, они уже дерутся, они уже матом ругаются! Разве так можно? Еще они говорили, что никаких райкомов уже нет, остались одни ЖЭКи (правда, этот аргумент они приводили не так уверенно, без нажима).

Психологически эту часть публики понять тоже было можно.

...Ведь управдом был один, а артистов очень-очень много.

Все кончилось как-то странно.

Казалось, что в зале вот-вот погаснет свет в связи с неуплатой, а зрителей просто выведет дежурный наряд милиции. С фонариками. Во избежание давки и эксцессов. Но

Достаточно было перетасовать лица и кнопки, и выяснилось, что все эти гражданские позиции ничем друг от друга не отличаются

вдруг на сцену выбежал главный режиссер (он же исполнитель главной роли) и громко сказал, оттолкнув управляющего:

— Все! Все в порядке! Я договорился! С завтрашнего дня мы играем в другом театре! Записывайте адрес и покупайте билеты! Там теперь будет наш театр! Вся труппа за мной! Публика тоже за мной!

Публика рванулась к выходу, чтобы не опоздать в кассу за билетами в новый театр, и лишь немногие заметили, что вслед за главным режиссером со сцены ушли далеко не все.

Многие актеры почему-то остались.

Лица у них были грустные. С напряжением они стали разыгрывать тот же спектакль, и вот что интересно — публика стала его досматривать. Во-первых, впервые в мире за всю театральную историю управляющим на какое-то, пусть короткое, время стал главным режиссером. Это было уникальное событие. Его стоило посмотреть. Во-вторых, убегающие со сцены артисты вели себя настолько некрасиво: пинали ногами оставшихся, обзываю их нехорошими словами, типа «предатель», «сатрап», «жалкая душонка», что оставшихся было по-человечески очень жаль.

Конечно, у них ничего не получалось. Они, в общем-то, знали слова, говорили их почти с тем же выражением. Но ощущение пустоты и какого-то холодного сквозняка на сцене преодолеть все-таки были не в состоянии. Оставшаяся публика вежливо досмотрела спектакль, ждя похлонала и ушла.

Артисты остались одни. И стали готовить новый репертуар.

Телевидение перепуталось окончательно и бесповоротно. Если продолжать эту метафору, артистам стало позволено гулять по разным театрам и играть что угодно. Наступила полная творческая свобода. Некоторый, я бы сказал, творческий хаос.

На ТВ 6 гамлетовские по своей глубине и выразительности монологи Киселева («Все прогнило», «Пропало», «Прорвались», «Сгорело дотла» и «Непонятно, как и зачем мы все еще здесь живем»), скорбные новости с подкатами губами в исполнении Сорокиной, то есть некий информационный апокалипсис еще довольно долго перемежался с ве- селенькими передачами типа «ОСП-студии», где дежурной шуткой считается так мягко подвести зрителя к слову «жопа», чтобы не произносить его до конца, но чтобы он, зритель, все понял, радостно и благодарно заходил.

Лев Новоженов, еще недавно лучший друг Хрюна и Степана, стал лучшим другом Ирины Салтыковой и Филиппа Киркорова.

Савик Шустер, такой симпатичный и вроде бы по-прежнему очень честный, с одинаковым рвением комментирует футбол и политику.

Приятный дядька с окладистой бородой, который разбирал подробности насчет стиральных порошков и других товаров первой необходимости в программе «Впрок», стал делать то же самое по второму государственному каналу и поэтому сразу стал похож на политического обозревателя прежних времен типа Георгия Жукова.

Словом, на какую кнопку ни нажми, всюду настигает уже упоминавшееся остоубенение. Остоубенение стало на довольно продолжительное время главной зрительской реакцией. Мы уже ко всему привыкли и ничему не удивляемся, и все-таки нет-нет да и застынешь с открытым ртом.

...Ночью по НТВ вместо Диброва, который вроде бы ушел на какой-то другой канал, теперь выступает Гордон, который вроде бы пришел с какого-то другого канала. Замена неудачная, но об этом стараются не говорить вслух, потому что люди-то все-таки очень хорошие! И тот, который ушел, и тот, который пришел. Красно-черному (спасибо, что не коричневому) Гордону благодарны хотя бы уже за то, что СТАРАЕТСЯ.

Киселев тоже из всех сил СТАРАЕТСЯ восстановить старое НТВ, но, несмотря на отдельные успехи и удачи, ни черта не выходит, потому что, помимо гражданской скорби, на старом НТВ был еще один неуловимый, но приятный элемент — некий великосветский блеск. Без великосветского блеска шестой канал все-таки больше похож на анатомический театр с блистающими люстрами. Как и положено в медицинской среде, с добавлением изрядной порции казарменного юмора и казарменной эстетики.

НТВ, в свою очередь, пытается сохранить весь этот блеск, но, кроме алчного блеска в глазах людей, которые тоже очень стараются угадать цвет головного убора на Красной Шапочке (цена вопроса почти штука баксов), другого блеска почти нет. Вроде бы он иногда появляется (скажем, в передаче Парфенова), но тут же куда-то исчезает.

В отсутствии премьер и в постоянном присутствии совершенно других спектаклей со старыми названиями (восстановленных — так это называется в театре) зрителей пытаются накормить чем-то вроде вечных ценностей. В театре это были бы, например, «Петя и Волк» или «Горе от ума», на летнем НТВ это был бесконечный Луи де Фюнес, на осеннем ТВ 6 — «Менты» и «Бандитский Петербург» в трансляции non-stop порой часа по четыре. Но что-то не получается развлечь.

Впрочем, старый имидж потеряли не только два этих перепутанных «сиамских близнеца» — НТВ и ТВ 6, но и все остальные тоже. Некогда бедный, но скромный и симпатичный РТР задушил зрителя регулярной, как отрыжка, рекламой и бросающимися в глаза богатством своих проектов, а некогда грубоватый, но свойский ОРТ — своей до предела манерной интеллигентностью. Все смешалось в доме Облонских. К чему приведет ежевечернее употребление такого коктейля, врачи проверят на нас с вами.

...Но вот что интересно. Происходящее совершенно невозможно объяснить ни очередными интригами управляющего, ни удушением всех и всяческих свобод со стороны так и не прибывшего милицийского дежурного наряда.

Наряд действительно не прибыл, а управляющим предстает то ли в роли телезвезды, то ли в роли политического диссидента и борца за свободу слова — уже как-то и не поймешь.

Дело не в том, что каналы перепутали лица, перепутали передачи, названия, стили.

Обалдение и смятение наступило по осени не от этого. Вернее, не только от этого. Зритель ко всему может привыкнуть, все пережить, если эти перемены хоть как-то названы, обозначены, заявлены, от рекламированы.

Глубокая, хотя и неосознанная обида возникает не от громких ожидаемых перемен, удачных или неудачных, а вот почему-то именно от того, когда тебя ловят на мелочах.

Ну... вот смотришь ты очередные новости (а как же их не смотреть в наши столь необычные дни?) и вдруг ловишь себя на дурацкой неуверенности: а это вообще какой канал? А ты уже и забыл. Забыл, потому что у этого Неизвестного Корреспондента нет для тебя других новостей. Ну нету!

И по тем и по другим каналам, и у тех, и других, и у третьих, и у четвертых поднятый «Курск» под тяжелым северным ветром торжественно и мрачно вплывает в доки... Бен Ладен с лицом пророка ласково поглаживает ствол Калашникова... Ракеты Антанты доблестно уничтожают живую силу противника... То ли абхазы, то ли грузины, то ли чеченцы куда-то едут и из чего-то зачем-то стреляют... «Отечество» сливается с «Единством»... Доу-Джонс слегка подпрыгивает, но пока еще не встает в полный рост... Ракета «земля-воздух» неопровергнуто плавает в Черном море... Небоскреб пылает в глобальной философской ретроспективе...

А о чём еще можно сегодня говорить?

Каналы, которые чутько ловят настроения зрителей, держат руку на пульсе. Новости в разное время. Зато сериалы,

ток-шоу, игры на деньги, блокбастеры и даже реклама идут в одно и то же. Порой с точностью до секунды. Дело в том, что наша голова у них там, в телевидении, разрисована по полочкам. В это время мы обязаны расслабляться, переживать, в это время можем получить порцию очередного пафоса. И не дай бог, что-либо перепутать в этом перепутанном телевидении. Сразу почувствуешь — тошнит.

Но не путайтесь. Это не сибирская язва. Это обычная телефония. Ею страдают все, а не только вы лично.

...И вдруг ты понимаешь, что ты не готов больше соглашаться.

И еще ты понимаешь: тебе для чего-то было нужно все эти годы, чтобы каналы были непохожими, разными. И когда это тонкое неуловимое соотношение разного вдруг нарушилось — стало не по себе.

Единственная непреложная ценность современного сознания — свобода выбора. Именно с ней что-то случилось в эти дни. Нет, не потому, что на нее посягнули управляющим или наряд милиции, как это тщится доказать Киселев с товарищами по борьбе.

Как быстро выяснилось, именно благодаря перепутанному телевидению свобода выбора рухнула сама, без чьей-либо посторонней помощи. Достаточно было перетасовать лица и кнопки, и выяснилось, что все эти гражданские позиции ничем друг от друга не отличаются. Больше того, в них нет даже сколь-нибудь сносного творческого отличия.

Однаковые корреспонденты с одинаковыми микрофонами стоят в одинаковых до боли картинках. В одинаковых декорациях ток-шоу одни и те же люди обсуждают одни и те же проблемы абсолютно одинаковыми словами. Да, я утирирую. Утирирую? А вы посчитайте сами, сколько ярких исключений на шесть полновесных российских каналов с их сотнями передач и миллионными бюджетами: два? Три?

...То же самое касается и сериалов, хотя, конечно, это немного другая тема. И тем не менее. Сериал — это не художественный фильм, в них не могут играть одни и те же артисты! Жена рассказывала мне, что долго не могла понять, почему у одной и той же женщины в разных интервью присутствуют два разных мужчины, и решила, что по склону речь идет о сестрах-близнецах. Но до такой гениальной находки ОНИ еще не додумались. Это были всего лишь близнецы-сериалы. На разных каналах.

Близнецы-передачи: все эти «полуженские истории», «суд идет», «криминалы-патрули», «большие и малые истории галстуков» и так далее. Про денежные игры вообще лучше помолчу. Просто нет слов.

Все это явлено нам сегодня для того, чтобы мы лучше поняли, что же представляло собой старое наше российское телевидение, красиво лежащее сегодня в близнецовых обломках, такое еще недавно веселое, боевое и творчески неоднозначное?

...То, что выдавало себя за умную политологию или смелое разоблачение, оказалось всего лишь грамотным пиаром того или иного политика, политической силы.

То, что было свежо и остро, оказалось наивным и поверхностным. То, что считалось стилем, оказалось декорациями.

Глобальную проверку, которую всем нам устроил 2001 год, не выдержали прежде всего не телевизионщики (в сущности, такие же люди, как мы с вами, только чуть более терпкие). Ее не выдержали прежде всего наши мозги.

На канале ОРТ был недавно замечательный эпизод. В телемосте с Вашингтоном (прямой эфир вечерних новостей) прошел в очередной раз скют на тему — в сентябре 99-го, мол, Америка не заметила наших взрывов жилых домов, зато теперь осознала, что террористы угрожают всем. Дмитрий Саймс, политолог, находившийся на той стороне телемоста, тут же отпарировал — извините, не заметить было трудно. Американское общество, ска-

зали, смущало другое: то, что один из главных российских телеканалов и многие печатные средства массовой информации в Москве приписывали эти взрывы вовсе не чеченским террористам. Аргумент веский — американцы привыкли верить честным, независимым журналистам. Раз они говорят, значит, что-то есть.

Теперь, после взрывов в Америке, стало понятно — да, есть новости, которые невозможно трактовать по-разному. Есть вещи, о которых нельзя говорить, не имея самых прямых, самых непреложных доказательств.

Но говорили. Говорили, писали, показывали что угодно. И вовсе не потому, что были независимы.

... Но почему только сейчас это стало понятно?

Просто таков был уровень наших мозгов. Таков был уровень полемики с властью, если слово «власть» заранее, априори ставить в отрицательный контекст, нагружать его негативным смыслом — полемизировать ведь очень легко.

Очень легко снимать сериалы на тему о том, что Россия — криминальная страна, не нужно ничего, кроме очень дешевых съемок и очень дешевых скрипетов.

Очень легко вдолбить мне, обывателю, мысль о том, что любая проблема, любая ситуация имеют одно объяснение — в России все хуже.

Я с ужасом жду, когда дети вырастут и спросят: «Папа, это что, единственная мысль, к которой вы пришли за десять или даже за пятнадцать лет? Что типа в России жить плохо?»

Два полюса — беспредметное зазнайство и тотальное самобичевание — те единственые интеллектуальные скрипки, в которых трудилось в поте лица наше информационное сообщество. Никто не оказался готов к тому, что произойдет в мире.

Никто не оказался готов к тому, что в криминальной и мафиозной России начнут собирать налоги и принимать вполне понятные, прозрачные законы.

Никто не оказался готов к тому, чтобы говорить о нашей экономике всерьез.

Нет, констатировать все это могут, но с растерянной полуулыбкой. Потому что после констатации ведь нужно что-то делать. Критиковать по делу. Анализировать не на уровне — «таскать вам не перетаскать». Позицию иметь не из разряда охотничьих стоек: ату его! Загнать! Достать!

Никто не оказался готов мыслить в категориях единой страны. И при этом свободно. Разучились или не умели, бог весть. Призрак гражданской войны, пусть внутренней, но тотальной по-прежнему держит за горло.

Ведь сегодняшнюю ситуацию нельзя, невозможно встречать, как в советское время, криками: «Ура!» и «Да здравствует!».

Просто 11 сентября не позволяет нам продолжать эту загнанную внутрь гражданскую войну. 11 сентября требует от нас быть единым народом.

Что все это, вышесказанное, означает для телевидения, я не знаю. Эта статья — не рецепт. Это лишь констатация растерянности, которая наступила вдруг и внезапно. И по ту и по эту сторону экрана.

То, что сегодня все каналы оказались похожими и скомкаными, не политика государства. Это не чья-то злонамеренная попытка создать Гостелерадио.

Повторяю: это отражение наших мозгов. Наших враз лопнувших мифов. Наших сломанных штампов.

Как раз именно сегодня нам как народу (вернее, мне, как народу) нужны абсолютно разные каналы и абсолютно разные точки зрения. Разные лица. Разные мозги. Разные мнения. Разные фильмы. Нам нужно наконец понять, а не пригвоздить к позорному столбу свою страну — пригвоздить готовы другие.

А если этого вовремя не понять, мы их выбросим навсегда. Скажете, такое в принципе невозможно. Да, многое было невозможно. Но до 11 сентября.

В Англии пять государственных каналов

, которые ведут трансляцию на всю страну: BBC-1, BBC-2, ITV, канал 4-й и канал 5-й. В принципе, большой разницы между ними нет — на каждом имеются свои авторские программы, море сериалов и голливудских фильмов, новости обычно идут блоками (отдельно экономика, спорт, политическая хроника, искусство), довольно много передач для «самоделкиных». Отличаются каналы главным образом интонацией ведущих: как правило, они очень редко комментируют политические события и никогда не выцарапывают из своих собеседни-

ков однозначные выводы, что в целом производят впечатление очень доброжелательного телевидения. Например, канал ITV специализируется на всякого рода викторинах и конкурсах, выиграть в которых может любой телезритель, а не гость студии — достаточно ответить на пару вопросов, позвонить в прямой эфир по одному из телефонов (который точно будет свободен) и получить что-то, от бесплатной телефонной карты или дом-кода до нескольких тысяч фунтов. Еще ITV дает всякие полезные советы: например, как женщине бальзаковского возраста приспособиться к новым обстоятельствам бытия, как вырастить экологически чистые огур-

цы, как сменить свечи в машине. Каналы 4-й и 5-й лупят сериалы и фильмы (на 4-м главным образом комедии, на 5-м — боевики), каналы BBC ориентированы на новости, и если BBC-1 вырастил для этой цели собственных аналитиков, то BBC-2 предпочитает приглашать в эфир настоящих политиков, экономистов и юристов. Ругать правительство на TV не принято: кто как не гражданин его выбрали, следовательно, не стоит оскорблять граждан — «чернуха» приветствуется лишь на кабельных каналах. Начинают работать государственные каналы в шесть утра, заканчивают в половине шестого утра.

Сергей КАСТАЛЬСКИЙ

Немецкое телевидение так же похоже на российское, как «кауди» на «сокигулю»

Внешне вроде бы все то же: четыре колеса, фары, руль. А едва присмотришься, так словно на разных планетах живем.

В Германии почти 30 каналов, но лишь шесть из них общенациональные, то есть бесплатные. За остальные приходится выкладывать порядка 15 долларов в месяц.

Самым интересным мне всегда казалось ТВ Баварии и Гессена (это где Франкфурт-на-Майне). Особенно удивляет Бавария: весь день здесь могут передавать сладостно-мелодичные песни, которые певицы в народных платьях исполняют посреди огромных пивных залов (аналог наших фольклорных программ застойной поры). А потом начинаются какие-нибудь до ужаса красивые фильмы про природу или искусство. Вообще познавательных программ на немецком телевидении очень много — и о Древнем Египте, и о барочной архитектуре, и о писателях XX века. Причем эти полноценные, минут на 45, фильмы идут в самый прайм-тайм с восьми вечера. В них

подкупает не только качество исполнения, но и независимость взгляда. Это у нас о Русском музее, Эрмитаже или о Большом театре рассказывают их директора, а интервью о культуре берет министр культуры. В Европе такое непредставимо. О фильмах говорить смысла нет: на 30 каналах выбор между двумя-тремя свежими блокбастерами (США), полудюжины детективов (США, Германия) и десятком мелодрам (США, Франция, Англия) зрителю обеспечен. Причем практически каждый вечер можно найти какую-нибудь классику от Хичкока до Бергмана либо просто старенкий черно-белый Голливуд с диалогами, которые уже отчего-то не пишут, и актерами, каких больше почему-то не рожают. Так что, отправляясь в Германию, я всегда прихватываю с собой блок видеокассет на всякий случай.

Но самые мои любимые каналы в Германии не чисто немецкие, но совместные. 3Sat делается, насколько я понимаю, вместе с австрийцами и швейцарцами — здесь каждый вечер в 19.20 начинаются лучшие культурные новости в мире. За 40 минут успевают обсудить все, да как подробно, да на каком уровне! ARTE же делается вместе с французами, и это

такой изыск, от дизайна заставок до подбора картин... Большинство вечеров здесь тематические: об африканской жизни, либо мультипликации, наркотиках, либо краже произведений искусств. В течение четырех часов покажут ток-шоу на тему, пару документальных репортажей, один-два художественных фильма... И так — каждый вечер.

Кто-то мне объяснял, что засилье «умного телевидения» (при обилии программ совершенно пошлых и бессмыслиц) порождено... качеством немецких университетов. Дескать, много очень выпускников, которые на всю жизнь приучаются думать, а потому и в соответствующей пище для ума нуждаются.

Но мне кажется, что это просто нормальная ситуация свободного выбора. Даже если рейтинг у того же ARTE не самый престижный, никто не станет его закрывать либо превращать в подобие нашей слабосильной «Культуры»: государство куда престижнее поддерживать свои интеллектуальные меньшинства, которые в итоге его же и кормят, чем вкладывать деньги в индустрию развлечений. Заниматься последним и так масса охотников.

Алексей МОКРОУСОВ

Как я убил вечер (в Америке)

WBBM. Публичный. Сериал «Всем нравится Рэймонд» — семья с сыном-шалуном. Тупые лица актеров и преувеличенная мимика. Записанный смех. Губительно действует на мозговые клетки.

AT&TLO. Телемагазин. Две синтетические аккуратно всклокоченные красавицы в скромнейших джерси напористо толкают книжку, купив которую, клянется одна из них, через год накопишь на полковничью пенсию. Выключая звук, чтобы прекратить стрекотание, — и картинка стала абсурдной. Девушки закатывают глаза, выпячивают губы трубочкой, раздувают щеки и помогают себе руками.

WCW (NBC). Сериал о полицейских-судейских. Заглавная — молодой помощник прокурора, девка с бюстом, бедрами и роскошными глазами-миндалинами. Она создает совершенно нерабочую обстановку в зале суда. Я иногда застремлюсь на этом канале, не вникая в

смысл, а просто следя за мельтешением знакомых лиц. Реклама — каждые пять минут.

WGN.NEWS. Круглосуточные местные чикагские новости. Сейчас — приметы молодого чернокожего (цвет кожи убран в тень), задушившего девушку на Вест-сайде. Чуть погодя реклама красного доджа «Неон» с нулевым финансированием.

PBS. Публичное вещание. Фильм про художника, весь в золотисто-желтых тонах. Действие в начале века. Старые авто, словное нижнее белье. Половой акт, оборванный оператором на отстегивании чулочных резинок. Британский акцент.

FOX. Бейсбол. Крупно: морда мэра Нью-Йорка Руди Джьюлиани, болеющего за родную команду «Метс». Комментатор говорит тоном Левитана, объявишись о начале ВОВ. Метсы выигрывают. Мэр тискается с комиссаром команды.

PAX. Киношний. Б-муви. Фильмы независимых компаний со скромным бюджетом и разными забавными гнусностями. Только что славная блондинка старалась удушить кого-

то ремнем, но не справилась и была отправлена с седьмого этажа.

WFBT. Корейский христианский. Майор американской армии на чистом корейском языке повествует о подвигах, о доблести, о славе.

WCSC. Программа Би-би-си. Новости из Афгана. Английская журналистка с лицом Михаила Кольцова профессионально-сердобольно рассказывает, как трудно быть афганцем.

Далее со всеми остановками: BLTV. Коммерческий. Все об инвестиционном. MSNBC. Новости и анализ. COUR. Полицейский сериал. CNBC. Новостной разговорный.

На онемевших ногах бреду в спальню. Мысли в голове сменяются со щелчком, как каналы. Будь моя воля, надо было досмотреть «Гэтסבי». Нет, «Тита»... или про Гитлера с женой, иногда забегая на CNN, узнать, как там наши воюют. Чертово «спать!» Вся программа впереди, полная чудесных живых картинок... сколько средств от изжоги пройдет мимо... сколько тампонов... надо бы сбросить вес...

Александр ГЕЗЕНЦВЕЙ

Есть особый вчерашний шарм черно-белого телевизора. Того бабушкиного «Темпа» под салфеточкой, так похожего на ящик для рукоделия. В нем все в три раза медленнее, дикторы похожи на психотерапевтов и в детское время называются «тетя» и «дядя». В нем нет новостей, нет взмыленных ведущих, реклама холодильника «Бирюса» раз в день, и все рано ложатся спать. В кабачок «13 стульев» захаживают сексапильные куколки и взъерошенные идиоты из Театра сатиры, а «а-ну-ка-девушки» с толстыми коленками соревнуются в замесе теста для кулебяки и танцах «ча-ча-ча» с красивыми партнерами только что с витрины парикмахерской. Лепота.

Русского человека от этой ностальгии худо-бедно удерживает советская власть. Убожество дневной сетки, мамина школа и встреча юнкоров телестудии «Орленок» с Урхо Калева Кекконеном.

У американцев и того нет. Им, нервным, иногда так охота соскочить из дикого сегодняшнего дня туда — к улыбкам, кухонным рецептам и большими рекламными пузырям вокруг тюбика зубной пасты. Так появился фильм «ПЛЕЗАНТВИЛЬ» — про современного мальчика, сбегающего в черно-белый сериал 50-х. В мир без унитазов, пожаров, катаклизмов, мир, где мама ничего не знает о сексе и уверждает, что нет такого слова — «клево». Где на книжной полке стоят одни обложки (содержание в кадр все равно не попадет), кобура у полицейских пустая (она ж только для виду), а черно-белые девушки от внимания смущаются и внезапно расцветают розовым к ужасу окружающих.

Туда мы с тобой непременно должны однажды вернуться.

Только вот бытовых сериалов у русского человека нет. Одна ему дорожка — к черно-белым разведчикам: Тульеву, Клоссу, Кольцову.

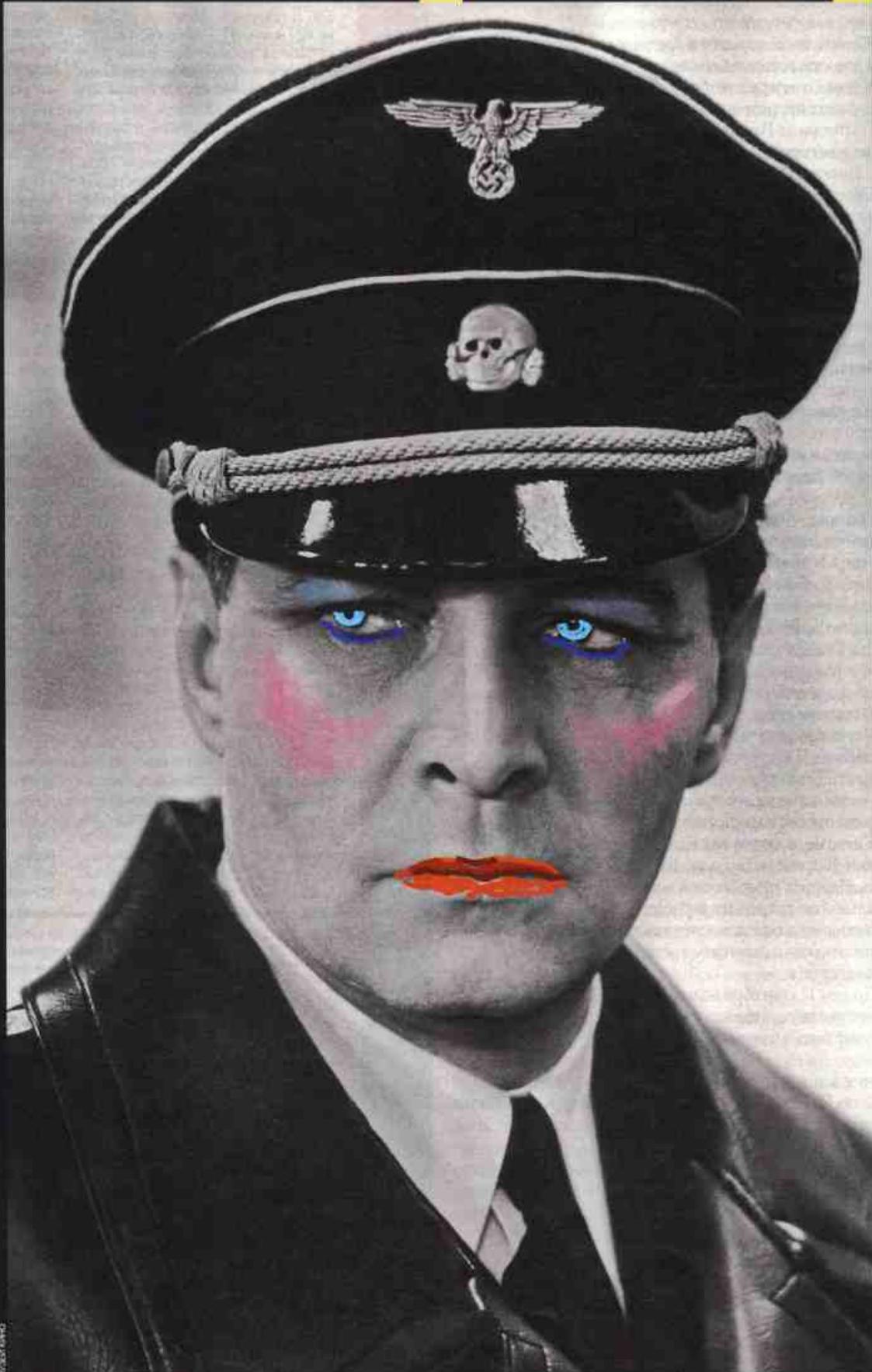
Лучше всего — к Штирлицу.

ПО ПОДРОБНОМУ
ПОДРОБНОМУ

НАШ

Денис ГОРЕЛОВ

ШТИРЛИЦ

МЫРЛИЦ

Вообще-то скюкет «Хождение пиона в сказку» придумали русские. Новый Гулливер, Волька и Алеши, Оля и Яло, Петя и Красная Шапочка здорово потрудились, чтобы реформировать былинный средневековый абсолютизм в более-менее пристойную республику здорового детского смеха. Русский всегда больше сердится на прошлое и будущее. Когда за тот же скюкет взялись недовольные современностью американцы, получился «Плезантвиль». Эскапистская утопия о бегстве двух тинейджеров из гнусного сегодня, в котором СПИД, сплин, смог и Саддам, в черно-белый сериал 50-х, где мама ничего не знает о сексе и зовет старшес-классницу-дочь «моя тыквичка». В мир с рулетиками, отличными отметками и кисиками по имени Настурция.

ОРТ показало фильм через день после отличных украинских стрельб и за сутки до второй «бури в пустыне». Русский человек понял, что некуда ему бежать от родных пожарниц, кроме, как в берлинскую весну на подъезд к Штирлицу.

Самое здоровское — там все говорят по-русски, не надо повторять всякие спряжения и плюсивамперфекты. Затем в «Элефант», «фрау Заурих, мое почтение, Герман, пару светлого» — и к окну, никому до тебя дела нет. Можно было бы газету взять, но они почему-то все на немецком, а прочее чтиво — либо шифровальные книги, либо личные дела штандартенфюреров — однообразно очень.

Зато там есть фрау Набель, замечательная такая фрау Набель, беленькая ласточка-молчунья в черной щели. Она, конечно, влюблена в Штирлица, но он все время занят отторжением Восточной Европы от НАТО, а она все время печата-

ает-мэдсестра, чтоб жалостней было и еще чтоб можно было выдать себя вологодским акцентом). В общем, если грамотно подойти, девушки ждут великие открытия. А если она под это дело вдруг расцветет розовым румянцем на общем сером фоне и прокажие группенфюреры станут оглядываться, всегда можно сослаться на тяготы войны и недоедание.

Больше все равно делать нечего. В кино идет сплошное «Добче вохеншау» и «Девушка моей мечты», причем не целиком, а только эпизод, где толстая Марика танцует на лестнице. В шестом ряду непременно сидит Штирлиц, все никак связника не дождется. Немцы давно привыкли и ходят туда, как в церковь, ритуально: «Гутен абенд, герр Штирлиц!». В самой церкви стремно, туда постоянно со стаей врывается Кальтенброннер коронует своего почечного доктора, который по совместительству брат Плейшнера и предыдущий связник Штирлица. Все очень, очень переплетено, как и положено сериалу. На самом деле вон та белокурая тетка, которая каждую седьмую серию приходит в «Элефант» поглядеть в глаза Штирлицу, — его жена. Все это знают и отворачиваются, чтоб не мешать. В этот момент, кстати, всегда нужно сваливать — Штирлиц непременно расчувствуется, будет много курить, не продохнешь. Сходить, что ли, в Зоологический музей, Борман туда все равно не приедет. Из других развлечений — одна подземная тюрьма гестапо, но это, спасибо, уж лучше вы к нам.

Гестапо можно совершенно не бояться: у них у всех пустая кобура, а у патрулей реквизитные автоматы из цельного куска железа. Пистолеты стреляют только у положитель-

месте; главное, не споткнуться о белые буквы «Швейцария, Берн», а там — гуляй не хочу. Улица безлюдная, хозяин книжного магазина ко всему привычный — то цветочные горшки туда-сюда переставляют, то добрым людям проходу не дают, то профессор Плейшнер из окна выпадет, нехорошая улица, что поделаешь. Входишь в подъезд, где эти жлобы в шляпах раскуриваются, ствол вперед, они синхронно хватать за под мышки, а там в крайнем случае реквизитная накладка, чтоб оттолкнувшись, — вот удивленные у них будут рожки, как у Клауса, Рольфа и Барбары, когда их будут валить каждого с одного выстрела (ничего патронами сорить); ах-ах, «вы ошиблись адресом» — нет, сука, это вы ошиблись, по чужим явкам шастать. Надо было мне еще раньше прийти, когда вы профессора учили кофе холодной водой запивать, вместе бы оттянулись.

На обратном пути завернуть к Даллесу, сказать, что усы с трубкой — признак не мужественности, а короткого ума, тому примеров тьма, хотя бы Говорухин. Что наши его в этот раз сделали, как мальчишку, и еще десять раз сделают — хоть в Карибском кризисе, хоть со стеной, и Гафт с Эйбженкой ему не помогут. И чтоб не думал в мемуарах звать ЦРУ самой выдающейся разведслужбой мира, терпеть не могу вранья. Он, конечно, спросит, что такое ЦРУ, но на это надо сказать: «Ты, мужик, запомни мои слова, а в 49-м поймешь». Даллес там по-русски тоже отлично догоняет.

Обязательно плюнуть в Сталина — он в 12-й серии диктует шифровку для Рузвельта и всячески корчит из себя порядочного. Ему тоже сказать про усы и трубку — пусть

ЧЕЛОВЕК В ПЛЕЗАНТВИЛЕ

ет на машинное, есть о чем поговорить. Что дальняя канона-да, которую она слышит всю свою 12-серийную жизнь, — это только цветочки, и пусть молится, что серий всего двенадцать и войска Второго Белорусского для нее навеки затормозились в районе Пилау, а танки Баграмина все никак не проедут Восточную Пруссию. Что, вообще-то, немцы совершили великую гнусность, и отдельные обаятельные штандартенфюреры, засланные Генштабом РККА, не меняют общей нелюбоприятной картины. Ну и дальше про погоду — она, кажется, раннюю весну любила, лиризм-журавли. Видимо, фрау Набель, как и все сериалльские, по-прежнему уверена, что любовь — это прогулки по лесу со вздохами и смиренное прослушивание штирлицевских ноктюрнов, когда он дома и в кофте (радисткины бейбенки не в счет, их приносит

ных, у Гельмута да у Штирлица, если б Штирлиц об этом до-гадывался, он давно бы всех перестрелял и водрузил Красное знамя над Рейхстагом. В смысле темно-серое со светленьким серпом-молотом. Но не стоит его разочаровывать, пусть еще погорействует. Недолго осталось, апрель на носу.

С прочими надо что-то делать, однозначно.

К радиостке не лезть, а то кто ж потом по Берлину будет с детскими кульками бегать, надо же и Штирлицу когда-то поволноваться, не дома. Все у нее и так будет отлично — понервничает и перестанет. Мальчик не простудится, а всех, кого надо, шлепнет Гельмут.

Вот Плейшнера спаси следует, вреда от него все одно никакого, а старика жалко. Тем более до Цветочной улицы от Александерплац рукой подать: завернул за угол — и на

помучится. Пусть бубнит: «Абыдно, паньмаишь, абыдно. Ну ничего еще в этом фильме не сделал, только вошел...»

Катю с бейбетами — в Швецию, пастора на лыжах — в Швейцарию, физкультура полезна, провести с ним разъяснительную беседу о поп-музыке — помнится, старик как-то не по делу катил на Эдит Пиаф. Научить Габи песенкам Sweet dream baby и Crazy man, crazy («Девочка созрела»), а то она в каком-то сплошном минире. Проследить, чтоб физика Рунге близко не подпускали к работе, в кино всякое случается, еще придумает Гитлеру бомбу. За этими «членкорами по фамилии Петров» (как пел Борман) глаз да глаз.

Не забыть взять автограф у Тихонова с Табаковым, пусть черкнут что-нибудь на салфетке по-арийски.

Потом выставим на видном месте в «Планете Голливуд».

Недвижимость, 2001

Марк Гросс, Франция

Жан-Франсуа Леру

Мишель Липшиц, Франция

Фестиваль умер, да здравствует фестиваль!

Наталья УДАРЦЕВА

Ловлю себя на том, что сравниваю. Францию и Россию. Русских и французов. Русских и американцев. Русских и немцев. Пытаюсь понять наше сходство и различие. Вот и два фотофестиваля, на которых мне этой осенью удалось побывать, сравнивать. Не оценочно, а скорее — на уровне ощущений.

13-й международный фестиваль фотожурналистики Visa pour l'Image. Перпиньян. Юг Франции. Сентябрь.

7-й московский международный фестиваль профессиональной фотографии «Интерфото — 2001» при поддержке Союза художников РФ, студии «Артографика» и Фонда защиты дикой природы. Москва. Россия. Октябрь.

Visa проходит под патронажем Министерства культуры Франции ежегодно в одно и то же время с 1 по 9 сентября. Удобно. Можно заранее все спланировать. Фестиваль «Интерфото» конкретной привязки ко времени не имеет, может быть летом или осенью. В этом году — с 11 по 13 октября. Не очень удобно.

Перпиньян — средневековый город, похожий на лабиринт. Почти десять дней по нему толпами бродят фотографы, фоторедакторы, туристы, в целом по численности не уступающие числу перпинянских жителей. Основные мероприятия — в Palais des Congrès, в отеле Pams, в Campo Santo, Convent des Minimes и в других не менее древних сооружениях — строго расписаны: с утра пресс-конференции, потом общение фотографов с агентствами и бильд-редакторами, друг с другом, выставки, слайд-шоу, которые ведет ироничный директор фестиваля Жан-Франсуа Леру. Через несколько дней все друг друга знают и радостно приветствуют, ставясь на узкой улочке или на выставке. Приятно.

Приятно было увидеть портрет огнековца Дмитрия Бальтерманца на огромном экране слайд-показа в первый же вечер фестиваля — рассказывали о тех, кто был участником и призером тридцать лет назад. Грело, когда «Огонек» называли «Париматч рюс». Приятно было, когда фотограф АР Мишель Липшиц объяснял знакому, что спешит на интервью журналу «Огонек».

На открытии фестиваля «Интерфото» 10 октября было немноголюдно. Все было просто и по-домашнему. Выступил директор и основатель Люшин Перкинс, выступил представитель генерального спонсора Сапоп, потом еще кто-то, и все разбрелись по залу смотреть выставки и общаться. Фонд защиты дикой природы представил работы 26 фотографов, в том числе таких известных, как Сара Мун, Мартин Парр, Аббас, Токио Ито. Агентство REUTERS — работы своих фотокорреспондентов, снятые цифровыми камерами. Нынешний фестиваль шел под лозунгом: «Земля и небо: мир в цифровом фокусе». Потом три дня проводились семинары, посвященные цифровой фотографии. Свои слайд-программы показали: фотограф-легенда Вадим Гиппернейтер, Мартин Парр из Англии, Майкл Николс из США (National Geographic), Лена Карин из России, Стив Маккари из США (Magnum Photos) и другие.

После поездки в Перпиньян мир, казавшийся до этого огромным, скучился до размеров окна в компьютере. Пришло много писем и фото из разных точек планеты.

После «Интерфото» захотелось помечтать. Вот наберет силу наше американское «Интерфото», сможет проводить фестивали более длительные и насыщенные разными темами. Появятся мастера пресс-фотографии на конкурс. Поймут наконец, что это конкурс и для них. Снова появятся крутые премии и призы. Примкнут к фестивалю и станут его спонсорами не только российские, но и многочисленные зарубежные фотоагентства, толстые и тонкие иллюстрированные журналы. Приедут на фестиваль толпы иностранных и российских фотографов, и в перерывах между семинарами и слайд-показами выстроится длинные очереди из иностранцев с портфолио — к столам бильд-редакторов российских фотоагентств и журналов, из наших фотографов — к представителям зарубежных фотоагентств и журналов. Может, и «Огонек» столик найдется. И не захочется никуда ехать в поисках полной фотокартины мира. Даже на юг Франции.

ПРЕМЬЕРА ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРИЛОГИИ НА ОРТ
4 НОЯБРЯ В 19.25

ФРЭНСИС ФОРД КОППОЛА

Крестный
отец
The Godfather

МАРЛОН БРАНДО, АЛЬ ПАЧИНО, ДЖЕЙМС КААН, РОБЕРТ ДЮВАЛЛ, РИЧАРД КОНТИ, ДАЙАН КИТОН
в фильме «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ»
Сценарий: МАРИО ПЬЮЗО и ФРЭНСИС ФОРД КОППОЛА
Режиссер ФРЭНСИС ФОРД КОППОЛА
Композитор НИНО РОТА

A close-up photograph of a woman with long, wavy, reddish-brown hair. She is holding a violin and bow, looking down at the instrument with a thoughtful expression. The background is a soft-focus pink.

OHAB

— П — Р — І — П — К — П —

— Яблочный? Томатный?

Апельсиновый?..

— Молодой человек! Передайте, пожалуйста, вот это командиру экипажа...

Надо было видеть лицо стюарда! Красотка, протянувшая клочок бумаги, конечно, мало походила на террористку, однако чем черт не шутит. Самолет держал курс на Нью-Йорк. До потрясшей мир американской трагедии оставалось несколько недель...

— Ой, да не дрожите вы так! — прошептала она. — А то заметит Золотухин...

Ну, теперь останется самое сложное: уговорить ее не вымарывать рассказанное в порыве внезапной откровенности. И так уже многое оказалось за скобками.

Помню наше первое интервью осенью 99-го для статьи о молодых таганковских артистах. Как она держала дистанцию! Как фильтровала, как взвешивала слова. Немка! Но с той поры, к счастью, многое изменилось. Мы подружились. Я даже успел побывать в ее постели. Но-но! Это не то, о чем вы подумали. Просто в последний день прошлогодних гастролей Таганки в Авиньоне как-то незаметно за душевными разговорами и хорошим вином мы засиделись в ее номере до первых петухов. Ли богема! Пора и честь знать. Тем более г-ну журналисту, я ведь единственный из нашей маленькой компании жил в другом отеле. «Куда ты пойдешь? Оставайся!» — сказали они с Золотухиным одновременно. «Да тут идти пять минут!» — «Оставайся», — говорят. «А как же вы?» — «А у нас на двоих два номера», — объяснили непонятливому. И ушли. Усталые, влюбленные и почти трезвые.

Прежде чем провалился в сон, подумал: когда-нибудь обязательно напишу об этом «театральном романе», где все запутано, безнадежно, скандально и в то же время так прелоно просто, так искренно, так нежно. Напишу, если, конечно, позвольт его героям. Осталось самое трудное — уговорить Иру Линдт.

Но вернемся к побледневшему стюарду. На протянутом листочке чернело несколько торопливых строчек: «Уважаемый экипаж! На борту вашего самолета — московский Театр на Таганке. Нашему ведущему артисту Валерию Золотухину вчера исполнилось 60 лет. Поздравьте его, пожалуйста, по громкой связи!»

Золотухина, конечно же, поздравили. И даже презентовали ему литр «огненной воды». В салоне грянули аплодисменты. «Хороший у вас менеджер, Валерий Сергеевич!» — сверкнула глазами Линдт. «Неужели твоя работа? Ну, бэби...» — он почему-то называет ее на английский манер — бэби, мальш то есть.

Когда мы улетали с тех авиньонских гастролей, в аэропорту к Золотухину бросилась какая-то провинциальная мадам с «мыльницей» — узнала, щелкнемся на память. «Девушка, давайте и вы с нами! — потянула она за рукав юную спутницу народного артиста. И уже по-свойски так, на всю Ниццу: «Это ваша дочка, Валерий Сергеич?» — «Это моя внучка!» — проворчал Бумбараши.

— У меня к тебе, Ира, собственно, всего-то два вопроса и будет: как твое самочувствие после травмы и чем ты сейчас занимаешься? Но прежде чем отвечать начищу, я для тех, кто ничего о той жуткой истории не слышал, процитирую кусок из прошлогодней огоньковской статьи «Без страховки»: «Беда случилась в воскресенье, 16 января, на утренней репетиции шекспировских «Хроник». 25-летняя Ирина Линдт — одна из самых красивых и перспективных актрис Москвы, к ней пресса и публика все чаще стали приключать слово «звезда» — сорвалась с металлической конструкции. С высоты то ли двух с половиной, то ли трех метров... <...> Из воспоминаний очевидцев: «Она упала набок, как кукла. Первое ощущение — все. Представляешь наше состояние: народу много, все готовы помочь, и никто ничего не может сделать. — Не трогать! — закричали монтировщики. — Не смеять трогать!» Пока ехала «скорая», вся труппа столла в шоке. Ирика лежала без сознания, потом застонала и стала теряться виском об пол. На полу образовалось кровавое пятно...» Ее увезли в «Склиф», в реанимацию. На следующее утро выяснилось, что все оказалось лучше, чем могло быть. Диагноз: сломана правая лопатка и сильное сотрясение мозга».

— Все правильно. А еще рваные раны головы, вывихи ключицы, разрыв плечевых связок, многочисленные ушибы. Только по горячим следам диагноз мне поставили неполный. У меня еще был компрессионный перелом позвоночника, а это определили спустя десять месяцев, когда он уже сросся.

— Прости мою дремучесть медицинскую: компрессионный — это как?

— Это когда позвоночник сплющивается. Поэтому я должна была полтора месяца лежать, ни разу не согнувшись, тогда бы все обошлось, да кто знал... Теперь я абсолютно в форме, но мне пришлось так накачать спину и живот, чтобы они компенсировали недостаток прочности позвоночника. Сила мышц должна быть, как у спортсменов. И вес нельзя набирать.

— Травма сильно отразилась на твоем характере?

— У меня что-то резко поменялось внутри... Прошлым летом в Италии, я там два месяца на стажировке была, разговорилась с одной русской девочкой. От нее как раз ушел любимый мужчина, итальянец. И она так рассуждала: «Человек, Ириш, к любой физической боли привыкает, приспособливается, не страдает. А вот когда душа болит, когда любимый бросил... Это неизлечимо!» Я

присутствии любви и смерти

**Актриса
Ирина Линдт:
характер нордический,
выдержаный**

слушаю ее и думаю: какая ты дура... Да еще полгода назад мне хотелось вскочить с больничной койки, разбежаться и разбиться о стенку вдребезги, лишь бы не чувствовать этой телесной боли. Только тогда я поняла: нет ничего страшнее, когда не знаешь, что с тобой и что будет дальше? Ведь у меня двигалась только одна рука. И не знаешь, как бороться с этой болью. Тебе говорят: наркотики вредно, нельзя, а ты, как наркоман, дергаешь колокольчик, чтобы пришли и сделали укол... И вот тебе хорошо. Часа на четыре засыпаешь. Потом опять просыпаешься от боли. В те моменты во мне что-то и поменялось. И сны мне стали сниться...

— Какие?

— Есть такая детская примета: если едешь под мостом, а над тобою проезжает поезд, надо быстро загадать желание, и оно сбудется. Дурацкая, да? И мне снилось в больнице: еду я на своей машине, надо мной поезд загрохотал. И я загадываю... Обычно ведь мучишься: чего загадать — это или то? И пока думаешь, гадаешь, прикидываешь — ах, опять не успела! А тут раз, и моментально загадываю: чтобы я и все мои родные и близкие были здоровыми! Хоп — и проезжаю дальше. Утром просыпаюсь, ошарашенная этим сном. Ну никогда в жизни мне не приходило в голову, скажем, у Сте-

— О наших отношениях с Золотухиным столько насочиняли и наврали, так что пусть уж появится информация из первых рук...

У меня ситуация нестандартная. И если бы я могла выбирать сама, то выбрала бы другую. Если бы не было его инициативы, я бы никогда ничего не предпринимала...

Мария
Золотухина

ны Плача в Израиле записочку оставить: чтобы я была здорова. Чего здоровье загадывать? Я и так вроде здоровая.

— «Природа сильней человека», — так ведь говорит маркиз де Сад в вашем знаменитом спектакле. А здоровье — важнее карьеры, успеха, ты же не будешь с этим спорить?

— Переживаний, слез, чего-то такого по поводу работы у меня уже не возникает. Я могу болеть за работу, стремиться сделать ее лучше, но это при абсолютно холодном рассудке. Мне уже дали понять: все зависит не от меня, а от судьбы. Можно строить планы на что угодно, но в один прекрасный момент упадешь с забора. И все твои планы... Поэтому я делаю то, что зависит от меня, в остальные вещи просто не лезу. От меня зависит что? Я должна была сейчас сыграть премьеру. И сделать это максимально профессионально. А остальное — кто, как и с кем будет договариваться — мне, конечно, важно, но плакать не буду.

— Я, конечно, лукавил, говоря, будто не в курсе, чем ты сегодня занимаешься. Знаю, знаю! Но читателям надо объяснить, о какой премьере, о каких договорах идет речь и почему прокатились слухи, будто ты уходишь от Любимова...

— Мне предложили сыграть в мюзикле «Норд-Ост».

— Это где «каждый вечер на сцену садится самолет-бомбардировщик в натуральную величину»?

— Садится. Утвердили меня в первый состав. Мюзикл будет идти, как на Бродвее, каждый день, и всех занятых в нем актеров обязали уволиться из своих театров. Я же, когда подписывала контракт, честно сказала: из Театра на Таганке уйти не могу. Ситуация такова, что я должна играть там хотя бы один спектакль. И привела им массу доводов. Я подведу и Любимова и своих коллег. Это будет дурной поступок с моей стороны, профессия мне за него отомстит.

— Понятно, что незаменимых не существует, но без тебя «Марат-Сад» будет уже не тот... Ну а почему ты пошла играть «на сторону», тем более при таких условиях?

— Я очень долго не играла, належалась на больничной койке, у меня давно не было премьер. А что такое для актера премьера, ты, надеюсь, понимаешь... Второе, а может быть, и первое: мне понравился материал. Взят роман Каверина «Два капитана». Там есть все, что должно быть в мюзикле: любовь, предательство, смерть, война, ненависть, страсть. Корабли, самолеты. Дети... И музыка, которую написали Иващенко и Васильев, производит мощное впечатление. Сюжет очень мелодраматичен, но не в сторону пошлости, а — наива. Зрители будут и смеяться и плакать...

— Это мы еще посмотрим.

— Ну а в-третьих, занятость на Таганке такова, что у меня есть только один спектакль без дублеров. И я не удовлетворена количеством работы. Я не знаю, какие планы у Таганки и есть ли в них место мне.

— Вся Москва знает, а ты нет! Да у вас все планы на фасаде написаны: «Фауст» Гете!

— Я слышала. Но распределения ролей еще не было.

— Хорошо, пусть «Фауст» — журавль в небе, так тебя же могут ввести в любой спектакль. Юрий Петрович, я на сто процентов уверена, тебе не откажет...

— Почему ты так думаешь? Может и отказать. Легко! А я просить никогда не буду. И ввод — это же не премьера.

— А ты, значит, хочешь быть премьершей? Чтобы было поставлено на тебя, да? Эх, тщеславие актерское...

— Да не тщеславие это! У меня слишком мало времени. Я не знаю, как долго еще смогу работать на сцене. Плечо болит иногда. Спина болит всегда. Стоит мне прислониться к твердому, я чувствую — что-то не в порядке. Может, мне придется через пять-семь лет сменить профессию? И кому я буду нужна, если не смогу нормально двигаться?! А как поведет себя эта травма, никто не знает, даже врачи. Бывает, люди живут всю жизнь, а бывает... Поэтому моя задача — сделать как можно больше. Успеть как можно больше сыграть. Мое время сокращено! А затем с «Норд-Остом» мне кажется многообещающей, масштабной. Мне важнее сыграть премьеру «на стороне», чем играть репертуар у себя. Пойми: у меня мало времени! Жить мне осталось недолго. Это шутка...

— Ты, пожалуйста, с такими вещами не шпути. Слово — сила. А сколько у кого осталось времени, разлила ли Аннушка масло или нет, этого никто не знает. Но тебе двадцать семь, а Любимову восемьдесят четыре, и его часы идут быстрее. Стоило ли ради премьеры идти с ним на конфликт? Еще неизвестно, что из вашего «Норд-Ост» получится...

— Не было никакого конфликта. Юрий Петрович человек мудрый, он все понял и дал мне отпуск за свой счет... Разница в том, что Любимов все главное в своей жизни уже сделал и все доказал. Ему уже не надо думать о куске черного хлеба. А я... А мне... У меня нет ни семьи, ни детей, мне это все нужно. И я боюсь встретить старость в нищете и одиночестве.

— Убедила. Кстати, ты расположена поговорить о так называемой личной жизни? О ваших отношениях с Валерием Сергеевичем?

— Увы, расположена. Хотя еще недавно я бы ответила тебе словами Лермонтова: «Я не хочу, чтоб свет узнал Мою таинственную повесть; Как я любил, за что страдал, Тому судья лишь Бог да совесть!..» Об этих отношениях столько насочиняли и наврали, так что пусть уж появится информация из первых рук... У меня ситуация нестандартная. И если бы я могла выбирать сама, то выбирала бы другую. Не хотела бы я влюбляться в такого человека и представлять себя в такой роли. Если бы не было его инициативы, я бы никогда ничего не предпринимала... Но с годами все больше становилась фаталистом. И принимаешь правила этой жизни, ее драматургию. Я любила всего один раз.

— Ты говоришь сейчас о ком? О Золотухине? Он первая твоя любовь?

— Да. И на данный момент единственная. Сначала у меня был страх: как это вообще могло случиться? Во мне такая ломка происходила. Это как лестница вверх, ведущая вниз. Со мной никогда же подобного не было! Ужас чудовищный! Я представляла все последствия: тридцать три года разницы, он народный артист, женат, я девочка после театрального училища. Значит, будут про меня говорить: это вот такая бледая, которая спит с известным человеком, чтобы сделать себе имя! И все мои удачи будут приписывать ему: он ее протащил, он пристроил. И это, я думала, погубит мою карьеру. А что я скажу родителям?

— А теперь?

— Отцу и маме хватило мудрости меня понять. Теперь я не ощущаю его возраста. Он для меня ни старый, ни молодой, ни красивый, ни некрасивый. Понимаешь, да?.. После его дневниковых откровений говорили: он плохой. Но все, что у него есть плохого, оно присуще почти всем людям, просто Золотухин об этом говорит, а другие нет. А то, что в нем хорошего, присуще далеко не каждому. Таких людей очень мало. С ним даже поссориться невозможно! А такие энергия и одержимость, как у него, не у всех молодых бывает. Однажды у меня сломалась машина: остынет, а утром не заводится, но если ее прогревать через каждые три часа, все в порядке. Так он ночью ставил будильник, спускался, прогревал, ложился спать. Через три часа снова вставал. Что это? Как это? Я просто не понимала!. Когда я болела, ему сказали, что меня слазили, мол, поэтому и упала на репетиции. Кто-то ему такое ляпнула. И он усыпал спросил, что делать.

— У старшего? У священника?

— Да. И тот дал ему молитву от глаза. Эта молитва читается в определенный час ранним утром. И читая, надо несколько раз подуть на больное место. Золотухин это все изучил. Он просыпался, сидел надо мной, думая, что я сплю. А я слышала, как он читает молитву и дует, отворачивалась и плакала... Сейчас он для меня человек абсолютно родной. Это уже не та любовь, что была раньше. Я его не воспринимаю как отдельно от меня существующее. Это часть меня. И когда говорят: ты что, как ты могла, надо же думать! Умом-то я понимаю, но представить себе, что его вдруг нет, что он начинает жить своей жизнью, а я своей, не могу. Что будет дальше, не знаю. И думать об этом не хочу. Как Богу будет угодно.

*— Вот ты спрашиваешь:
не страшно ли играть смерть,
играть со смертью?
Раньше меня все время мучил
вопрос: зачем жить, если рано
или поздно все равно умрать?
Просто до слез доходило.
А после травмы я окончатель-
но излечилась от этой мысли.
Надо просто нести свой крест.
Просто нести свой крест...
«По бокам — ангелы,
над головой — архангелы...»*

— Ты не боишься, что твоя героиня в мюзикле, вдова капитана «Св. Марии», убивает себя? Ведь актеры обычно отрекаются от ролей с трагическим финалом...

— А я, прежде чем выйти на сцену, говорю: «Впереди Иисус, сзади Богородица, по бокам ангелы, над головой архангелы». Так меня одна женщина научила, ясновидящая. Внушила себе: это не я, это роль. А смерть... Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в пути... Мне было пятнадцать лет, мы ехали с родителями из отпуска обратно в Германию, где служил отец. Была остановка в Бресте, я выпила сока, съела мороженое. И отравилась. Состояние, близкое к клинической смерти. В вагоне оказался врач, он бил меня по щекам: «Открой глаза!» — а я не могла их открыть, и всю эту картину наблюдала как бы со стороны. Врач вздохнул: «Она не доедет...» И поезд остановили прямо в степи, уже на территории Польши. Подъехала «скорая», меня отвезли в больницу и откачивали... А до этого моя бабушка трижды спасала мне жизнь. В шесть месяцев случилось воспаление легких. Врачи сказали: требуется такое-то лекарство, оно дефицит, если найдете, девочка выживет. И тогда бабушка выголисала отца и деда на улицу: «Идите. Пока не принесете, двери не открою». И они где-то ездили весь день, и оба вернулись с нужным лекарством. Второй раз, когда мне было года два, мама купала нас со старшей сестрой. Купала, а после кричит отцу: «Витя, принеси полотенце!» А папа на площадке курил. Она психанула и пошла телевизор смотреть. И бабушка услыхала, что моя сестра заплакала, вбежала в ванную, а я уже попой кверху плаваю. Она скватали, еле откачала. А после поколотила и папу и маму!

— Героическая бабушка...

— Она просто мой ангел-хранитель! В детстве меня родители звали Капустным Вилочком. Шутили, будто я не их ребенок, в капусте нашли. Молодые, глупые. А я плакала. И у меня после всю жизнь было желание доказать, что я лучше, чем Наташка: вот у меня все пятерки, а сестра дневник под кроватью прячет... В общем, из-за этого «Капустного Вилочка» я всерьез решила прыгать с пятого этажа. Лет пять мне было. Села на подоконник, обняла раму. И тут телефон затренькал — бабушка. В субботу, говорит, приезжайте к нам на пироги, с ночевкой. А пироги у бабушки, да с ночевкой, — это было для меня самым большим счастьем. Как же, думаю, я спрыгну и пирогов не поем? И закрыла окно... ■

РЕДАКТОРЫ

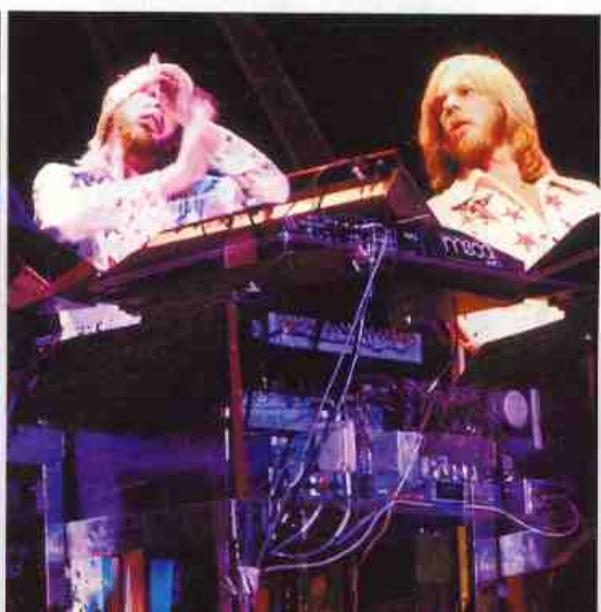
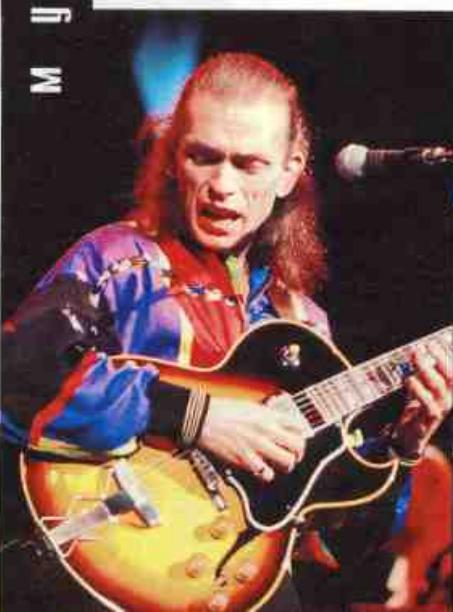

МУЗЫКА

СЭР

31 октября в Кремле
состоится
единственный
концерт легендарной
рок-группы

Сергей Кастальский

Оказавшись перед зеркалом поутру после впечатляющей проведенной ночи, лишенный предрассудков мужчина неуверенными движениями ощупывает щетину, долго рассматривает гаращащийся на него из-под амальгамы пельмень и оглашает эпикриз: «Н-да». По-английски это означает «yes». Собственно, когда в 1968 году в английском Бирмингеме пятеро вполне молодых людей решили организовать рок-группу, при выборе названия для нее они руководствовались примерно такими вот наблюдениями и именно такими вот ощущениями. Они вовсе не были пьяницами и гуляками в нашем понимании этих славных профессий, но они были англичане, а для англичанина паб начинается в четырнадцать лет, и все его, паба, прелести, приятности и восхитительные последствия играют в жизни столь же основательную роль, какую в нашей прежней исполняла прима по имени КПСС.

Но прежде всего они были чудовищно прозорливы — вряд ли в 1968 году группа Yes планировала попасть в XXI век с музыкой эпохи хиппи и аранжировками в духе безумного Артура Рубинштейна, но все произошло именно так, и сегодня Yes в смысле «Н-да» — идеально оправдывают синопсис своего названия: вы просто поглядите на их концертную афишу, всмотритесь в одухотворенные лица, по которым прошла мотыга времени... Вероятно, они уже по несколько раз в день, просто глядя друг на друга, произносят: «Н-да».

Когда Yes заматерили — а это случилось всего через три года после создания группы, — они уже были не просто группой и даже не супергруппой (так в те времена называли сообщества музыкантов-виртуозов, а Yes были настоящими виртуозами), а группой-символом. Deep Purple символизировали тяжелый рок, Black Sabbath рок очень тяжелый, Pink Floyd еще не записали свою сагу про обратную сторону Луны и ничего не символизировали, а вот Yes стали моделью и знаменем стиля арт-рок. Который в нашей стране, казалось, мгновенно заменил собой все музыкальные направления, по которым еще совсем недавно сохнарод. Во всех группах, претендовавших на освободившийся после распада Beatles престол рок-музыки, обязательно имелся виртуозный гитарист и пианист, чьи пальцы пальпировали клавиатуру со скоростью машинистки — передовика производства. У Deep Purple был Джон Лорд, у их потенциальных конкурентов имелся Кен Хенсли, мессиры Эмерсон, Лейк и Палмер выдвинули из своих рядов Кита Эмерсона, а в Yes нашелся Рик Уэйкман — гитаристы всех этих групп просто не могли состязаться с Ричи Блэкмором, но вот пианисты имели возможность не только доказать свою профессиональную состоятельность, но и самым решающим образом влиять на творческий почерк своих групп, определять их стилистику и то, что считается самым главным в музыке любого коллектива, то, что называется лицом группы, ее саундом. По-русски, звук.

К середине 70-х годов Yes ужеочно заняли место в высшей лиге арт-рока и, даже несмотря на бешеный прогресс Pink Floyd, Yes если и не возглавляли эту лигу, то

точно входили в ее Top 5 вместе с теми же ELP, King Crimson и Genesis. А дальше произошло то, что обычно случается в искусстве: тенденция, казалось, на века определившая направления и формы развития жанра, вдруг в мгновение ока стала старомодной: панк-рок сметал все на своем пути, и шансы выжить имели только самые талантливые, дальновидные и отчаянные. Yes оказались не готовыми переосмыслить концепцию творчества, они нашли себя и ничего менять ни на себе, ни своей музыке не собирались, и это единственное обстоятельство, имеющее отношение к закату группы: с талантами и прозорливостью все до сих пор в полном порядке. В каком-то смысле арт-рок сам подписал себе смертный приговор, и, даже если бы не появились Sex Pistols и другие бесцеремонные джентльмены, стиль все равно был обречен: клавишники, чьи усилия ценились столь дорого и чьи достижения, собственно, и определили портрет жанра, словно забесились и теперь уже вели между собой соревнование в дисциплине, которая по большому счету занимает в реестре второе место после мелодии, — аранжировка. К концу 70-х — началу 80-х годов все без исключения группы арт-рока занимались тем, что самым тщательным образом маскировали свои мелодические и ритмические находки при помощи синтезаторов и тем самым пародировали самих себя прежних. В Yes этот смертельный номер исполнял Рик Уэйкман, а исполнив, группу покинул; вот уже двадцать лет (мистер Уэйкман несколько раз возвращался в Yes и снова уходил) Yes не могут оправиться от удара, который нанес группе панк-рок, вот уже двадцать лет Yes играют музыку, которую играли предыдущие десять лет, и нет никакой надежды, что они сыграют что-то другое.

Собственно, поклонникам Yes, которые застряли в 70-х, ничего другого и не требуется, как не желают ничего менять в себе и Yes, и, может быть, верность идеалам — это и есть тот самый великий смысл, который все мы отчаянно ищем вокруг себя и в себе, но еще это называется упрямством и даже ограниченностью. К Yes, понятное дело, нехорошие слова отношения не имеют, но из года в год выпускать одну и ту же пластинку, в которой если что-то и меняется, так только аранжировка, погубившая целый стиль, — это, наверное, некое послание нам, и, скорее всего, это мы чего-то не понимаем. Чуть больше месяца назад Yes записали новый альбом «Magnification», для создания которого привлекли симфонический оркестр — это еще одна версия большой красивой старой песни, вот только мелодию ее теперь вообще не слышно за шквалом струнных и духовых. «Металлисты» Scorpions и Metallica в сопровождении музыкантов в обезьяничьих костюмах при бабочках звучат на удивление свежо и оригинально, а вот музыка Yes (у словосочетания «арт-рок» имелся синоним «симфо-рок») в механической смеси с симфоническим оркестром производит впечатление, скажем, очень странное. С таким же успехом шахтер мог бы закусывать напитки углем, а летчик ходить в гости с пропеллером — или мы снова что-то не поняли?

Людмила ЛУНИНА
Юрий ФЕКЛИСТОВ
(фото)

Все. Хватит. Надоело. Про ящур, бомбажки и десанты. Поговорим об отрадном. О моде. Стало холодно, и пора покупать зимние «пальто». А самые «отмороженные» ходят на показы летней одежды следующего года. Вот вам и «новые модельеры». Нина и Денис. Самые известные из молодых. Недавно они вернулись из Лондона, где второй год подряд показывали коллекции на Неделе моды – единственные (!) из России

Нина & Денис

без пафоса

— Неужели в моде еще можно сделать карьеру? Со стороны кажется, что отрасль в кризисе, дома haute couture закрываются.

Нина: — Именно сейчас и надо делать карьеру. Очень благоприятный момент, особенно для русских. На Западе все в ожидании новой волны, свежих имен, они уже пресытились японцами, Восточной Европой. Наши с Донисом коллекции собирают хорошую прессу, публика с явной надеждой смотрит на Россию.

— А кроме прессы, вы что-нибудь с заграничных воинств имеете?

Нина: — Заказы. Например, один нью-йоркский магазин заказал нам вещи. Мы их прямо тут, в нашей студии, и шили. И это был ад: мы не видели белого света, сами придумывали, кроили, обметывали швы. «Все, — сказали мы. — Хватит. Это невозможно. Надо искать производство, финансирование, менеджеров». Сейчас, кажется, мы его нашли. Это было очень непросто. В России специфические инвесторы. Они готовы дать, скажем, миллион, но требуют расписку — когда можно получить сумму и дивиденды обратно. Договориться о партнерских отношениях, о том, что мы вкладываем свою интеллектуальную собственность, а они занимаются менеджментом, сложно.

— И как же вы до этого олимпа дошли?

Донис: — Олимп — громко сказано, мы пока на подступах. А начался путь в 87-м году, когда мы оба поступили в Текстильную академию. Нина приехала из города Бутурлиновка Воронежской области. Я с Кипра. Нина с детства хотела стать художником, окончила училище, где преподавала рисование и черчение в школе. Из школы она и сбежала.

Нина: — Все, что угодно, только не школа!

— Ученики доставали?

Нина: — С ними еще можно было договориться. Город наш был маленький, военный, все друг друга знали. Со старшеклассниками мы вечерами на одних и тех же велосипедах гоняли. Ставишь ему на уроке двойку, а он: «Велик тебе не дам!» Или, наоборот, говоришь: «Вот твоя пятерка, но в обмен на велосипед». А учителя действительно были невозможны. Они все время что-то требовали — дисциплины, солидности.

— Ваше, Донис, детство наверняка было счастливей, хотя бы потому, что Кипр — курорт.

Донис: — Да, климат там лучше. Но, вы же знаете, часть острова оккупирована Турцией, в любой момент может вспыхнуть война. Воинская служба на Кипре длится 26 месяцев — дольше, чем в России. И избежать ее нет никакой возможности, если ты, конечно, хочешь в стране жить.

Мои родители врачи: мама педиатр, папа офтальмолог. Мама русская, папа кипriot. Оба убежденные коммунисты. Познакомились в Москве во время учебы. На Кипр мама уезжала, как в ссылку, у нее до сих пор воспоминания о

России... как о фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича». Я знал русский, считал себя русским. Чем дольше я живу в России, тем очевиднее понимаю, что я кипriot.

Родственники ожидали, что я стану врачом, отец готов был дать деньги на учебу в Англии. Но я выбрал дизайн и денег не получил. Пришлось ехать в Россию: как сын российской подданной, я имел право на бесплатное высшее образование.

— И хорошо ли у нас на дизайнеров учат?

Нина: — Могли бы и лучше. От того, чтобы раскрепостить нашу фантазию, никто по большому счету не думал. Но была хорошая школа конструирования. Мы до сих пор отлично кроим, чего (я подозреваю) западные кутюрье делать не умеют вовсе. Там главное — образ придумать, а мы можем свои образы довести до стадии лекал.

Донис: — Мы поступили в 87-м. Сказочное было время. Вроде бы голодное, но жизнь была ключом, атмосфера была творческая, студенты амбициозные. Все так одевались! Просто из кожи лезли вон, чтобы показать свой независимый вкус. А учителя были очень консервативны.

Нас учили, что шить надо только из натуральных тканей.

— И правильно учили!

Нина: — Сегодня мы иногда ходим по дорогим бутикам, где полно синтетики, чтобы набраться наглости, дескать, все можно.

— То, что вы, Донис, иностранец, помогало?

Нина: — А как же! Он приехал на месяц позже, и ему это сходило с рук.

— А вы, наверное, на бархатный сезон оставались?

Донис: — Да, мне совершенно не хотелось в этот холод возвращаться. Или тем более ехать куда-то в российскую провинцию на практику. Я один раз съездил в Новгород — меня там побили. И я понимаю тех, кто был. В этом же городе делать больше нечего: один кинотеатр, да и тот не работает.

— Итак, вы учились, творили, а потом вышли в жизнь и направились... Куда?

Донис: — На Кипр, естественно. Нину, правда, чуть не упекли по распределению в Новосибирск, но мы достали справку, что она беременна. Врач, которая эту справку выдала, поставила срок семь месяцев. Так что диплом Нина защищала с подкладной подушкой.

Нина: — Было страшно. И за диплом, и за подушку — ведь выскользнуть могла. Был бы конфуз.

Донис: — Потом мы устроили торжественную распродажу своих вещей — холодильника, телевизора, всего, что нажили за годы учебы. Лоты уходили по пять-десять рублей. И уехали. А через полгода вернулись.

Нина: — У Дониса был друг-бизнесмен. Он предложил нам открыть фирму по регистрации офшорных компаний. Русские, мечтавшие об офшорах на Кипре, приходили бы к нам. И все вроде удачно совпадало: Донис наполовину кипriot, наполовину русский, знает и тех и других.

Нам объясняли все схемы и правила. Я стала бухгалтером, ходила в налоговую инспекцию, оформляла какие-то

бумаги. Это хуже, чем преподавать в школе. К тому же в России в 1992-м, когда мы все это затеяли, бизнесом занимались в основном люди с бритыми затылками и золотыми цепями на шеях. Они звонили в двенадцать ночи: «Здесь вопросик возник, мы к вам сейчас приедем».

Донис: — Мы начинаем разговаривать, а они расстегивают пиджак, и за поясом — пара пистолетов. Меня бросало в жар, я терял дар речи и забывал все офшорные схемы. «Нет, — решили мы, — это не для нас». И вернулись в моду.

— Я все жду, когда же вы скажете: «И вдруг! И вот тут началось».

Нина: — Таких переломных моментов было несколько. В 1996 году один журналист устраивал в «Метелице» конкурс Альба-мода. Лапидус возглавлял жюри.

Мы подали заявку на участие. Коллекцию свою сшили за месяц. К нашему величайшему изумлению, она заняла в двух категориях первые места. Мы получили семь тысяч долларов призов. Это было чудом. Чуть позже мы получили приз зрительских симпатий на конкурсе моды «Смирнофф» — нам подарили швейную машинку, на которой мы шьем до сих пор.

— И чем вы всех «купили»?

Нина: — Мы правильно нашли образ. Тогда на подиумах царили женоподобные юноши, стиль унисекс. А мы прошлись по спортивным залам и подобрали в модели жутко мускулистых молодых людей, качков с бицепсами. Им просто не было равных.

— Это так важно найти образ?

Донис: — Это самое главное. Тряпочки потом придумывать, раскидать одну идею на целую коллекцию, дать вариации несложно. А вот образ найти — над этим надо сильно думать.

— Я так понимаю, ваши коллекции потом много где побеждали?

Нина: — Побеждают до сих пор. В этом году — на конкурсе в Йере, во Франции. Одни свои коллекции мы любим больше, другие меньше. Мы, например, покупали у бабушек на блошиных рынках вышивки крестиком — цветочки там разные. И вставляли вышивки как аппликации на купальники или боди. Получалось красиво.

Хуже — когда шьешь, думая, что все должно продаваться. Выходит неинтересно и продается плохо. И это лишний раз подтверждает: не надо никого слушать, надо доверять только себе.

— Насчет «только себе». Вы не крадете чужие идеи? Ну, знаете, на западных показах.

Нина: — Идеи вообще-то витают в воздухе, они приходят в голову сразу множеству людей. Бывает наоборот: ты что-то придумал, потом открыл модный журнал — а там уже готовая картинка. Обидно. Так что лучше ничего не смотреть, никуда не ходить. Это сбивает. Все равно, даже если десять человек будут рисовать один натюрморт, у них получится десять разных картин.

— А прошлогодняя джинсовая коллекция, после которой вы стали знамениты, как получилась?

Денис: — Мы решили сделать из джинсовой ткани такие вещи, которые бы выглядели как вязаные, трикотажные — какие угодно, только не джинсовые. Так совпало, что наш показ был сразу после одного очень известного дизайнера, в зале еще оставалась вся пресса, редакторы журналов. И всем ужасно понравилось. Вот тогда-то мы впервые по-настоящему почувствовали, что такое популярность. Мы поднялись на полступеньки вверх — и оказались совсем в другом окружении. Там все очень сложно: с одним дружи, с другим нет, если ты даешь слайды одному журналу, с его конкурентом у тебя могут быть проблемы.

— А у вас есть какие-то глобальные идеи насчет стиля? Изменится ли он в нынешнем веке?

Нина: — Знаете, коллекция рождается ровно в тот момент, когда ты за столом начинаешь о ней думать. А рас-

суждать абстрактно не тянет. Да все то же самое будет, одна волна сменится другой: вначале пойдет хай-тек, потом ретро, затем классика. Если брать наши коллекции, они разные, а постоянны в них настроение и стиль, сколь ни банально об этом говорить.

— И где вы ловите настроение?

Нина: — Закрываемся дома и ловим. Или в компании друзей. Или уезжаем на Кипр. А чтобы вдохновение уснуло крепко и надолго, достаточно выйти на московские улицы. Вот сейчас, осенью. Или спуститься в московское метро.

Денис: — Мы друг другу отлично создаем настроение. Когда мы вместе, у нас подъем. Во всем.

— А как вы представляете своего потенциального покупателя?

Нина: — Это человек обеспеченный, но без пафоса.

Денис: — У нас есть друг на Кипре, художник. Он скромно богат. Но мы об этом даже не догадывались, пока не побывали у него в гостях. В общении — самый обыкновенный парень, но у него вилла на берегу моря и дом в Лондоне, где мы у него останавливаемся, когда бываем в Англии. Мы шлем для таких, как он.

— Но он, наверное, аристократ в пятом поколении?

Нина: — Да. Вполне вероятно, пятое поколение обеспеченных русских будет вести себя так же. У этого нашего приятеля в Лондоне есть роскошная машина, но он ездит на метро. Одежду покупает и очень дорогую, и самую дешевую. Главное — чтобы нравилось.

Денис: — Пафос — наказание России. Что вообще за слова — «ви-ай-пи», «экс-лю-зив»? Не получается у русских сочетать простоту с богатством. Как только люди зарабатывают более-менее серьезные деньги, они теряют чувство юмора и уже не могут относиться к себе с иронией. Легкости не хватает.

Нам иногда говорят: «Как вы легко все придумываете!» На самом деле это как раз непросто — придумывать. Но для нас такие слова — комплимент. Мы к легкости стремимся. И люди в нашей одежде выглядят так, словно оделись за пять минут, небрежно и стильно.

— Пафос — наказание России.

Что вообще за слова —

«ви-ай-пи», «экс-лю-зив»?

*Не получается у русских сочетать
простоту с богатством. Как только
люди зарабатывают более-менее
серьезные деньги, они теряют чувство
юмора и уже не могут относиться
к себе с иронией... Нам иногда говорят:*

«Как вы легко все придумываете!»

Для нас такие слова — комплимент.

Мы к легкости стремимся

ПАНОРАМА ПАРКУЛЬТУРЫ

9 ЖАЗ

КИТЧ ЭКСПРЕССОМ В КОНСЕРВАТОРИЮ

Первым приобщить Баха к джазу додумался легендарный французский пианист Жак Лусье. На дворе стояли 60-е, эксперименты были в моде, и Жак, решивший оставить музыку, думал о каком-нибудь экстравагантном проекте напоследок. В результате родился «изысканный китч», термин, которым сегодня называют серию концертов, организованных в Большом зале консерватории фондом «Музыкальный Олимп». Сыграть самый неджазовый джаз на этих концертах обещают венгерские цыгане, британская барабанщица Эвелин Гленни, скрипачка Анна-Софи Муттер, оркестры Берлинской и Венской филармоний. Не знаем, как Бах, но старина Лусье точно останется доволен.

КОНЦЕРТЫ

ДИРИЖИРУЕТ СЛИВАКОВ

6 ноября в Большом зале консерватории пройдет концерт Российского национального оркестра, дирижировать которым будет Владимир Слинаков. В программе произведения Рихарда Штрауса. Во всех монографиях о нем упоминается одна и та же забавная история. Когда во время репетиций опер Штраус гневно кричал оркестрантам: «Играйте громче! Я все еще слышу певицу!». Этот известный анекдот говорит о том, что в опере главными он считал оркестрантов, а отнюдь не голосовые партии, которые Штраус воспринимал лишь как составную часть многокрасочной оркестровой фактуры. Нынешний концерт в БЗК украсит своим драматическим сопрано уроженка Копенгагена Элизабет Мейер-Топсон, которую по праву можно назвать «голосом Дании», так как официальный гимн страны записан именно в ее исполнении. Солистом в концерте для гобоя с оркестром выступит Алексей Уткин.

СЛУШАЙТЕ РАДИО...

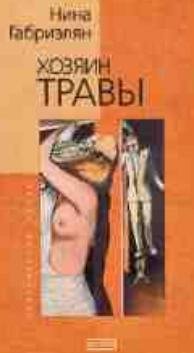
Радио «Шансон» и владельцы автомашин с номером 103 наконец-то нашли друг друга. Когда в эфире прозвучало, что разыскиваются автомобили с номером 103, никто из сотрудников не представил себе реальных масштабов этого «стихийного бедствия». Оладателей счастливого номера оказалось невероятно много. Причем узнавали они об этом, не только слушая радио «Шансон» или читая журнал «Огонек», но и от своих знакомых и соседей, а то и от доблестных сотрудников ГИБДД, которые с удовольствием останавливали никого не нарушающих водителей и сообщали им приятную новость. Каждый автомобилист-счастливчик стал почетным «шансоновцем», в его честь в эфире звучали его любимые песни. А недавно первых двадцать счастливчиков пригласили в ресторан «Русский шансон» на сиюную встречу с артистами и сотрудниками радио «Шансон». Поиск счастливчиков с номером 103 продолжается.

НОВЫЙ СТАРЫЙ ЖИВАГО

В Театре на Таганке снова премьера: Юрий Любимов восстановил поставленную им в 1993 году по мотивам романа Б. Пастернака музыкальную притчу «Доктор Живаго». Спектакль пронзительный, многослойный и чрезвычайно сложный для исполнения, ведь Альфред Шнитке попытка на музыку и прозу, и стихи (причем не только пастернаковские), в ткань действа включены песнопения молитвы. По словам режиссера, роман сейчас более важен, чем когда он был написан. В «Живаго» заняты лучшие силы Таганки А. Колликова, А. Трофимов, Ф. Антюпов, Т. Сидоренко, Л. Селютина. Роль Лары снова исполнит Анна Агапова, живущая теперь за границей. Но главная сенсация: Юрия Живаго буду играть в очередь — первый (и блестящий) исполнитель этой роли 60-летний Валерий Золотухин, и Дмитрий Муляр, который маложе мотра в два раза.

СПЕКТАКЛИ

ХОЗЯЕВА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Книга Нины Габриэлян «Хозяин травы», вышедшая в издательстве «Эксмо-пресс», поэтическая и глубокая, — «о тайной связи, существующей между предметами и явлениями в этом мире». Так написано в аннотации. Про связь — это замечено верно; связей в книге много. И они разные. Есть такие: «Мы ласкали ее в четыре руки, целовали плечи...» Есть и совсем другие: «Дети плакали. Дети бежали к реке». Сны и мечты героев связны между собой странной писательской техникой Габриэлян, незаметной в процессе чтения. Вроде читаешь-читаешь, прыгаешь

от слова к слову, а потом — раз, и общая картина вдруг получается: что-то вроде «он не умел лишать девственности женщин, имеющих четырнадцатилетних сыновей».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Бедная немецкая принцесса вышла замуж за идиота, чтобы иметь возможность носить шелковые чулки, править великой державой и держать вокруг себя множество любовников. В мировой истории эта женщина известна под именем Екатерины II, которую еще называют Великой. Притчудливость судеб «исторических» женщин изучила писательница Лариса Васильева. Собранный ею богатый материал вошел в целое двухтомное историко-публицистическое исследование под названием «Жены русской короны», вышедшее в издательстве «Эксмо-пресс».

Книги охватывают период девяти веков в судьбе Руси-России. Характерная особенность этого литературного труда — в позиции автора по отношению к истории, которая рассматривается с точки зрения женщины. А потому иногда получаются любопытные сентенции, когда автор — современная женщина — комментирует мысли и поступки своих героинь. Особенно когда проявляется ее женская солидарность и она, к примеру, очень живо сочувствует императрицам, чьи наследники по загадочному стечению обстоятельств не всегда бывали похожи на своих отцов.

ДЕТИ ОБОЖАЮТ ИЗМЕННИЦУ РОДИНЫ

«Боже, царя храни!» — пела шестилетняя девочка, дочь известного композитора Ильи Саца, в хоре музыкальной школы. А в восемнадцать лет, ошеломляюще красивая и талантливая, она уже руководила первым в мире детским музыкальным театром. Наталия Сац прожила богатую жизнь и оставила о ней очень яркие и откровенные воспоминания, изложенные в книге «Новеллы моей жизни», вышедшей в издательстве «Эксмо-пресс». Книга разделена на две части, как, по словам самой Сац, и ее жизнь, словно черное и белое. Первая — легкая, светлая, со множеством детских воспоминаний, вторая — с воспоминаниями о тюрьме, куда ее в 1937 году, как и многих соотечественников, посадили якобы за измену Родине. «Когда утром подняла с подушки голову, соседка по кровати (в камере) всплеснула руками и зажала себе рот... Много позже, когда шагала по сибирскому снегу и увидела свое отражение в еще незамерзшей луже... поняла: за одну ночь мои каштановые волосы стали седыми, вернее — белыми, как парик маркизы». Однако и в такой тяжелой ситуации Сац находила светлые моменты — сильную женщину ничего не могло сломить. Ее жизнь, как она сама говорила, «путешествие с остановками около интересных людей». И это путешествие похоже на какой-то фантастический триллер-сказку.

Междуног

Ol'ga VOZNESENSKAYA

Ни одной громкой премьеры на этой неделе не будет. Разве что «Междуног» Перейры (НТВ, суббота, 23.50) с Викторией Абриль и Ховьером Бардемом в главных ролях, суперзвездами, родившимися в Испании и покорившими весь мир. Бардем в этом году номинировался на Оскара за картину «До наступления ночи» (которая вот-вот выйдет в московский прокат). Абриль когда-то блистательно стартовала у Альмодовара, став его музой и постоянной исполнительницей. В «Междуног» они играют странную парочку: он получает удовлетворение исключительно от «секса по телефону», она — нимфоманка. Причем оба подозреваются в убийстве. Играют они в своей неподражаемой испанской манере — темпераментно, ярко, склегка на грани безумия. Так что нескучный субботний вечерок вам точно обеспечен.

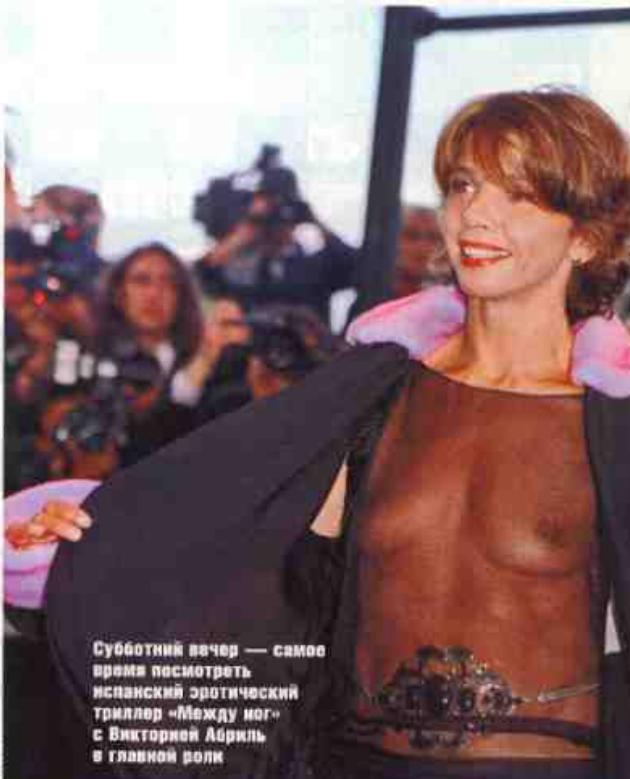
Как ни странно, в нашем старом советском кино, несмотря на его общую замешленность и стереотипность, время от времени попадались странные женщины, предвосхитившие фирменное безумие Абриль. Паша Стroganova, например, герояня старой панфиловской картины «Начало» («Культура», среда, 12.45), — некрасивая ткачиха, которую зазевший режиссер пригласил на роль Жанны д'Арк. Да ведь и Жанна, как мы знаем, была простой деревенской пастушкой. Панфилов об этом, собственно, и говорит: мол, дух веет где хочет, талант, как прышь, вскочет на любом месте, а в душе провинциальной простушки живет героиня. Вот только беда, времена совсем не геройские, мужчины — ненастоящие, и сама она, гений одной роли, больше никому уже не нужна. Мол, внешность не та, кинозвезды из нее не сделаешь. Ну а так называемая внутренняя красота — кому она нужна?

Да уж, Чурикова не Катрин Денев, спору нет. Хотя смотреть на нее иногда гораздо интереснее. Впрочем, когда Денев снимается у великих режиссеров, знающих, как эксплуатировать ее «ледяной эротизм», это получается двусмысленно и тревож-

но. Как, например, в «Дневной красавице» (М1, суббота, 0.30), где Денев сыграла пресыщенную буржуазку, в дневное время (пока скучный, правильный и безупречно воспитанный муж на службе) посещающую дом свиданий. Ей, видите ли, хочется остренько — униженный, например, или особого рода психологических извращений, которых здесь хоть отбавляй. В этом буржуазном памфлете Денев сыграла одну из своих лучших ролей — и это несмотря на то, что Бунозль постоянно выражал недовольство, обзываая ее «ледышкой» и «куклой».

Даже не знаю, советовать ли вам на ночь глядя «Лолиту» Эдриана Лайна (РТР, пятница, 0.05) — эротический «триллер» о запретной любви. С одной стороны — это одна из моих любимых картин, а юная Доминик Суэйн, которую выбрали из тысячи претенденток, как никто сыграла порочного и несчастного ребенка. Вечную Женственность в детском обличье. С другой стороны — есть опасения. Дело в том, что картина подверглась в России такому дублюжу, что ни от Суэйн, ни от Айрона в роли Гумберта не осталось почти ничего. Хриплый голос 40-летней торговки, переругивающейся со своим любовником, которого наши прокатчики снабдили голосом развратного пионервожатого, может навсегда отбить охоту к творчеству Лайна.

Так что если надоест это безобразие, смело переключайтесь на «Сонатину» Такэши Китано (REN TV, пятница, 0.45) — историю о мужественном якузе, которому до смерти надоели все на свете. На этой неделе можно увидеть сразу несколько иронических боевиков — кроме фильма Китано — «Карты, деньги, два ствола» (РТР, четверг, 23.40), дебют англичанина Гая Ритчи, и классических «Братьев Блюз» (ОРТ, суббота, 0.10), очаровательно-идиотский боевик с Джоном Белushi и Дэнном Эйкройдом в главных ролях. Лучшая сцена на этого фильма — финальная. Когда режиссер взял и разбил 300 новеньких «мерседесов», чтобы было смешно. Действительно, смешно, ничего не скажешь. ■

Субботний вечер — самое время посмотреть испанский эротический триллер «Междуног» с Викторией Абриль в главной роли

Лестница

Что наша жизнь? — детектив

Я закончил предыдущую заметку тем, что детектив «Золото партии» продолжится в следующем номере... Собственно тогда, в 1991-м, произошла всего лишь завязка сюжета, подозреваю, что до кульминации мы так и не доживем, не говоря уже о развязке.

Десять лет назад газеты сообщили о новой цепочке странных самоубийств. Причем все они оказались скроены по первым образцам, что само по себе вызывает удивление. Каждый из преждевременно ушедших, кто имел или мог иметь хоть какое-нибудь отношение к партийной кассе, как один прыгали с балкона. Будто заранееговорились только таким способом покончить с жизнью. Единственный, кто повесился, был маршал Ахромеев. Но к деньгам партии он вряд ли имел доступ, да и вообще, маршал оказался тем одним единственным представителем номенклатуры, кто не пережил крушения первого в мире государства рабочих и крестьян. Остальные воздержались от решительных шагов и, как потом выяснилось, правильно сделали.

С балкона своего дома, с двенадцатого этажа, выбросился 54-летний сотрудник международного отдела ЦК КПСС Д. Лисоволик... (Интересно, а кто у них в домах жил на нижних этажах?) Позже тем же способом покончил с собой предшественник уже упавшего с балкона Кручины на посту управделями ЦК 81-летний Г. Павлов. По словам его жены, узнав о смерти Кручины, Павлов сказал: «Так мог поступить только сильный человек, я на подобное не способен». Как выясни-

лось, способен. Посмотрел с женой и сыном вечером телевизор, вышел на балкон покурить...

Теперь об остальных ведущих деятелях партии и правительства, разумно сохранивших себе жизнь. Вероятно, на балкон они на всякий случай уже никогда не выходят. Сообщают, что, скорее всего, судя по делу ГКЧП в этом году, то есть, напомню, в 1991-м, уже не будет. Дальше делается вывод, что никому он не нужен, поскольку все среднее руководящее звено в августе занималось двойной игрой. Ну со средним все понятно, но ведь пофантализируй тогда, что главные гэкачелисты — Лукьянов, Варениников и даже лучший колхозник страны Стародубцев — будут играть заметную роль в политической жизни капиталистической России, тебя бы приняли за ненормального.

А пока развивается страшный скандал. В «Шпигеле» опубликовали протоколы допросов заговорщиков. Знать бы тогда, что главный колхозник трудные времена до своего губернаторства переживет за варкой самогоня, точнее со всем своим передовым колхозом будет производить водку-самопал, можно было его и в камере еще немножко подержать.

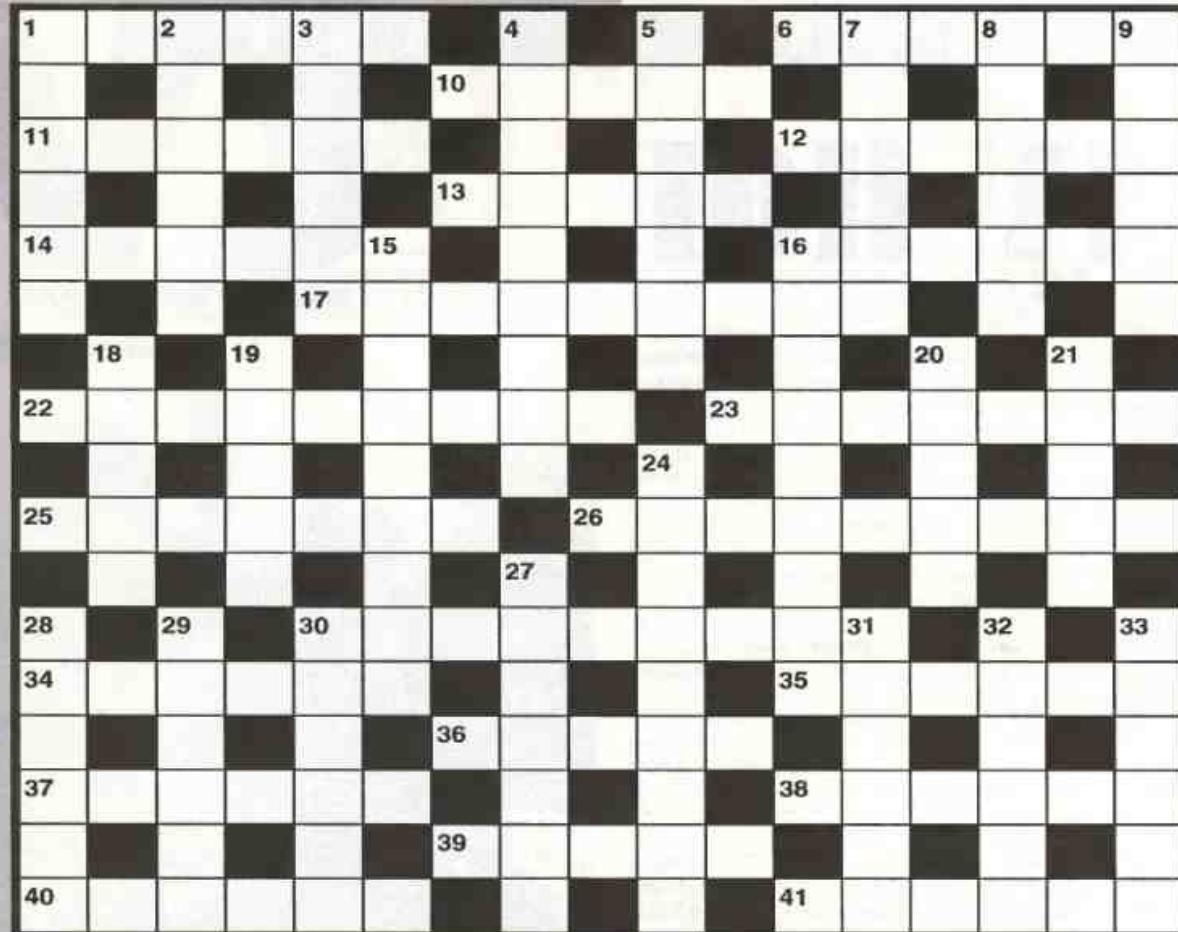
Все говорят: колбаса, колбаса... Но десять лет назад (кто помнит?) панику у москвичей вызвало сообщение, что водку собираются продавать по свободным ценам. Гайдара страна еще не знала, а то бы растерзала. Но народ быстро успокоили сообщением, что в типографии Гознака уже напечатали талоны на IV квартал и скоро в ЖЭКах начнется их раздача. Кто теперь поднимет руку на Стародубцева? ■

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

Фото: Петрович

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Состояние психики, активное отстранение от внешнего мира. 6. Письменный перечень. 10. Родственник ужа. 11. Венгерский танец. 12. Спекулянт скотом. 13. Стокок. 14. Покровительница Коперника и Галилея. 16. Жмот. 17. Минералка и курорт. 22. Осложнение аппендицита. 23. Ткань из некрученой пряжи. 25. Грабитель лесных пчел. 26. Муж чужой любовницы. 30. Синоним руководства. 34. Покрышка на борту судна. 35. Банкомат. 36. Кастрированный жеребец. 37. Консерватизм в делах. 38. Прежнее название столицы Турции. 39. Мелкое двукрылое насекомое. 40. Скелет изделия. 41. Небольшая речная барка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мелкая морская рыба отряда сельдеобразных. 2. Повзрослевший Маутли. 3. Книга — источник... 4. То же, что и чернение. 5. Человеческая тучность. 7. Штаны в просторечие. 8. Вечнозеленый лес. 9. Головной убор шута. 15. Сверхъестественный прорицатель. 16. Рассеянный человек (разг.). 18. Отверстие в улье. 19. Часть руки. 20. Сторона холма. 21. Парковая дорога. 24. Сельхозмашинка. 27. Гиппопотам. 28. Сыре для ветчины. 29. Его боится дело. 30. Место вечных мук. 31. Переносное жилище на Севере. 32. Иалишняя самоуверенность. 33. Тригонометрическая функция.

ОТВЕТЫ НА СКАНВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 43

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: Гаркалин — Акула — Ирония — Алиса — «Сид» — Ряж — Пси — Иваси — Ушаков — Дата — Сор — Туча — Метр — Рогоз — Бал — Рожки — Ренегат — Алфавит — «Парус» — Лайма — Ток — Сафонова — Антарес — Тук — Вийон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: Бандероль — Ажиотаж — Кама — Крап — Милан — «Лисистрата» — Ор — «Вор» — Надир — Пике — Куратор — Герат — Баритон — Фу — Узелок — Кизуч — Шарапов — Кора — Тави — Куб — Рай — Кино — Азу — Бал — Сон.

составлено и типовано

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ 29 ОКТЯБРЯ — 4 НОЯБРЯ

ОВЕН Крепя контакты и связи, войдите в понедельник. Со вторника бескомпромиссно откажитесь от приключений, хранищ за пазухой отбойный молоток для разрушения семейного очага. Возглавьте массы в среду, поведя их на штурм бюрократизма (карьеризма, оппортунизма, шовинизма). Претендуйте на вакантное место Акелы, вы можете промахнуться в четверг. Не позволяйте всяkim Табаки вить лианы интриг. В пятницу голову вскружат килограммы обещаний. Верьте избирательно. В конце недели хлопоты могут подмять вас под себя. Зовите на выручку друзей и знакомых.

ТЕЛЕЦ Организм возлит об отдыхе в начале недели. Подпорки из горсти витаминов и нескольких минут массажа вас спасут. Противостояние соблазнам — основополагающий принцип вашего существования во вторник. Начинайте сдаваться им в плен к вечеру среды, мужественно хмуря брови. Свежий взгляд на проблемы понадобится в четверг. Подходите ко всему нестандартно и нетрадиционно. Действуйте с размахом в пятницу, размахнувшись, никого не травмируйте. Загородная вилла (пригородная хижина) должна быть вашим пристанищем на субботу и воскресенье.

БЛИЗНЕЦЫ Химеры накинут на вас петлю в понедельник. Треволнения исполнят голак во вторник. Падение авторитета может стать неотвратимым в среду, если не принять профилактических мер. Укрепите пошатнувшийся авторитет парочкой добрых советов. Починка дядюшкиного пулепета или подробный инструктаж дворцовой тетушки по поводу правильного замеса теста для пирогов будут кстати. Четверг с пятницей должны пройти под сенью гения шефа. Убедите в этом себя. Поиски забвения в бочке с пивом (ванне с шампанским) не растягивайте на все выходные.

РАК Энергия закипит и заклокочет в понедельник. Дайте ей выход ближе к вечеру. Самооценка заскочит вниз в среду. Ловите на полути, несмотря на все ее попытки сползти кому-нибудь под ноги. Недоброжелатели попытаются отравить часть четверга взглядами василisksов и жалами болотных гадюк. Нейтрализуйте ворогов спокойствием Добрини Никитича (Василисы Микулины). Пятница — время для путешествий по морским и сухопутным маршрутам. Группу единомышленников соберите на конспиративной даче, при неся в жертву богу веселья оба выходных.

ЛЕВ Крупные тряты грозят вам в понедельник. Ходите с калькулятором, фиксируя любую потерю. Экзамен на находчивость придется сдать во вторник. При вытаскивании «билета» проявите недюжинные способности. Среда — день здоровья. Уделите внимание претензиям собственного организма. Душа запросит восхищения в четверг. Готовьте к этому окружавших. Успехи отрывков расцветят пятницу. Завалите отличившихся небольшими подарками. К концу недели остынут горячая голова и пылающее тело в одном из водолеев (оceanе, бассейне, ванне).

ДЕВА Куча новой информации свалится на вас в понедельник. Переработывайте. Повышенная вероятность прибыли обещана во вторник. Распорядитесь полученным разумно, не забыв о близких и вспомнив о любимых. Шеф подвергнется резким перепадам настроения в среду. Переихавайте кризис в укромном месте. Любая беседа по душам оживит четверг. Беседу сдобрите порцией красного вина. Тучи над пятницей разгоняйте жестко и непреклонно, пока не засият лица домочадцев и солнце на небосклоне. В выходные сумейте выкроить пару минут для релаксации.

ВЕСЫ Непринужденный вид сохраняйте весь понедельник. Оригинальные идеи придут вместе со вторником. Гоните прочь те из них, которые норовят вызвать шок у коллег и домашних животных. На всю среду в гости к вам заявится муз. Устройте ей прием с чтением собственных произведений. Четверг готов превратить вас в Макаренко, так как чада полны желания показаться во всей красе. Воспитание «половины» перенесите на пятницу, предварительно убедившись, что она легковоспитуема. Дайте старт своим фантазиям с утра субботы, отправив их в двухдневный полет.

СКОРПИОН С понедельника ожидается взлет по служебной лестнице. Траекторию рассчитайте точно, чтобы не попасть впросак. Вторник поправит положение на семейном фронте. Фундамент грандиозных событий закладывайте в среду, подмешав в раствор три части терпения. В четверг надо порасти семенной каплику. Смена имиджа пойдет вам на пользу. Заодно приоденьте «половину» и купите теплую полону четвероногому другу. Пятница удержит ситуацию под контролем, если голова будет трезвой. Субботнее приключение может перерасти в воскресный скандал.

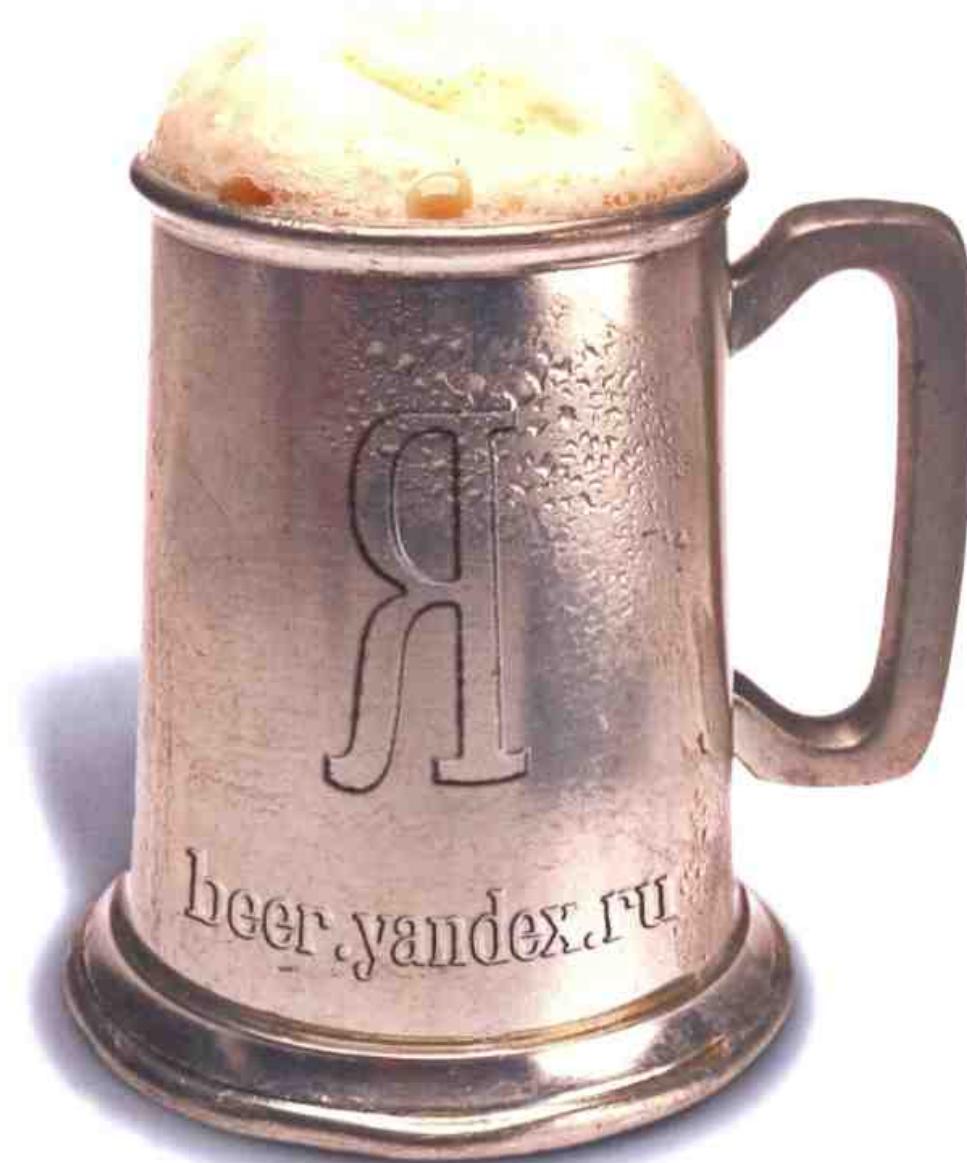
СТРЕЛЕЦ Буря в стакане воды возможна в понедельник, если не умерите сыпящий пыл. Поиски виноватых отложите на «потом». Дайте лицу спокойно поспать во вторник. Материальные проблемы среди задвинут все остальное на задний план. Следуйте голосу разума. «Цветы жизни» доставят вам в четверг несколько неприятных минут. Проводите беседу «за жизнь», приняв стопочку валерьянки. Роль супергероя(ини) закреплена за вами на всю пятницу. Спасайте и защищайте бездозорных. Времяпрепровождение в выходные будет зависеть от вашей расторопности.

КОЗЕРОГ Совесть окажется лучшей подсказчицей в понедельник. Прислушивайтесь. Вычислять стоимость выеденного яйца и сравнивать ее со стоимостью ваших проблем не самое удачное занятие для вторника. Проще будет закатать рукава и вступить в схватку с нерешенным. Голос шефа напомнит в среду крик вспугнутой птицы. Успокойте «птицу» своевременным приходом на работу. Отметая эмоции, войдите в ворота четверга. Ему, как и пятнице, удастся избежать многих ошибок. Стремительно развивающийся роман может достичь кульминации в выходные.

ВОДОЛЕЙ В понедельник противопоказано «пить, корить и уму-разуму учить». Звезды советуют важные документы подписать во вторник. Шеф обращается меморандуму о мире, «половина» — дарственной на ценное имущество. Среда принесет массу соблазнов, которые не замедлит вывалить перед вами во второй половине дня. Чада попытаются пристроиться на вашей шее в четверг, удобно свесив ноги. Строгость не помешает. Четверг обставит пятницу по количеству позитивных событий. Наслаждайтесь. Подставить пятки солнечным лучам лучше в концу недели.

РЫБЫ Безмятежная гладь понедельника способна успокоить вас, но легкая вечерняя рябь должна удержать в состоянии боевой готовности. Утонуть в текущих делах остерегайтесь во вторник. Сколотив плот из упорядоченных пунктов и подпунктов, вплывайте в среду. Глубокое погружение в бизнес вероятно в четверг. Не попадитесь в сети любителям жареного. Партнеры с подмоченной репутацией попытаются проплыть на территории пятницы. Держитесь! Страсть захлестнет вас в выходные. Не забудьте о родной акватории и куче собственных мальков.

ЭКСПЕРТ?

ПО ПИВУ!

Много пива не бывает, правда? Значит, вы разбираетесь в предмете!

Мы приглашаем вас поделиться своим знанием со всеми.
Наша задача – не сравнивать сорта и марки, а создать народную экспертную систему по всем видам пива.

На сайте Яндекс.Пиво можно и почитать статьи о пиве, и принять участие в конкурсах, и обсудить важные вопросы с другими любителями пива.

Лучшие эксперты и самые активные участники получат призы от Яндекса и от спонсоров.

Яndex

Все подробности на сайте www.yandex.ru

**ПРИ ДОЛГОМ ОБЩЕНИИ С ДРУГОМ
ПОРОЙ НЕ ЗАМЕЧАЕШЬ
ПРОИСХОДЯЩИХ ВОКРУГ ПЕРЕМЕН...**

www.greenwood.com.ru

Компания **RSI** – победитель национального конкурса «Брэнд года» в 2000 году.

Оптовые поставки:

Тел.: (095) 907-1101, 907-1065
Факс: (095) 904-5995
E-mail: rsi@rsi.ru
<http://www.rsi.ru>
<http://b2b.rsi.ru>

Наши партнеры:

Казань	АБАК	(8432) 769-741
Москва	R-Style	(095) 904-1001
Москва	Кибер-Хаус	(095) 234-1783
Нижний Новгород	R-Style	(8312) 443-517
Новосибирск	R-Style	(3832) 668-058
Уфа	Банкос	(3472) 533-198
Хабаровск	R-Style	(4212) 218-549

Интернет-магазин www.computerplaza.ru